

Бельгия

Джордж У. Т. Омонд

BELGIUM

PAINTED BY AMÉDÉE
FORESTIER · TEXT BY
GEORGE W. T. OMOND
PUBLISHED BY A. & C.
BLACK · SOHO SQUARE
LONDON · W · MCMVIII

Проект " Электронная книга Гутенберга" о Бельгии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Бельгия

Автор: Джордж У. Т. Омонд

Иллюстратор: А. Форестье

Дата выхода: 11 июля 2014 г. [Электронная книга № 46248]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Kiwibrit и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных интернет-архивом / американскими библиотеками (<https://archive.org/details/americana>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" В БЕЛЬГИИ ***

Электронная книга "Проект Гутенберга", Бельгия, Джорджа У. Т. (Джордж Уильям Томсон) Омонда, иллюстрирована Амеде Форестье

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив / Американские библиотеки. Видеть <https://archive.org/details/belgium00omoniala>

Изображение на обложке подготовлено автором и находится в общественном достоянии.

ЭТА КНИГА ТАКЖЕ ИЗДАНА В ТРЕХ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЯХ

БРЮГГЕ И ЗАПАДНАЯ ФЛАНДРИЯ

СОДЕРЖИТ 57 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

ЦЕНА 10/-НЕТТО

БРАБАНТ И ВОСТОЧНАЯ ФЛАНДРИЯ

СОДЕРЖИТ 20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

ЦЕНА 7/6 НЕТТО

ЛЬЕЖ И АРДЕННЫ

СОДЕРЖИТ 20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

ЦЕНА 7/6 НЕТТО

А. И К. БЛЭК, СОХО-СКВЕР, ЛОНДОН, W.

Бельгия

АГЕНТЫ

АМЕРИКА

КОМПАНИЯ MACMILLAN
ПЯТАЯ АВЕНЮ, 64 И 66, НЬЮ-ЙОРК

КАНАДА

КАНАДСКАЯ КОМПАНИЯ MACMILLAN, LTD.
ЗАПАДНАЯ РИЧМОНД-СТРИТ, 27, ТОРОНТО

ИНДИЯ

КОМПАНИЯ MACMILLAN, LTD.
ЗДАНИЕ MACMILLAN, БОМБЕЙ
УЛИЦА БОУ-БАЗАР, 309, КАЛЬКУТТА

АВСТРАЛАЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА, МЕЛЬБУРН

BRUSSELS

The Hôtel de Ville, a corner of the Grande Place, showing La Maison des Brasseurs, La Maison du Cygne, and La Maison de l'Étoile.

БЕЛЬГИЯ
КАРТИНА АМЕДЕЯ ФОРЕСТЬЕ · ТЕКСТ
ДЖОРДЖА У. Т. ОМОНДА
ОПУБЛИКОВАНО А. & С.
БЛЭК · СОХО-СКВЕР
ЛОНДОН · W · MCMVIII

Содержание

Глава

I.	Рыночная площадь и колокольня Брюгге - ранняя история	3
II.	Болдуин Бра-де-фер—Бурская площадь—Убийство Карла Доброго	11
III.	Бегинаж—Церкви—Реликвия Святой Крови	23
IV.	Брюггская заутреня —Битва при Золотых Шпорах	39
Против	Дамма—Морское сражение при Слуйсе-Великолепие Брюгге в средние века—	49
VI.	Смерть Брюгге	63
VII.	Равнина Западной Фландрии—Ипр	83
VIII.	Фурнес—Шествие кающихся	109
IX.	Ньюпор—Битва при Дюнах	119
X.	Побережье Фландрии	129
XI.	Коксайд—Пейзаж дюн	151
XII.	Гент	163
XIII.	Герцоги Брабантские—Основное блюдо Joyeuse—Конец шестнадцатого века	175
XIV.	Бомбардировка 1695 года—Гран-Плас—Церковь Св. Гудуль—Карл Лотарингский	195
XV.	Иосиф II и революция в Брабанте	209
XVI.	Якобинцы в Брюсселе —Визит Наполеона —Сто дней	219
XVII.	Голландское правительство—Революция 1830 года	233
XVIII.	Перипетии Антверпена	243
XIX.	Льежское княжество	273
XX.	Ранняя история Льежа—епископ Нотгер—Мировой суд	279

XXI. Герцоги Бургундии—Разрушение Льежа Карлом Смелым	295
XXII. Арденнский кабан	313
XXIII. Эрард де ла Марк —княжество в шестнадцатом веке	325
XXIV. Ширу и Гринью —Трагический банкет в Варфузе	339
XXV. Игровые столы в Спа-Французская революция—Аннексия княжества	353
XXVI. Льеж и долина Мааса в наше время—Бульон	363
Индекс	377

Список иллюстраций

1. Hôtel de Ville, Brussels (showing La Maison des Brasseurs, La Maison du Cygne, and La Maison de l'Étoile)	<i>Frontispiece</i>
	FACING PAGE
2. Угол рынка на Гранд-Плас, Брюгге,	6
3. Звонарь бьет в колокола	9
4. Порт д'Остенде, Брюгге,	10
5. Улица на углу (показывает конец ратуши и мост, соединяющий ее с Дворцом правосудия), Брюгге,	14
6. Набережная Розер, Брюгге,	18
7. The Béguinage, Bruges	24
8. Quai des Marbriers, Bruges	38
9. Молодая женщина- фламандка,	42
10. Фламандский бюргер	46
11. Набережная Мира, Брюгге	52
12. Вид на Дворец Франков, Брюгге	64
13. Дом Пеликана (богадельня), Брюгге	69
14. Овощной рынок, Брюгге	78
15. Фламандская равнина	84
16. Фламандская деревенская девушка	86
17. Интерьер фермерского дома, Дуйнхук,	88
18. В Кермессе, Адинкерке,	92
19. Усадьба	96
20. Площадь музея (показана верхняя часть Колокольни), Ипр,	98
21. Аркада под Ньюверком, Ипр,	104
22. Большая площадь и колокольня, Фурн,	110
23. Перистиль ратуши и Дворца правосудия, Фурн,	112
24. Интерьер церкви, Ньюпор,	114
25. Башня Святого Николая, Фурнес,	116

26.	n Ste. Вальбургская церковь, Фурнес,	118
27.	Честный прихожанин, Ньюпор,	120
28.	Холл и дом викария, Ньюпор,	122
29.	Набережная с лодками для ловли угрей и пристанями, Ньюпор,	124
30.	Ратуша, Ньюпор,	126
31.	Церковная паперть (вечерня), Ньюпор	128
32.	Ненастный вечер: дюны	130
33.	Старый фермер	134
34.	Интерьер фламандской гостиницы "Ла Панн"	138
35.	Фламандская гостиница—Игра в кегли, Ла Панн	140
36.	Ловец креветок верхом на лошади, Коксайд	151
37.	Креветка, Коксайд	154
38.	Деревня и канал, Адинкерке	156
39.	Старая кружевница, Гент,	164
40.	The Banquet Hall, Château des Comtes, Ghent	166
41.	Béguinage de Mont St. Amand, Ghent	168
42.	The Arrière Faucille (Achter Sikkel), Ghent	170
43.	Руины монастырей аббатства Святого Бавона, Гент	172
44.	Площадь Брукер, Брюссель	176
45.	Вход в Старую церковь кармелиток,	188
46.	Кафедральный собор Святой Марии. Гудуле, Брюссель,	200
47.	Старый дом на Гранд-Плас, Брюссель,	216
48.	Rue de Namur, Brussels	230
49.	Ферма Ла Бель Альянс и курган, увенчанный бельгийским львом, Ватерлоо	232
50.	Кафедральная часовня Святого Иосифа, Антверпен	244
51.	Вьей Бушери, Антверпен	246
52.	Старые дома на улице Амперер, Антверпен	248
53.	Арка под Вьей Бушери, Антверпен	244
54.	Консьерж Музея Плантен-Моретус, Антверпен	254
55.	Площадь Верте, Антверпен	260
56.	Музей Плантен-Моретус (бутик Arrière), Антверпен,	262
57.	Рейд от Тет-де-Фландр, Антверпен	266
58.	Замок Вульсор на Маасе	274
59.	Замок Вальзин в долине Лесс	276
60.	Епископский дворец—Внешний двор, Льеж	280
61.	Pont des Arches, Liège	284
62.	Escalier de la Fontaine, Liège	286
63.	Больница, Динант,	292
64.	La Maison Curtius, Liège	296

65. Le Rocher Bayard, Dinant	296
66. Старый дом на набережной ла Гофф, Льеж,	308
67. Крестьянка из Арденн	314
68. Река Самбр, видимая с моста Самбр, Намюр	318
69. Ла Глейз, деревня в Арденнах	322
70. Общий вид Динана	328
71. The Romanesque Church, Hastière	336
72. Le Perron Liégeois, Liège	340
73. La Vieille Boucherie, Liège	346
74. Епископский дворец—Внутренний двор, Льеж,	350
75. Пон-дю-Профет, Набережная Мейербера, Спа-Вудс	356
76. Мост Жамбес и цитадель, Намюр	364
77. Бульонский замок в долине Семуа	368
78. Эскизная карта БЕЛЬГИИ и части ГОЛЛАНДИИ	392

Эскиз-карта в конце тома.

БРЮГГЕ И ЗАПАДНАЯ ФЛАНДРИЯ

БРЮГГЕ И ЗАПАДНАЯ ФЛАНДРИЯ

ГЛАВА I РЫНОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ И КОЛОКОЛЬНЯ -РАННЯЯ ИСТОРИЯ БРЮГГЕ

Каждый посетитель "причудливого старого фламандского города" первым делом отправляется на Рыночную площадь. Субботним утром обширное пространство под могучей Колокольной заполнено прилавками с белыми парусиновыми навесами, заваленными любопытным ассортиментом товаров. Одежда всех видов, сабо и кожаные башмаки, огромные глиняные кувшины, кастрюли и сковородки, чайники, чашки и блюдца, корзины, безвкусные гравюры — главным образом религиозного характера, — лампы и подсвечники, более дешевые виды фламандской керамики, ножи и вилки, плотницкие инструменты и такие мелкие предметы, как катушки с нитками, шляпные булавки, лента и даже флаконы с грубыми духами, свалены в кучу на прилавках или разложены на грубых камнях везде, где есть свободное место. Вокруг прилавков, в узких промежутках между ними, снуют люди, разговаривая, смеясь и торгуясь. Между собой они говорят на своем родном фламандском, но многие из них говорят на том, что в Брюгге считается французским, или даже на нескольких словах на ломаном английском, если какой-нибудь неосторожный приезжий с другого берега Ла-Манша окажется достаточно опрометчивым, чтобы рискнуть вести дела с этими сообразительными, правдоподобными людьми.

На первый взгляд этот Рынок, столь прославленный в песнях, вызывает разочарование. Северную сторону занимает ряд домов семнадцатого века, превращенных в магазины и третьеразрядные кафе. На востоке находится современное почтовое отделение, грязное и плохо проветриваемое, и несколько недостроенных правительственных зданий. На западе находятся два дома, которые когда-то были довольно примечательными: Краненбург, из окон которого в старину графы Фландрии со своими придворными лордами и леди наблюдали за турнирами и зрелищами, которыми славился Брюгге и на которых Максимилиан был заключен в тюрьму бюргерами в 1488 году; и Отель де Бушут, узкое квадратное здание из темно-красного кирпича с позолоченным львом над дверным проемом. Но Краненбург, некогда "самая великолепная частная резиденция на Рыночной площади", много лет назад утратил все следы своего первоначального великолепия и теперь представляет собой непривлекательную гостиницу, штаб-квартиру клуба для курящих; в то время как Отель де Бушут, превращенный в магазин одежды, мало чем отличается от своих обычных соседей. Тем не менее,

"На Рыночной площади Брюгге стоит Колокольня, старая и побуревшая;

Трижды сгоревший и трижды отстроенный заново, он все еще наблюдает за городом.

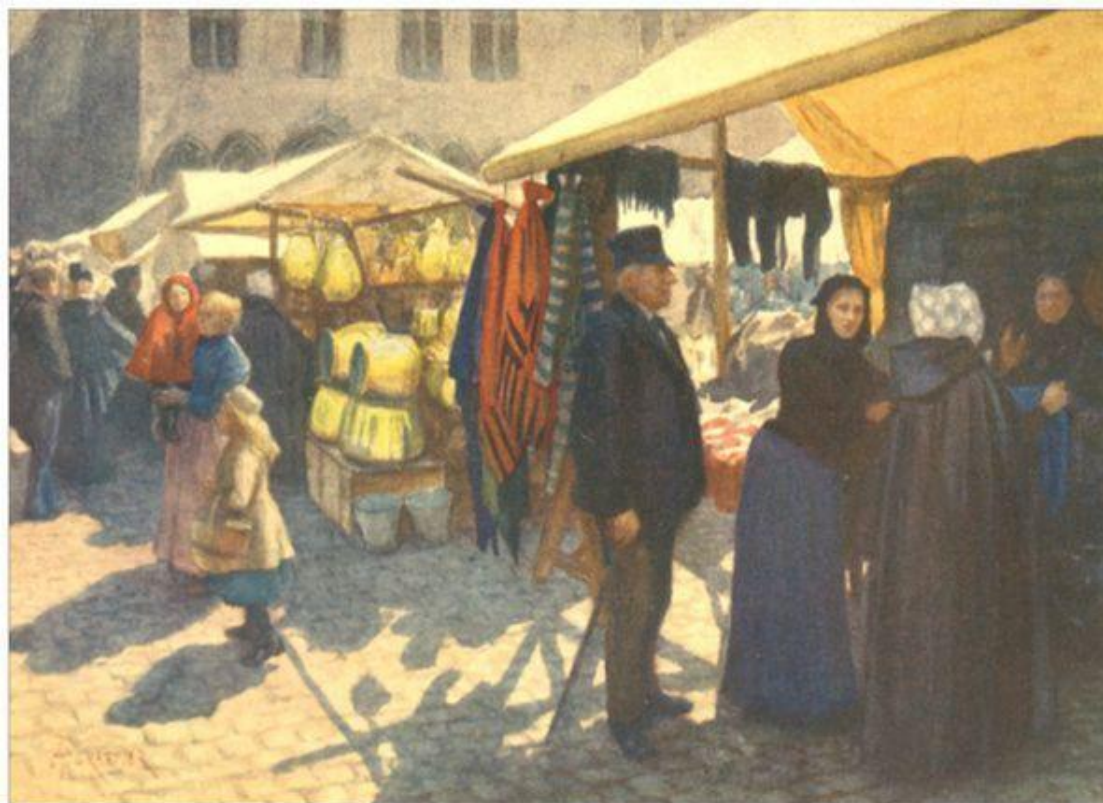
Это избавляет Рынок от посредственности. Как давно была построена первая колокольня Брюгге, неизвестно, но, по крайней мере, достоверно известно, что в 1280 году пожар, в результате которого погибли древние архивы города, уничтожил большую часть старой колокольни, которая, как некоторые предполагают, могла быть возведена в девятом веке. В двух последующих случаях, в пятнадцатом и восемнадцатом веках, нынешняя Колокольня, возведенная на руинах прежнего строения, пострадала от пожара: и теперь она стоит на южной стороне Рыночной площади, возвышаясь на 350 футов над Халлесом, массивным зданием тринадцатого и четырнадцатого веков, торжественным, побитым непогодой и величественным. "В течение шестисот лет, - говорили, - эта Колокольня наблюдала за городом Брюгге. Он видел ее триумфы и неудачи, ее славу и ее позор, ее процветание и постепенный упадок, и, несмотря на столько превратностей, он все еще стоит, чтобы свидетельствовать о гении наших предков, пробуждать воспоминания о старых временах и восхищение одним из самых великолепных памятников гражданской архитектуры, созданных Средневековьем".^[1]

В старину на Колокольне всегда дежурили сторожа, чтобы предупредить о приближении врагов или о пожаре в какой-либо части города, что было постоянным источником опасности, поскольку большинство домов были построены из дерева. Даже в эти более прозаические дни все еще сохраняется обычай неустанного дежурства, и если случается пожар, над городом разносится тревожный звон. Весь день, из года в год, куранты бьют каждые четверть часа; и всю ночь тоже, во время самых жестоких зимних штормов, когда ветер завывает вокруг башни; и летом, когда старый город дремлет в лунном свете.

С вершины Колокольни открывается вид на практически средневековый город.

БРЮГГЕ

Угол рынка на Гранд-плас.

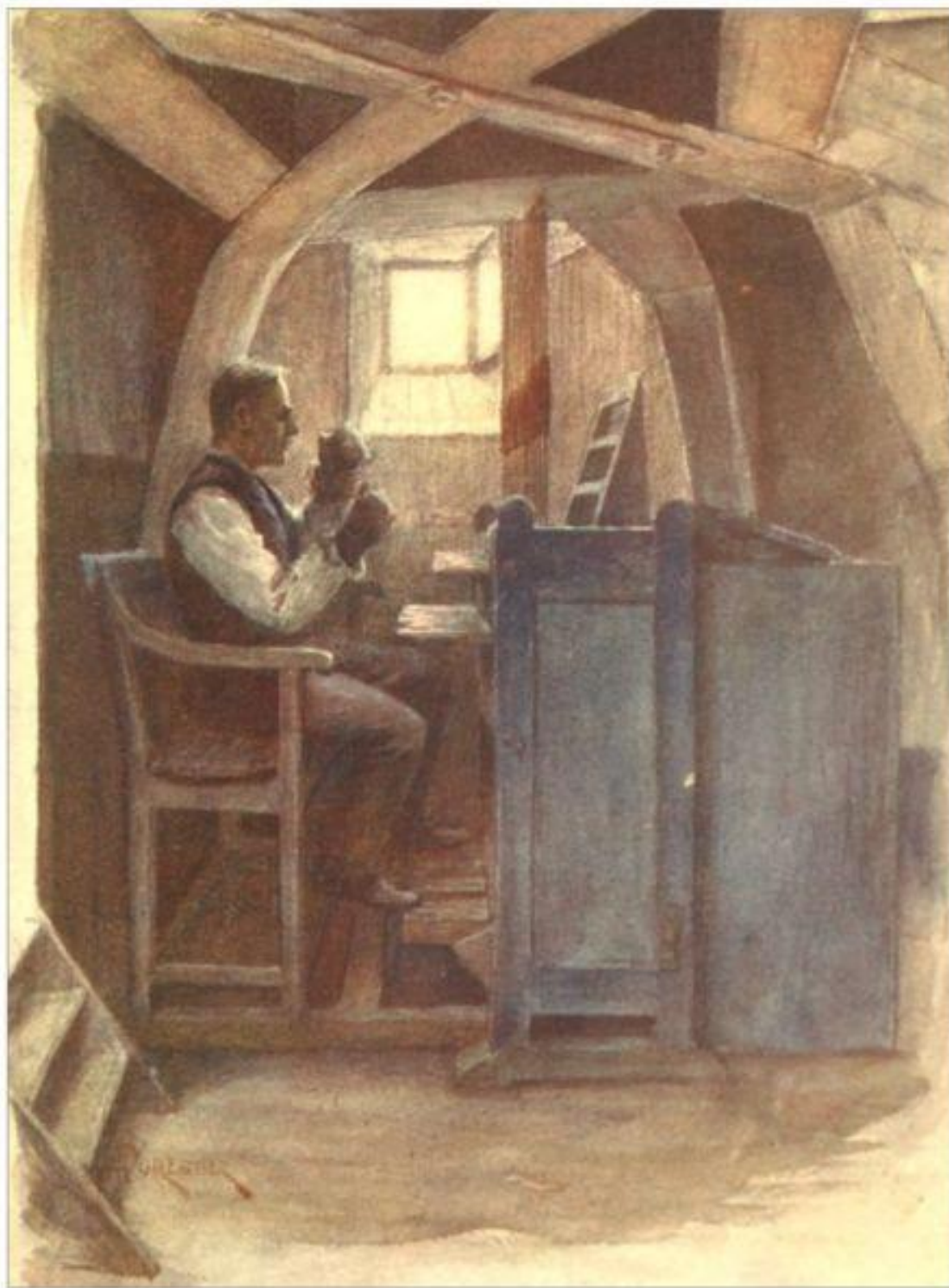

Если смотреть сверху, кажется, что Рыночная площадь теряет свой современный вид; и вокруг не видно ничего, кроме домов с высокими остроконечными фронтонами и красными крышами, пересеченных каналами, и улиц, таких узких, что они кажутся простыми переулками. Над ними возвышаются, иногда из деревьев и садов, церкви, монастыри, почтенные здания, высокий шпиль Нотр-Дама, башня Сен-Совер, башенки Грутюиза, больница Святого Иоанна, известная своими картинами Мемлинка, церковь Св. Елизаветы в роще Бегинаж, башенки Дворца Франков, крутая крыша Ратуши, купол Монастыря английских дам, а за ним, на востоке, стройная башня, возвышающаяся над зданием Гильдии лучников Святого Себастьяна. Стены, защищавшие Брюгге в смутные времена, исчезли, хотя сохранились пять старых ворот; но город все еще находится в пределах, которых он достиг в конце тринадцатого века.

За большой площадью Халль, над которой возвышается Колокольня, находится Rue du Vieux Bourg, улица Ауденбурга, или старого форта; и на эту улицу должен сначала отправиться изучающий историю, если он хочет понять, что традиция, более или менее достоверная, говорит о самых ранних этапах странного, богатого событиями прошлого Брюгге. Широкая равнина Фландрии, северная часть страны, которую мы теперь называем Бельгией, в древние времена была унылой болотистой местностью, пристанищем диких зверей и свирепых людей; ее покрывали густые, непроходимые леса, участки бесплодного песка, заболоченные болота; по ней текли медленные ручьи, некоторые из которых так и не нашли пути к морю. Через одну из этих рек, называемую Рея, был перекинут мост, для защиты которого, согласно древней традиции, в четвертом веке был возведен форт, или "бург". Этот форт стоял на островке, образованном впадении реки Роя в другой ручей, называемый Ботербеке, и рвом, соединявшим их. Мы можем предположить, что рядом с фортом, который, вероятно, представлял собой небольшое здание из необработанных камней, или, возможно,

просто деревянный частокол, люди, пришедшие туда для защиты, построили несколько хижин, и со временем поселение увеличилось. "Иоанн Ипрский, аббат Святого Бертена, - говорит мистер Робинсон, - писавший в четырнадцатом веке, описывает, как родился и получил крещение Брюгге: "Очень скоро разносчики начали селиться под стенами форта, чтобы удовлетворять нужды его обитателей. Следующими пришли торговцы со своими ценными товарами. За ними последовали владельцы гостиниц, которые начали строить дома, где те, кто не мог найти ночлег в форте, находили еду и кров. Те, кто таким образом отворачивался от форта, говорили: "Пойдем к мосту". И когда домов возле моста стало так много, что образовался город, он сохранил в качестве своего собственного названия фламандское слово *Брюгге*"

ЗВОНАРЬ ИГРАЕТ В КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Небольшой остров, на котором располагался этот примитивный поселок, был ограничен с юга и востока рекой Ройя, с севера Ботербеке, а с запада рвом, соединяющим эти два ручья. Руа по-прежнему течет между старым бургом и липовой аллеей, называемой Дайвер, пока не достигает конца набережной Розер, где поворачивает на север. На небольшом расстоянии от этого места она перекидывается и проходит под улицами и домами города. Улица Старый Бург построена по течению Ботербеке, которая сейчас проходит под ней и под Колокольной (возведенной на фундаменте, глубоко заглубленном в русло ручья), пока не впадет в подземный канал реки Руа в юго-восточном углу Рыночной площади. Ров, соединявший эти

два ручья и охранявший западную сторону острова, был засыпан давным-давно, и его русло теперь покрыто улицей Нев, соединяющей улицу Старый Бург с Дайвером.

Таким образом, можно легко проследить границы раннего Брюгге; но от древних построек ничего не осталось, хотя мы читаем о складе, киосках и тюрьме, помимо жилых домов горожан. Там были, по крайней мере, элементы гражданской жизни; и традиция гласит, что в деревне или поблизости от нее, поскольку это было не более чем поселение, в седьмом и восьмом веках были воздвигнуты несколько алтарей христианской веры. Торговля тоже вскоре начала процветать и быстро росла по мере увеличения населения этого места. Река Ройя, текущая на восток, впадала в Цвейн, морской рукав, который тогда подходил вплотную к городу и на котором стоял Дамме, ныне небольшая деревушка в глубине страны, но когда-то оживленный порт, переполненный судами. Коммерческая жизнь Брюгге зависела от Цвейна; и о том, что до конца IX века велись большие дела, свидетельствует тот факт, что в то время в Брюгге была собственная чеканка монет.^[2] Именно из таких маленьких начинаний возникла эта знаменитая "Северная Венеция".

BRUGES

Porte d'Ostende.

Сноски

^[1] Гиллиат-Смит, *История Брюгге*, стр. 169 (Dent and Co., Лондон, 1901). Книга Гиллиат-Смита представляет собой живописный рассказ о Брюгге в средние века. Из английских работ, относящихся к Брюгге, нет ничего лучше, чем "*Брюгге*" мистера Уилфрида Робинсона, *исторический очерк*, краткая и ясная история, доходящая до наших дней (Луи де Планке, Брюгге, 1899).

^[2] Гиллиодтс ван Северен, *Брюгге Древний и современный*, стр. 7, 8, 9.

ГЛАВА II

БОЛДУИН БРА-ДЕ-ФЕР—БУРСКАЯ ПЛОЩАДЬ—УБИЙСТВО КАРЛА ДОБРОГО

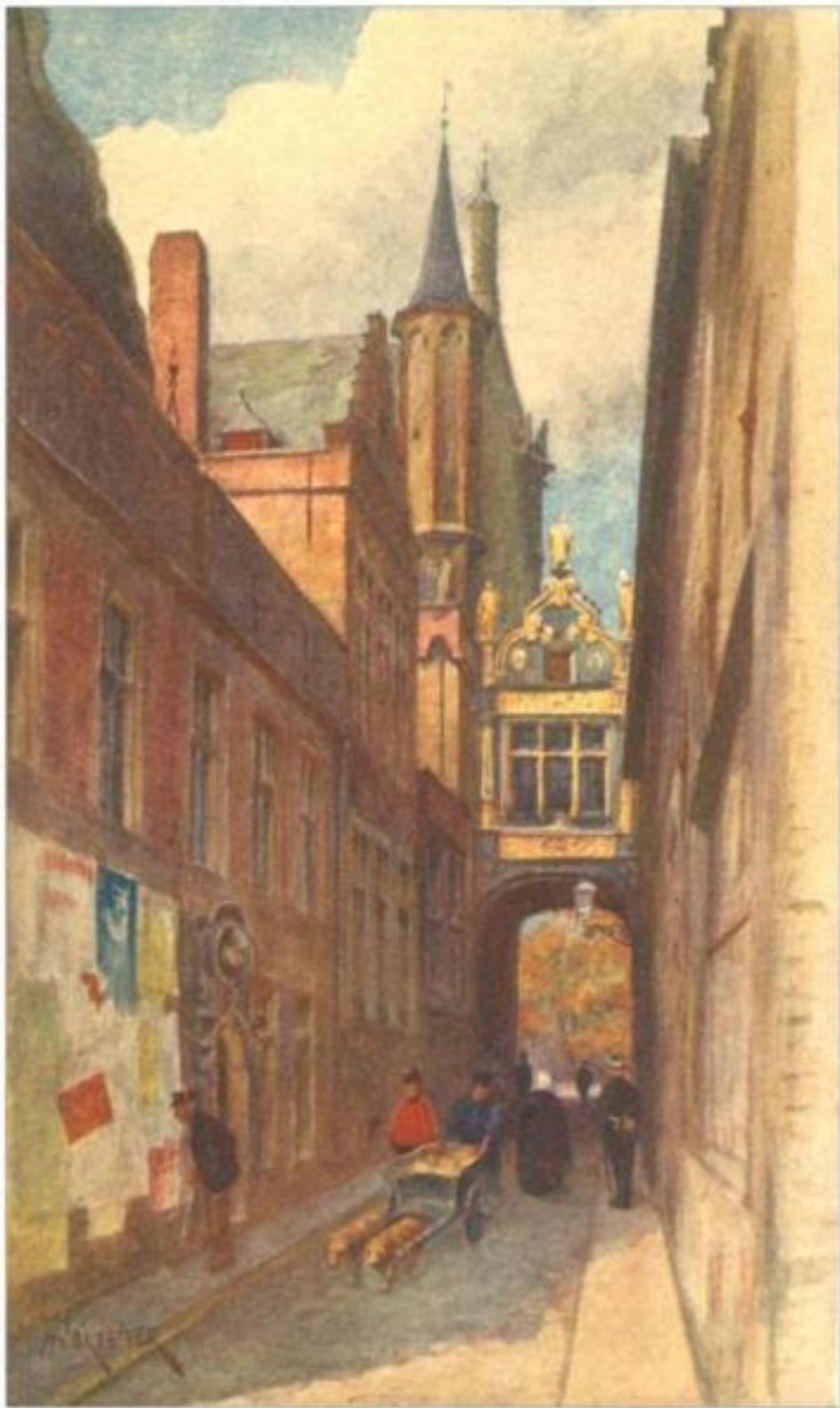
Ближе к концу девятого- началу десятого века на берегах реки Руа произошли большие перемены, и был заложен фундамент Брюгге в том виде, в каком мы его знаем сейчас. Точно так же, как в памятные 1814 и 1815 годы империя Наполеона распалась на куски, и принцы и государственные деятели поспешили перекроить карту Европы в своих собственных интересах, так и в девятом веке империя Карла Великого разваливалась; и в борьбе за добычу норманны принесли огонь и меч во Фландрию. Карл Лысый, король франков, в этот критический момент призвал к себе на помощь сильную руку Балдуина, фламандского вождя, о происхождении которого мы мало знаем, но который вскоре прославился как Балдуин Бра-де-Фер - Балдуин Железной Руки, прозванный так потому, что ни в мирное, ни в военное время его никогда не видели без кольчуги. Этот суровый воин влюбился в дочь Карла Лысого Юдифь, которая уже была дважды замужем: сначала за саксонским королем Этельвульфом (после смерти его первой жены Осберги, матери Альфреда Великого), а затем за Этельбальдом, после смерти которого она покинула Англию и переехала жить в Санлис. Балдуин убедил принцессу сбежать с ним; и они поженились без ведома ее отца, спасаясь от мести которого, преступники бежали в Рим. Папа Николай I. добился примирения, и Карл не только простил своего зятя, но и назначил его правителем Фландрии с титулом маркиза, который впоследствии был изменен на титул графа. Именно закованному в сталь Болдуину Брас-де-Феру графы Фландрии приписывают происхождение своего титула; и более того, он был настоящим основателем Брюгге, который достиг такой славы в средние века и до сих пор, хотя и потерял свое высокое положение, является живописной столицей Западной Фландрии, куда стекаются художники, чтобы побродить среди каналов и мостов, разрушенных крепостных валов, узких улочек с их причудливыми домами и старинных зданий, которые так красноречиво свидетельствуют о разрухе, давным-давно поглотившей то, что когда-то было роскошным городом. и могущественный город. Когда гнев своего тестя был утолен, Балдуин, теперь ответственный за оборону Фландрии, приехал со своей женой в Брюгге и основал там свой двор. Но старый бург, по-видимому, считался неспособным выстоять против норманнов, которые легко могли высадиться на берегах Цвейна; и поэтому Балдуин приступил к строительству новой крепости на восточной стороне старого бурга и недалеко от него. Он был окружен частично главным течением реки Ройя, а частично вытекающими из нее заводями. Здесь он построил крепость для себя и своих домочадцев, церковь, посвященную святому Донатиану, тюрьму и "гизельхуис", или дом для безопасного содержания заложников. Все это было обнесено стенами, построенными недалеко от кромки окружающих вод.

Река Руа теперь перекрыта там, где она протекала вдоль западной стороны крепости Балдуина, отделяя ее от первоначального бурга, и русла, защищавшие ее с севера и востока, засыпаны; но ручей на юге все еще сохраняет форму канала, который огибает набережную Марбрее, от которой мост ведет по узкому переулку, называемому Rue de l'Ane Aveugle, под аркой из позолоченного камня на открытое пространство, ныне известное как Place du Bourg. Здесь мы находимся в самом сердце Брюгге, на земле, где стояла крепость Балдуина с ее четырьмя воротами и подъемными мостами, а высокие стены хмуро возвышались над домами горожан, сгрудившихся вокруг них. Облик этого места полностью изменился с тех первых дней. На месте церкви Святого Донатиана растет каштановая роща; от грубого дворца Бра-де-Фер не осталось и камня на камне; а вместо тюрьмы и дома для заложников

здесь находится Ратуша, которой более пятисот лет, из окон которой графы Фландрии клялись в верности городским законам и привилегиям, Дворец правосудия и темный склеп под часовней, в котором хранится таинственная реликвия Святой Крови.

БРЮГГЕ

Улица на углу (показывает конец ратуши и мост, соединяющий ее с Дворцом правосудия).

Летом это теплое, тихое, приятное место. В тени деревьев, рядом со статуей Ван Эйка, женщины, продающие цветы, сидят рядом с рядами гераней, роз, лилий, анютиных глазок, которые придают сцене яркий колорит. Художники со всех концов Европы устанавливают свои мольберты и рисуют. Молодые девушки серьезно работают над своими акварелями. Монахини в черных одеждах и босоногие кармелитки молча проходят мимо. Возможно, какой-нибудь путешественник из Америки откроет свой путеводитель, чтобы изучить карту города, который достиг величия задолго до того, как Колумб пересек моря. Несколько англичан спешат перейти улицу и проходят под аркой на Авеню л'Ян, направляясь на свою

теннисную площадку за Порт-де-Ганд. Солнечный свет поблескивает на позолоченном фасаде Дворца правосудия и освещает статуи в нишах перед ратушей. Здесь нет ни движения, ни шума. Все тихо и умиротворенно. Тишину нарушают только куранты, время от времени раздающиеся с огромной колокольни, которая возвышается высоко над крышами домов на западе.

Это Брюгге, мирно спящий в старости, убаюканный звуками собственного карильона. Но, стоя там, легко вспомнить прошлое и представить себе сцены, которые время от времени происходили на протяжении долгого периода внешней опасности и внутренних раздоров. Мы можем представить себе Бург, ныне такой мирный, полный вооруженных людей, устремляющихся к церкви Святого Донатиана в то утро, когда был убит Карл Добрый; как в более поздние времена буйные бюргеры, пламенные сторонники соперничающих группировок, Кловерты, призывающие к Фламандскому льву, и Лелиарты, выстроенные под Лилией Франции, бушевали и угрожали; как камни были забрызганы кровью в день заутрени в Брюгге, когда погибло так много французов; или какие крики поднялись, когда произошло нападение. Фламандское войско вернулось победителем из битвы при Золотых Шпорах.

Хотя каждая часть Брюгге — не только сам Бур, но и большая Рыночная площадь, и весь лабиринт улиц, переулков и каналов, из которых он состоит, - имеет свою собственную историю, некоторые из этих историй выделяются сами по себе; и среди них одна из самых драматичных — история смерти Карла Доброго.

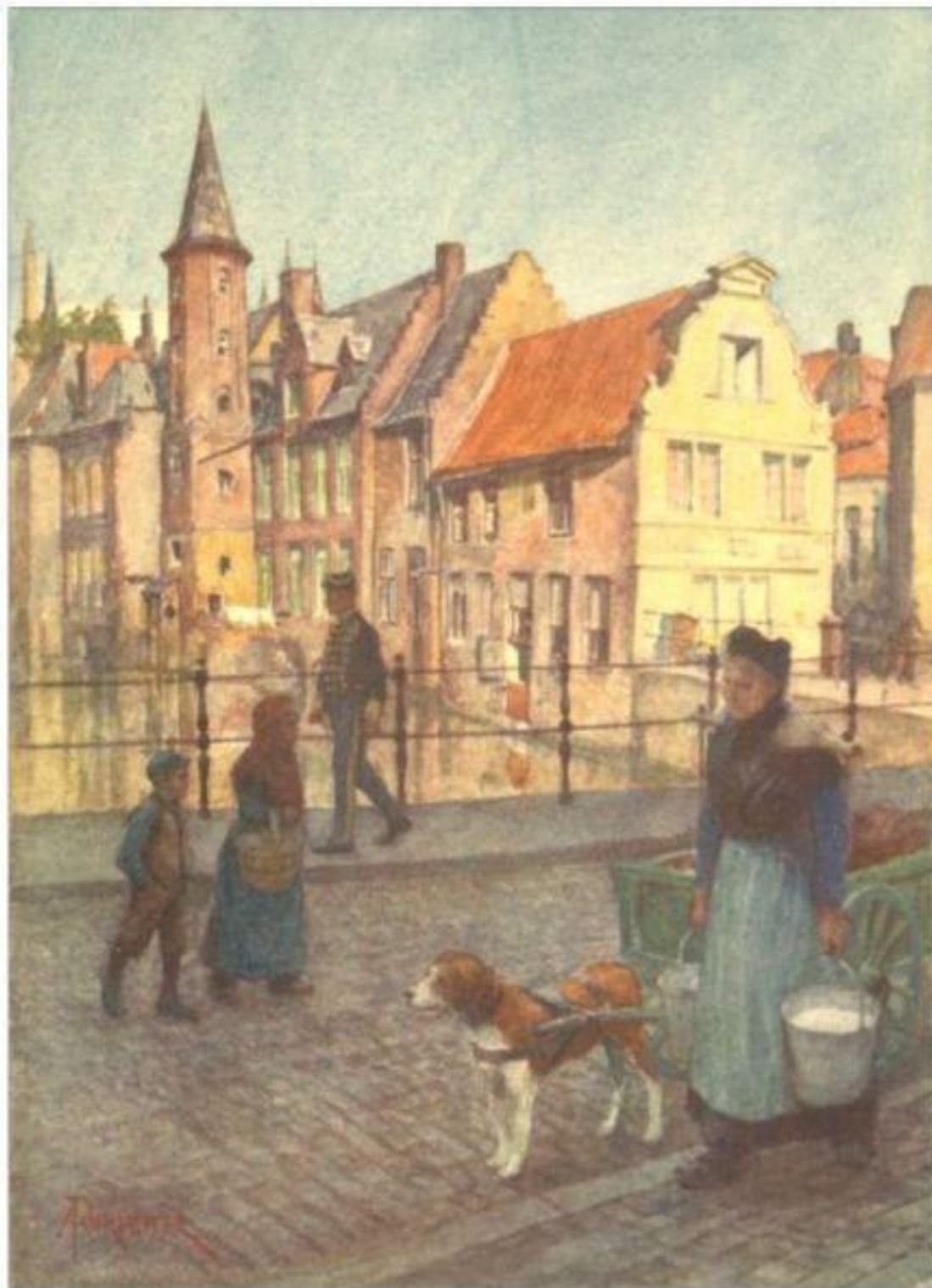
Со времени прихода к власти Балдуина Бра-де-Фер прошло более двухсот пятидесяти лет; Брюгге распространился далеко за пределы стен Бурга; и Карл, наследовавший своему двоюродному брату Балдуину VII, был графом Фландрии. Его называли "Добрым" из-за его справедливого правления и простой жизни, и, возможно, еще больше потому, что он одевал и кормил бедных — не только в Брюгге, но и по всей Фландрии. Простые люди любили его, но его благотворительность оскорбляла богатых. Более того, он навлек на себя особую вражду Эрембалдов, могущественной семьи, которые, хотя и не были сами благородного происхождения, были связаны браком со многими знатными домами. Они поддерживали его притязания на трон Фландрии, который был оспорен, и он вознаградил их за услуги, осыпав их милостями. Но через некоторое время они начали выступать против методов правления, которые Карл применял во Фландрии. Больше всего их возмущал один из его указов, который запрещал лицам, не состоящим у него на службе, носить оружие в мирное время. Этот указ, который был издан для того, чтобы предотвратить ежедневные сцены насилия, которые Карл ненавидел, был объявлен Erembalds вмешательством во фламандскую свободу. Это не коснулось их лично, поскольку они занимали должности при графе; но, тем не менее, они яростно выступали против этого.

В то время как Чарльз был, таким образом, в плохих отношениях с Эрембалдами, между ними и Стритенами, другой знатной семьей, существовала смертельная вражда, которая разрослась до такой степени, что соперничающие кланы вступили в открытую войну друг с другом, грабя, сжигая и убивая по обычаю тех времен. Карл призвал к себе лидеров обеих сторон и заставил их поклясться соблюдать мир; но когда он был в Ипре осенью 1126 года, ему была подана жалоба на то, что Бертульф, глава эрембалдов, который также был ректором монастыря Святого Донатиана, послал одного из своих племянников, по имени Бурхард, в набег на земли стрейтенов, чей скот он угнал. Узнав об этом безобразии, Чарльз отдал приказ снести дом Берчарда и возместить Стрейтенам их убытки. Эрембалды были бессильны сопротивляться этому приказу, и дом Берчарда был стерт с лица земли.

Было сказано, что это было только началом решительных мер, которые Карл собирался предпринять против эрембалдов; но нет уверенности в том, каковы были его намерения на самом деле. Затем он жил в Луве, особняке, который он построил в Бурге в Брюгге, на месте, которое сейчас занимает Дворец правосудия; и там, по возвращении из Ипра, у него была встреча с несколькими Эрембалдами, которых послали выступать в защиту Бурхарда. Относительно того, что произошло во время этого интервью, есть некоторые сомнения. Согласно одному из источников, Чарльз пил вино с делегатами и даровал Берчарду помилование при условии, что он сохранит мир. Согласно другому сообщению, его поведение было настолько непреклонным, что Эрембалды покинули его, полные гневных подозрений, о которых они сообщили своим друзьям. Что бы ни случилось, они были склонны к озорству. Послали за Бурхардом, и было проведено тайное совещание, после которого Бурхард и несколько избранных собрались в доме на Бурге и обсудили свои планы. Это было в ночь на 1 марта 1127 года.

BRUGES

Quai du Rosaire.

На рассвете следующего дня холодный, тяжелый туман низко навис над Брюгге, и в Городе все было окутано тьмой. Но во дворе Лува уже ждали несколько бедняков, которым Чарльз раздавал милостыню по пути на раннюю мессу в церковь Святого Донатиана. Затем он прошел по уединенному проходу, который вел в церковь, и преклонил колени в молитве перед Алтарем Богоматери. У него был обычай помогать нуждающимся в церкви, и он только

что вложил немного денег в руки бедной женщины, как вдруг она крикнула: "Берегитесь, господин граф!" Он быстро обернулся и увидел там с мечом в руке Берхарда, который прокрался по тускло освещенному проходу туда, где стоял на коленях Чарльз. В следующее мгновение Бурхард нанес удар, и Чарльз упал замертво на ступени алтаря.

Затем последовала сцена дикого смятения. Женщина выбежала в Бург, громко крича, что граф убит. В разгар беспорядков некоторые члены королевской семьи в ужасе бежали, в то время как другие, вошедшие в церковь, были зарезаны эрембальдами, которые затем напали на Лув и, разграбив его, ворвались в Брюгге, безжалостно убивая всех, кто осмеливался им противостоять.

Через некоторое время один из слуг графа отважился накрыть мертвое тело простыней и окружить его зажженными свечами; и там оно оставалось лежать на мостовой, пока, наконец, Эрембальды, которые боялись хоронить его в Брюгге, чтобы вид могилы Карла Доброго однажды не побудил горожан отомстить за его смерть, не отправили послание в Гент, умоляя настоятеля собора Святого Петра забрать его и похоронить в его собственной церкви. Аббат прибыл в Брюгге, и перед рассветом тело убитого графа украдкой проносили по проходам собора Святого Донатиана, когда огромная толпа ворвалась внутрь, объявив, что костям Карла должно быть позволено упокоиться с миром в Брюгге. Арки зазвенели от криков, стулья были опрокинуты, табуретки и подсвечники разбросаны по сторонам, когда люди, теснясь и сражаясь вокруг аббата и его слуг, говорили Бертульфу, не переставая клясться, что он должен уступить их желаниям. Наконец мэр подчинился, и на следующий день, всего через два дня после убийства, тело Чарльза было похоронено перед алтарем Богоматери, на том самом месте, как говорят, где сейчас под деревьями в Бурге стоит статуя Ван Эйка.

Триумф Эрембальдов был недолгим, ибо смерть Карла Доброго была жестоко отомщена его друзьями, которые прибыли в Брюгге во главе большого отряда. Ожесточенная схватка произошла на улице Ан Авеугль, где многие были убиты. Эрембальды были загнаны в Бург, ворота которого они закрыли; но вход был взломан, и после отчаянного боя около тридцати из них, все, кто остался в живых, были вынуждены укрыться сначала в нефе, а затем в башне церкви Святого Донатиана, где, защищаясь с мужеством отчаяния, они дали последний отпор, пока, измученные усталостью и голодом, не сдались и не спустились вниз. Бертульф Мэр, Бурхард и несколько других главарей банды бежали несколько дней назад и таким образом избежали, по крайней мере на время, участи своих товарищей, которые, будучи заключены в темницу, были подняты на вершину церковной башни и сброшены вниз один за другим на камни Бурга. "Их тела, - говорит мистер Джиллиат-Смит, - были выброшены в болото за деревней Сент-Андре, и в течение многих лет после того ни один человек после наступления темноты по доброй воле не прошел бы этим путем". В церкви Сен-Совер есть дорогостоящий алтарь, содержащий то, что, как говорят, является костями Карла Доброго, взятыми с места их первого упокоения, на котором дважды в год проводится фестиваль в память о его добродетелях.

ГЛАВА III

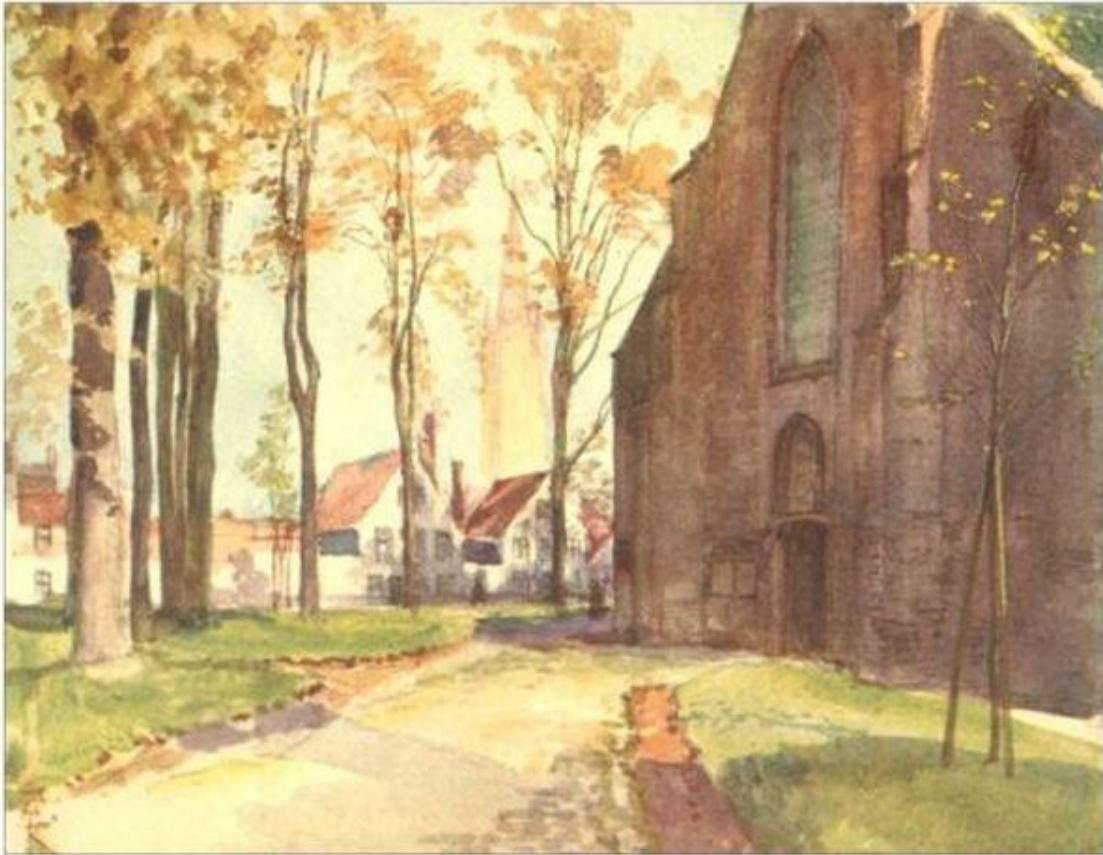
БЕГИНАЖ—ЦЕРКВИ—РЕЛИКВИЯ СВЯТОЙ КРОВИ

Брюгге - один из самых католических городов католической Фландрии. Здесь всегда процветали монастыри и религиозные дома всех мастей, и в настоящее время насчитывается не менее сорока пяти таких заведений. Вероятно, одним из самых интересных для англичан является Couvent des Dames Anglaises, который был основан в 1629 году английскими монахинями-августинками Сент. Монастырь Моники в Лувене. В его часовне с прекрасным куполом восемнадцатого века находится прекрасный алтарь, построенный из мрамора, привезенного из Египта, Греции и Персии; а среди его ценностей - четки Екатерины Брагансской (английской королевы Карла II), которая умерла в Брюгге.

А еще есть Бегинаж. Бегинажи есть в Амстердаме и Бреде, но, за исключением Голландии, Бельгия в настоящее время является единственной страной в Европе, где существуют эти общества, происхождение названия которых неизвестно. Они состоят из старых дев или вдов, которые, хотя и связаны несколькими монастырскими клятвами во время своей связи с обществом, могут вернуться в мир. При поступлении каждая сестра вносит определенную сумму денег в общий фонд и сначала какое-то время живет вместе с другими послушницами. По истечении этого испытательного срока они могут занять одно из небольших жилищ на территории Бегинажа и вести хозяйство самостоятельно. Они тратят свое время на шитье, плетение кружев, обучение бедных детей, посещение больных или любую другую форму добрых дел, к которым у них может быть вкус. Они находятся под началом матери-настоятельницы, "Великой дамы", назначаемой епископом епархии, и должны посещать службы в церкви своего поместья. Таким образом, бегиня, живущая обычно в собственном доме и вольная возвращаться в мир, занимает иное положение, чем монахини более известных Орденов, хотя до тех пор, пока она остается членом своего общества, она связана обетами целомудрия и послушания своим духовным начальникам.

БРЮГГЕ

Бегинаж.

Бегинаж в Брюгге, основанный в тринадцатом веке, расположен недалеко от озера Минневотер, или Лак д'Амур, на которое приглашают посмотреть каждого посетителя. Эта полоса спокойной воды, окаймленная деревьями, которая в те беспокойные времена была гаванью, является одним из самых красивых уголков Брюгге; и говорят, что если вы придете туда в полночь и встанете на мосту, который пересекает его с южной стороны, любое ваше желание непременно исполнится. Лучше идти одному, так как для обеспечения действия этого оберега необходима строгая тишина. Мост через реку, идущую от озера д'Амур, ведет через ворота в Бегинаж, где круг маленьких домиков — побеленных, со ступенчатыми фронтонами и зеленой деревянной отделкой на окнах — окружает лужайку, засаженную высокими деревьями. Из-за крыш открывается вид на шпиль собора Парижской Богоматери — любимый сюжет художников, которые толпами приезжают сюда летними днями. Церковь Св. Элизабет, непритязательное здание, стоит на одной стороне лужайки, и в нем много раз в день можно увидеть, как Сестры на коленях повторяют Церковные Обряды. Когда служба заканчивается, они встанут, снимают свои белые головные уборы и скромно возвращаются в свои причудливые маленькие дома.

В Брюгге, само собой разумеется, много церквей, но ничто не может сравниться с великолепным собором Антверпена, с внушительным фасадом Ste. Гудуле в Брюсселе или с огромной массой, которая образует такой заметный ориентир на несколько миль вокруг Малина. Тем не менее, некоторые церкви не лишены интереса: собор Святого Совера, где на хорах можно увидеть стойла рыцарей ордена Золотого руна, основанного в Брюгге, а над одним из них — герб Эдуарда IV. Англия; любопытная маленькая Иерусалимская церковь с ее

"Гробом Господним", точной копией традиционной могилы в Палестине — темный склеп, в который ведет такой низкий проход, что по нему приходится ползти, и где свет горит перед фигурой, которая лежит там, завернутая в льняную ткань; и церковь Нотр—Дам, в которой хранятся некоторые сокровища, такие как прекрасная беломраморная статуя Богородицы с Младенцем работы Микеланджело; могилы Карла Смелого Бургундского и его дочери - "Кроткой Марии", чья безвременная кончина в Брюгге в 1482 году, после короткой супружеской жизни, спас ее от несчастий, омрачавших последние годы жизни ее мужа, эрцгерцога Максимилиана; и часть Святого Креста, которая попала в Брюгге в пятнадцатом веке. История гласит, что богатый купец, голландец из Дордрехта по имени Шуттитен, живший в Брюгге, путешествовал через Сирию в 1380 году. Однажды, путешествуя с караваном, он увидел человека, который что-то прятал в лесу, и, последовав за ним, обнаружил, что это был сундук, в котором, как он подозревал, могло содержаться что-то ценное. Минхеер Шуттейтен присвоил шкатулку и привез ее домой из Сирии в Дордрехт, где начала происходить серия чудес такого характера, что стало практически ясно, что шкатулка (или какое-то дерево, которое в ней находилось, поскольку на этот счет легенда расплывчата) была частью истинного Креста! Со временем Шуттитен умер, благоухая святостью, выразив на смертном одре пожелание, чтобы древесина, которую он привез с Востока, была передана церкви Нотр-Дам в Брюгге. Его вдова утешила себя тем, что взяла второго мужа, которого звали Утенхове, выполнив благочестивую просьбу своего предшественника, и таким образом к большой коллекции, хранящейся в различных церквях и религиозных домах Брюгге, добавилась еще одна реликвия. Он был привезен во Фландрию в 1473 году и, должно быть, с тех пор приносил Церкви значительный доход.

Здания Собора Парижской Богоматери с примыкающим к ним хорошо известным особняком Грютюиз, и необычайно изящный шпиль, более высокий, чем башня Колокольни, возвышающийся над изысканным портиком, называемым "Het Paradijs", образуют очень красивую группу; но, за этим исключением, в церквях Брюгге нет ничего примечательного. Один из них, однако, представляет особый интерес — часовня Сен-Сан, которая находится на площади Бург на углу рядом с Ратушей. Он построен в два этажа. Нижняя, темная, торжественная часовня, похожая на склеп, была посвящена святому Василию в ранний период и является одним из старейших зданий Брюгге. Большая часть верхнего этажа датируется не более чем пятнадцатым веком. Но не сама ткань, какой бы почтенной она ни была, а то, что в ней содержится, делает это место Святая Святых религиозной жизни Брюгге; ибо здесь, в дорогом святилище из золота и серебра, украшенном драгоценными камнями, охраняют чудесную реликвию, которая была привезена из Палестины во времена крестоносцев Тьерри д'Альсасом, графом Фландрии, и которой до сих пор ежегодно поклоняются тысячи набожных верующих.

Старые хронисты сообщают нам, что Тьерри д'Альсас посетил Святую Землю четыре раза и был предводителем фламандских воинов, которые, воодушевленные красноречием святого Бернара Клервосского, присоединились ко второму крестовому походу летом 1147 года. Он женился на Сибилле, сестре Балдуина, короля Иерусалимского; и когда пришло время его возвращения в Европу, его шурины и патриарх Иерусалимский решили вознаградить его за услуги, подарив ему часть самой ценной реликвии, которой обладала Церковь в Палестине, - небольшого количества красной жидкости, предположительно являющейся кровью и водой, которую, согласно незапамятному преданию, Иосиф Аримафейский сохранил после того, как омыл мертвое тело Иисуса.

Более ранняя история этой реликвии неизвестна и столь же темна, как и история других "Реликвий Святой Крови", которые можно найти в различных местах. Но не может быть

никаких сомнений в том, что в двенадцатом веке христиане в Иерусалиме верили, что он существовал со дня Распятия. Поэтому он был с большой торжественностью преподнесен Тьерри в церкви Гроба Господня во время рождественских праздников 1148 года. Патриарх, продемонстрировав народу сосуд, в котором оно находилось, разделил содержимое на две порции, одну из которых он перелил в маленький флакон, горлышко которого было тщательно запечатано и закреплено золотой проволокой. Затем этот сосуд был заключен в хрустальную трубку, закрытую с концов золотыми пробками, к которым была прикреплена серебряная цепочка. Затем Патриарх передал трубку Болдуину, из рук которого Тьерри, преклонив колени на ступенях алтаря, принял ее с глубоким волнением.^[3]

Граф, однако, не счел свои руки, пролившие так много человеческой крови, достойными того, чтобы доставить реликвию домой; и он доверил ее Леониусу, капеллану фламандской армии, который повесил ее себе на шею и таким образом отнес в Брюгге, куда прибыл в мае 1150 года вместе с Тьерри, который верхом на белом коне, ведомом двумя босоногими монахами, и держа реликвию в руке, был торжественно доставлен в Бург, где передал драгоценный предмет в часовню Святого Василия, которая обычно называется известен как Часовня Святой Крови.

Через некоторое время было обнаружено, что реликвия высохла, но, как ни странно, она стала жидкой, как нам сообщает авторитет папы Климента V. Каждую пятницу, "обычно в шесть часов". Это еженедельное чудо продолжалось примерно до 1325 года. С тех пор этого не происходило, за исключением одного раза, в 1388 году, когда флакон с реликвией переносили в новую хрустальную пробирку; и в этот раз Уильям, епископ Анконы, был поражен, увидев, что реликвия стала краснее обычного, а несколько капель, похожих на недавно пролитую кровь, потекли во флакон, который он держал в руке. Многие присутствовавшие известные люди, один из которых епископ Линкольнский, свидетельствовали об этом событии!

Описаны и другие чудеса, сотворенные с помощью этой реликвии. Ребенок, родившийся мертвым, был отнесен в святилище и ожил через три дня. Молодая девушка, которая в течение двадцати месяцев страдала от кровотечения и для которой врачи ничего не могли сделать, была вылечена с помощью куска ткани, которым была прикрыта реликвия. Другая девушка, которая долгое время была парализована, когда ее отнесли в часовню Святого Василия Блаженного, полностью восстановила силы в тот момент, когда она поцеловала хрустальную трубку. В декабре 1689 года в Бурге вспыхнул пожар, угрожавший уничтожить Ратушу; но священник вынес трубку с реликвией и поднес ее к пламени, которое мгновенно погасло. Эти и многие другие подобные чудеса, подтвержденные присягой свидетелей и признанные Церковью в наши дни подлинными, делают реликвию объектом глубокого почитания жителей Брюгге и окрестных крестьян, которые толпами идут поклониться ей дважды каждую пятницу, когда она выставляется для публичного поклонения.

Он несколько раз был чуть не утерян в дни почти непрекращающейся войны, а во время Французской революции его несколько лет прятали в доме частного лица. Часовня Святого Василия пострадала из-за беспокойной обстановки в стране, и когда Наполеон прибыл в Брюгге в 1810 году, она была в таком полном запустении, что магистраты были готовы вообще снести ее. Но Наполеон спас его, заявив, что, когда он смотрит на руины, ему кажется, что он снова находится среди древностей Египта, и что уничтожить их было бы преступлением. Через четыре года после битвы при Ватерлоо реликвия была извлечена из тайника, а в 1856 году часовня была отреставрирована по проектам двух английских архитекторов, Уильяма Брэнгвина и Томаса Харпера Кинга.^[4]

В первый понедельник после 2 мая каждого года город Брюгге полон незнакомцев, пришедших посмотреть на знаменитое "Шествие Святой Крови", которое, есть все основания полагать, проводилось ежегодно (за исключением времен Французской революции) на протяжении последних 755 лет.

Очень рано в тот же день в Верхней часовне Святой Крови, которая переполнена до отказа, отслужена месса. В крипте, или нижней часовне, где множество людей преклоняют колени перед священными изображениями, полумрак, тишина, склонившиеся фигуры, смутно различимые в слабом желтом свете нескольких свечей, создают странную картину на все утро примерно до девяти часов, когда реликвию в ее "chasse", или дарохранительнице, переносят в собор Сен-Совер и помещают на высокий алтарь, пока один из епископов отслужит папскую мессу. Когда это будет сделано, процессия начнет свое шествие по главным улицам города. Дома украшены флагами, и почти в каждом окне горят свечи. По узким улочкам, между толпами людей, стоящих на тротуарах или смотрящих вниз из окон, под звон церковных колоколов и ароматы благовоний наполняют воздух, проходят музыкальные оркестры, эскадроны кавалерии, распятия, святыни, изображения, знамена приходов и гильдий, герольды в своих разнообразных нарядах, паломники с непокрытыми головами из Англии, Франции и других стран, пажи, девушки в белом, несущие пальмы, терновые венки или гирлянды, священники с реликвиями, послушники и певчие певчие медленно продвигаются вперед. Шутовство средневековья, когда в сцене фигурировали великаны, балерины и мифологические персонажи, было прекращено; но Авраам и Исаак, царь Давид и царь Соломон, Иосиф и Дева Мария, волхвы и многие святые и мученики идут в длинной процессии, которую замыкают епископы и духовенство, сопровождающие великолепное святилище, содержащее маленький тюбик с чем-то красным, похожим на кровь, перед которым все люди опускаются на землю и остаются на коленях, пока оно не пройдет.

Весь день заканчивается благословением у алтаря, установленного перед Отель-де-Виль. Площадь от края до края заполнена теми, кто принимал участие в шествии, и тысячами зрителей, которые последовали за ними со всех концов города, чтобы стать свидетелями заключительной сцены. Толпа собирается под деревьями и по сторонам площади, центр которой, занятый участниками процессии, представляет собой цветную массу, над которой возвышаются штандарты и изображения, пронесенные по улицам, на темном фоне Ратуши и часовни Святой Крови. Реликвию вынимают из часовни, и священник, стоящий на ступенях алтаря высоко над толпой, поднимает ее, чтобы ей поклонялись. Все низко кланяются, а затем в гробовой тишине таинственный предмет уносят в часовню, и на этом главная религиозная церемония года в Брюгге завершается.

В Брюгге этой ночью, в двух шагах от часовни Святой Крови, есть достопримечательности, на которые стоит посмотреть, так странно они контрастируют со всем этим религиозным пылом.

Занавес опустился над драмой дня. Флаги свернуты и отложены в сторону. Облачения находятся в ризнице. Святыни, балдахины, кадиланицы - все предметы, которые несли в процессии, исчезли в церквях. Двери церкви заперты, и изображения оставлены стоять всю ночь, и ни один верующий не преклоняет перед ними коленей. В Бурге пусто и темно, у дверей часовни, где покоится реликвия, царят черные тени. Там все спокойно, но прогулка по улице Авеугль и через канал по мосту, ведущему к рыбным рынкам, наталкивает на другую картину. В каждом втором доме, если не в каждом, есть кафе "херберг" или "эстаминет", с баром, посыпанным песком полом и несколькими грубыми стульями и столами; и в ночь Шествия Святой Крови они толпятся у дверей. Крестьяне из деревни находятся там в большом количестве. За несколько дней до и после священного праздника сельские жители

имеют обыкновение приезжать в Брюгге целыми семьями: отец и мать, сыновья и дочери, все в своих лучших нарядах. Они ходят по улицам, следуя маршруту, по которому несут Святую Кровь, перебирая четки и произнося молитвы, крестясь и преклоняя колени перед любым изображением Христа, Мадонны или святого, которое они могут заметить на углах улиц. Любопытно наблюдать за их загорелыми лицами и неуклюжими манерами, когда они идут, сутулясь, их руки заняты четками, а губы ни на минуту не прекращают бормотать молитву за молитвой. Они следуют вслед за Процессией Святой Крови или ждут, чтобы упасть на колени, когда она пройдет, и получить благословение епископа, который ходит с поднятыми пальцами, разбрасывая благословения из стороны в сторону. Вечером, перед тем как отправиться домой, они заходят в кафе.

По мере того, как вечер переходит в ночь, слышны звуки музыки и танцев. У дверей сидят люди, пьющие за круглыми столиками, расставленными на тротуаре или в вонючей, ядовитой канаве. Горячий воздух насыщен запахом протухшей рыбы. Внутри кафе мужчины и женщины, старые и молодые, танцуют в зловонной атмосфере под звенящие пианино или аккордеоны. Жара, спертые, кислые испарения заплесневелой одежды, табака, пива, джина, жареной рыбы и немытого человечества невыносимы. Со всех сторон открываются отвратительные виды. Толстые женщины с красными, потными лицами и грязными пальцами, все еще сжимающими четки; безвкусные девушки, полевые работницы с раскрасневшимися лицами, танцующие с деревенскими парнями, большинство из которых более чем наполовину навеселе; непристойные шутки, смех и плотоядные взгляды; шатающиеся пьяные мужчины; сентиментальная привязанность в одном углу и ревнивые споры в другом; плачущие младенцы; пиво и джин, пролитые на столы; и всевозможные непристойности и отвратительные подробности, над которыми мог бы позлорадствовать Свифт или нарисовать Хогарт.

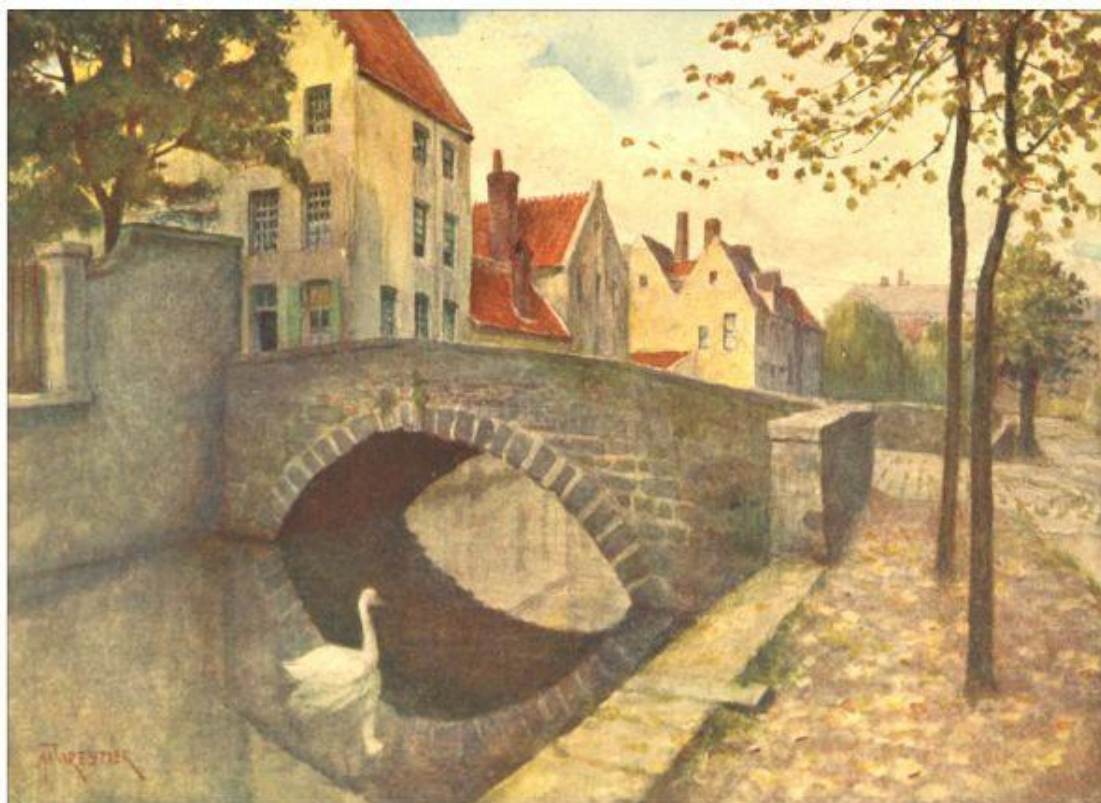
Так завершают день процессии Святой Крови многие сельские жители. Брутальное кабаре начинается после утренних молитв и поклонения! Это мир контрастов. Но вскоре гаснет свет, поднимаются ставни, последний посетитель, пошатываясь, возвращается домой, и Колокольня снова заговаривает, как заговорила, когда сладкая певица гредила во Флер-де-Бле:

"В древнем городе Брюгге,
В причудливом старом фламандском городе,
Когда опустились вечерние тени,
Низкий, громкий и сладко смешанный,
Временами низкий, временами громкий,
И меняется, как рифмы поэта,
Зазвенели прекрасные дикие колокольчики
С колокольни на рынке
Из древнего города Брюгге.
Затем, с глубоким звучным лязгом,
Спокойно отвечая на их сладкий гнев,
Когда звон колоколов закончился,

Часы медленно пробили одиннадцать,
И с безмолвных небес,
На город опустилась тишина.
Тишина, повсюду тишина,
На земле и в воздухе,
Оставь эти шаги здесь и там
О возвращении домой какого-нибудь бюргера,
При слабо горящих уличных фонарях,
На мгновение разбудило эхо
Из древнего города Брюгге.

BRUGES

Quai des Marbriers.

Сноски

[3] Канон ван Гекке, *"Пение в Брюгге"* (четвертое издание), стр. 95, 96.

[4] Гиллиат-Смит, *История Брюгге*, стр. 103.

ГЛАВА IV

ЗАУТРЕНЯ В БРЮГГЕ—БИТВА При ЗОЛОТЫХ ШПОРАХ

Посетителю Брюгге, куда бы он ни поехал, напоминают о волнующих событиях, которые наполняют хроники города на протяжении нескольких столетий. Напротив Колокольни, в центре Рыночной площади, находится памятник Питеру де Конинку и Джону Брейделю, на который каждое лето возлагают гирлянды цветов в память о том, что они сделали, когда бюргеры восстали против французов в мае 1302 года; а среди современных фресок, покрывающих стены Большого зала Эшевинов в Отель-де-Вилль, с его деревянной крышей четырнадцатого века, есть одна, изображающая возвращение с битвы при Золотых Шпорах, той знаменитой битвы, в которой отважные крестьяне города восстали против французов. Фландрия разгромила рыцарей Франции, которых Филипп Красивый послал отомстить за кровь французов, погибших в то ужасное утро "Брюггской заутрени".

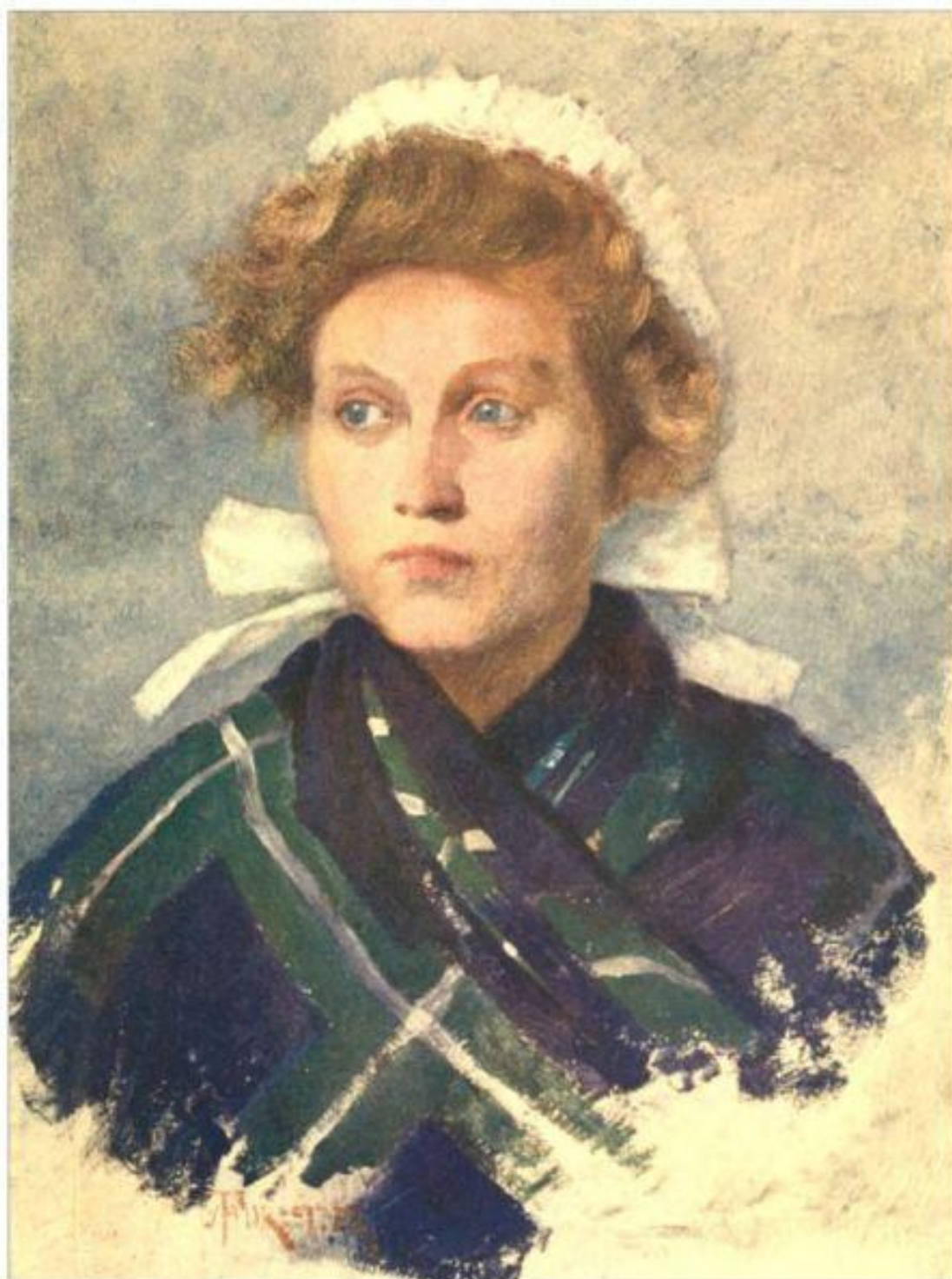
Начался четырнадцатый век. Город теперь достиг пределов, которые удерживали его с тех пор, — неправильного овала с окружностью от четырех до пяти миль, окруженного двойными рвами и мощной стеной, пронизанной девятью укрепленными воротами; и по мере роста города привилегии и вольности горожан росли точно так же. Крепкие, независимые и преисполненные решимости держать управление своими делами в своих руках, бюргеры Брюгге, как и жители других фламандских городов, преуспели в создании настолько совершенной системы самоуправления, что это вызвало противодействие Ги де Дампьера, графа Фландрии, чьи усилия по ослаблению власти этих общин в конце концов привели к кризису, который дал Филиппу Красивому Франции повод для вмешательства. Граф, вынужденный бороться как со своими собственными подданными, так и с амбициями короля Франции, отстранен от власти, и в конце концов Фландрия была присоединена к Франции.

Вскоре после того, как эта богатая провинция была присоединена к его владениям, Филипп приехал со своей женой Джоанной Наваррской с визитом в Брюгге. В городе уже существовали две фракции — Лелиарты, или французская партия, состоявшая главным образом из высших классов, и клауверты, или фламандская партия, к которой принадлежала основная масса населения. В первом случае Филипп был принят по-королевски, и настолько великолепными были платья и драгоценности жен и дочерей знати и богатых горожан, которые сидели в окнах и на балконах, когда проходила королевская процессия, что королева почувствовала приступ ревности. "Я думала, - сказала она, - что я одна королева; но здесь, в этом месте, у меня шестьсот соперниц". Но на улицах внизу были угрюмые взгляды и ропот недовольства, который становился все громче и громче с каждым днем, когда после отъезда Двора магистраты, принадлежавшие к французской партии, предложили, чтобы торговые гильдии нашли деньги, чтобы покрыть некоторые расходы, понесенные по этому случаю.

В то время Питер Де Конинк был деканом Гильдии ткачей, человеком состоятельным, популярным и красноречивым. На Рыночной площади собралось шумное сборище, когда, стоя перед Колокольней в окружении лидеров двадцати пяти гильдий, он провозгласил свободу и напал на магистратов, призывая своих соотечественников сопротивляться налогам. Городские власти по приказу магистрата арестовали де Конинка и его главных сторонников и поспешно отправили их в тюрьму в Бурге. Но через несколько часов толпа взломала вход и освободила их. Сигнал к восстанию был подан, и в течение нескольких месяцев в Брюгге, как и во всей остальной Фландрии, царили беспорядки. Де Конинк, к которому присоединился Джон Брейдель, декан Гильдии мясников, был занят тем, что поднимал людей во всех частях страны. Среди прочих мест он посетил Гент и попытался

убедить магистратов, что, если Гент и Брюгге объединят свои силы, весь фламандский народ восстанет, сокрушит лелиартов и изгонит французов. Но жители Гента не захотели его слушать, и он вернулся в Брюгге. Здесь он также столкнулся с отпором, поскольку магистраты, услышав, что Жак де Шатийон, которого Филипп назначил губернатором Фландрии, идет на город, не позволили ему остаться среди них. Он отправился к Дамму, и с ним отправился не только Брайдель, но и 5000 бюргеров национальной партии, стойких Клаувертов, которые посвятили себя восстановлению свободы своей страны.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА - ФЛАМАНДКА

Когда Шатийон подъехал к стенам Брюгге и потребовал впуска, магистраты согласились открыть ворота при условии, что он приведет с собой только 300 латников. Но он нарушил свое слово, и в город вошли 2000 рыцарей, чьи надменные взгляды и угрожающие высказывания убедили людей в том, что замышлялось предательство. На рыночной площади шептались, что повозки, прогрохотавшие по подъемным мостам, везли веревки, на которых должны были быть повешены кловерты, оставшиеся в городе; что намечалась всеобщая резня, в которой не пощадят даже женщин и детей; и что французы никогда не отстегивали мечей и не снимали доспехов, но были готовы начать резню в любой момент. В Брюгге это был день ужаса, и когда наступил вечер, несколько бюргеров выскользнули из дома, пробрались к Дамму и рассказали Де Конинку о том, что происходит в городе.

В тот вечер Шатийон устроил пир для своих высших офицеров, и среди его гостей был Пьер Флотт, канцлер Франции, возможно, самый способный из тех юристов, чьи дурные советы воодушевили Филиппа Красивого в идеях автократии, которые привели его к тому, что установление деспотизма стало политикой всей его жизни. С Флотте — "этим Велиалом", как однажды назвал его папа Бонифаций VIII. Шатийон и остальные пировали допоздна. Ночь продолжалась; отряд де Шатийона разделился и отправился отдыхать; усталые часовые наполовину дремали на своих постах, и вскоре весь Брюгге погрузился в тишину. Тут и там в некоторых зданиях гильдий мерцали огни, где несколько бюргеров сидели в тревоге, ожидая, что принесет завтрашний день, в то время как другие отправились на крепостной вал с севера и напрягали зрение, пытаясь разглядеть, не идет ли помощь от Дамме.

На раннем рассвете — это была пятница, 18 мая 1302 года — наблюдатели на крепостных валах увидели множество вооруженных людей, быстро приближавшихся к городу. Они разделились на две группы, одна из которых, возглавляемая Де Конинком, направилась к Порт-Сент. Круа, в то время как другая, под командованием Брейделя, двинулась к Порт-де-Дамм, воротам, которых больше не существует, но которые тогда были одним из самых важных входов, поскольку через них путешественники прибывали из Дамма и Слуиса. Гонцы с крепостных стен быстро бегали по улицам, на которых уже начинал светать, и передавали новость из дома в дом. Бюргеры молча взяли свои мечи и пики, покинули свои дома и собрались на Рыночной площади и возле домов, в которых спали французы. Французы продолжали спать, пока внезапно их не разбудили топот ног, бряцанье оружия и крики "Фландрия за Льва!". Брейдель повел своих людей в город, и они помчались по улицам туда, где разместился Шатийон, в то время как Де Конинк, пройдя через ворота Сент. Круа маршировал к Бургу. Французы, сбитые с толку, удивленные и только наполовину проснувшиеся, выбежали на улицы. Фламандцы кричали: "Schilt ende Vriendt! Прощай, друг!"^[5] и каждый человек, который не мог произнести эти слова, был известен как француз и убит на месте. Некоторые бежали к воротам, но у каждого ворот они натыкались на отряд стражников, которые кричали: "Защитите друга!" - и предавали их мечу.

Все то летнее утро и в течение всего дня продолжалась резня. Старики, женщины и дети швыряли во врага камни с крыш и из окон. Брайдель, человек огромной силы, убил многих собственноручно, а те, кого он ранил, были забиты до смерти там, где они упали, подмастерьями с их железными дубинками. На Рыночной площади, недалеко от того места, где стоит памятник де Конинку и Брейделю, отряд солдат под командованием доблестного французского рыцаря Готье де Сапиньи занял оборону; но они были разбиты и перебиты до последнего человека. Шатийон попытался собрать свои силы, но внезапность была слишком полной, и, переодевшись в сутану священника, он прятался вместе с канцлером Флотом до наступления темноты, когда им удалось бежать из города. К этому времени бойня

прекратилась; стены домов и сточные канавы были залиты кровью; а бюргеры Брюгге выполнили свою работу так тщательно, что 2000 французов лежали мертвыми на улицах.

Но окончательный расчет с Францией был еще впереди. Когда Шатийон добрался до Парижа и рассказал своему господину ужасную историю Брюггской заутрени, Филипп поклялся отомстить; и несколько недель спустя 40-тысячная армия вторглась во Фландрию под командованием графа д'Артуа, с которым также ехали Шатийон, Флотт и многие дворяне Франции. Фламандцы вышли им навстречу — не только бюргеры Брюгге во главе с Де Конинком и Брейделем, маршировавшие под знаменами своих гильдий, но и мужчины со всей Фландрии, — и 11 июля близ Куртраи произошла битва при Золотых Шпорах.

ФЛАМАНДСКИЙ БЮРГЕР

Местность была болотистой, между двумя армиями протекал ручей с лужами воды; и точно так же, как шотландцы при Бэннокберне двенадцать лет спустя приготовили ловушки для тяжелой кавалерии Англии, так и фламандцы устроили ловушку для французских рыцарей, вырубив хворост и засыпав воду. Всадники, облаченные в громоздкие доспехи, бросились в атаку, хворост подался, и большинство из них утонуло в воде. Граф д'Артуа вырвался, но был сбит с ног и убит. Канцлер Флотте, который хвастался, что поставит жителей Брюгге на колени, был затоптан до смерти. Шатийон тоже погиб, и когда, наконец, долгий дневной бой подошел к концу, фламандцы одержали полную победу. Этой битвой, получившей свое название от тысяч золотых шпор, сорванных с павших французских рыцарей, победители обеспечили — по крайней мере, на время — свободу своей страны, и память о ней долгие дни была для Фландрии тем же, чем память о Бэннокберне была для Шотландии или о Моргартене для Швейцарии.

Сноски

[5] "Щит и друг!"

ГЛАВА V

ДАММ—МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ При СЛУИСЕ-ВЕЛИКОЛЕПИЕ БРЮГГЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА— ПАДЕНИЕ И ПОТЕРЯ ТОРГОВЛИ

Дамме, где патриоты собрались накануне Брюггской заутрени, находится в нескольких часах ходьбы от восточной окраины города. Река Руа, которая, как мы уже видели, исчезает из виду напротив набережной Розер, выходит из своего потайного хода в западном конце набережной Мируар, где у входа в здание, которое сейчас используется как публичная библиотека, стоит статуя Яна ван Эйка. Это здание когда-то было таможней Брюгге, удобно расположенное по соседству с Рыночной площадью и на берегу реки Руа, которая оттуда тянется на восток между набережной Мируар и набережной Спинола на несколько сотен ярдов, а затем резко поворачивает на север и продолжается между набережной Лонг и набережной де ла Поттери, которые беспорядочно построены по обе стороны воды. Некоторые из домов старые, другие, по-видимому, датируются семнадцатым или восемнадцатым веками; некоторые большие и хорошо сохранившиеся, а некоторые просто коттеджи, полуразрушенные, с низкими фронтонами и выцветшими желтыми фасадами, жмутся друг к другу на неровной дамбе, у которой пришвартованы суда с коричневыми корпусами и палубными навесами, ярко выкрашенными белой и зеленой краской. В конце набережной Поттери находится современный торговый центр, в который впадает Руа, гавань для барж и небольших пароходов, которые приходят по каналу, соединяющему Остенде с Брюгге и Гентом; а рядом с ним в древности были ворота Дамм, через которые Брейдель и его последователи ворвались в то роковое майское утро 600 лет назад.

Справа от бассейна широкий канал, построенный Наполеоном в 1810 году, тянется по прямой линии на восток, огражденный дамбами, которые поднимают его над широким пространством ровных луговин, пересеченных канавами и усеянных тут и там белостенными коттеджами с красными крышами и зелеными наружными ставнями, которые так типичны для фламандского пейзажа. Примерно в двух милях от Брюгге можно увидеть ветряную мельницу, примостившуюся на склоне холма на берегу канала, квадратную церковную

башню, несколько домов и несколько поросших травой холмиков, которые когда-то были мощными укреплениями. Даже историческое воображение, которое должен иметь при себе каждый, кто прогуливается по Брюгге, вряд ли способно осознать, что когда-то это был шумный морской порт с гаванью, в которой иногда одновременно стояло более сотни торговых судов, груженных товарами со всех уголков мира. Говорят, в те напряженные времена в Дамме проживало 50 000 человек; сейчас в нем всего около 1100.

За Даммом канал петляет по тому же плоскому ландшафту, низменному, затопленному водой, с маленькими фермерскими домиками и редкими деревьями, а вдалеке, на нескольких возвышенностях, возвышаются церкви Осткерке и Весткапель. Наконец, вскоре после пересечения голландской границы, канал заканчивается маленьким причалом с серыми, покрытыми лишайником бортами; и это Слуис, унылое местечко с несколькими узкими улочками, рыночной площадью, двумя церквями и колокольней четырнадцатого века. Сейчас он находится совсем в глубине материка, в нескольких милях от соленой воды; и с высоких крепостных валов, которые все еще окружают его, открывается вид на север, на широкие зеленые поля, покрывающие то, что когда-то было дном моря, в те дни, когда прилив спадал и тек по каналу Цвейн, по которому проходили корабли, направлявшиеся в Брюгге. Но любой английский путешественник, который, немного свернув с проторенной тропы летних туристов, может случайно подняться на крепостной вал и взглянуть вниз на поля, простирающиеся до берегов Северного моря и устья Шельды, и вглубь материка за Даммом до Колокольни и шпилей Брюгге, станет свидетелем великого события в военно-морской истории Англии.

Здесь, на месте нынешней суши, утром 24 июня 1340 года 800 боевых кораблей, полных вооруженных людей — всего 35 000 человек — были выстроены в боевую линию; а дальше в море, за входом в Цвейн, только что взошедшее солнце освещало паруса другого флота, который маневрировал неподалеку.

BRUGES

Quai du Miroir.

"В городах Фландрии, - говорит доктор Гардинер, - возникло мануфактурное население, которое снабжало окружающие страны изделиями ткацкого станка. К Генту и Брюгге средневековья Англия относилась так же, как австралийские колонии относятся к Лидсу и Брэдфорду наших дней. Овцы, которые паслись на обширных, неогороженных пастбищах нашего острова, составляли значительную часть богатства Англии, и это богатство полностью зависело от процветающей торговли с фламандскими городами, в которых английская шерсть перерабатывалась в сукно". Итак, когда Эдуард III. претендовал на трон Франции, когда началась Столетняя война, для торговли Фландрии и Англии было жизненно важно, чтобы купцы двух стран поддерживали дружеские отношения друг с другом. Но Филипп Валуа убедил графа Фландрии Людовика Неверского отдать приказ об аресте всех

англичан во Фландрии, и Эдуард в ответ арестовал всех фламандцев, находившихся в Англии, и запретил экспорт английской шерсти во Фландрию. Результатом было то, что ткачи Брюгге и других промышленных городов Фландрии оказались на пути к разорению; и, не проявляя никакого интереса к спорному вопросу между королями Франции и Англии, кроме его влияния на их коммерческое процветание, бюргеры Брюгге, Гента и Ипра под руководством знаменитого Якоба ван Артевельде (предвосхищая, как заметил один из современных историков Брюгге, то, что Великие державы сделали для Бельгии в 1830 году[6]), удалось обеспечить, с согласия Филиппа, нейтралитет Фландрии. Французский король, однако, не сохранил верности фламандцам, а приступил к агрессивным действиям против них, и между Англией и Фландрией был образован союз против Франции.

В июне 1340 года Эдуард, находившийся тогда в Англии, услышав, что огромное количество французских военных кораблей стоит на якоре в Цвейне, отплыл, чтобы дать им бой эскадрой из 300 судов. Английский флот бросил якорь у побережья между Бланкенбергом и Гейстом вечером 23 июня, и с вершины дюн английские разведчики увидели вдалеке мачты французских кораблей в Цвейне.

На следующее утро, как только забрезжил рассвет, англичане снялись с якоря и поплыли вдоль побережья на восток; мимо пустынных желтых песков, которые в последние годы кишели рабочими, трудящимися на строительстве огромной гавани Зее-Брюгге, которая должна стать будущим портом Брюгге; мимо того, что тогда было маленькой рыбацкой деревушкой Гейст; мимо гряды бесплодных дюн, среди которых сегодня возводится Дуинберген, новейший из фламандских водотоков, с его просторным отелем и изящными виллами; мимо пустыни Зее-Брюгге. занесенный штормом песок и камыш, на которых сейчас находится пролив Кнокке, скопление отелей и переполненных пансионатов, поле для гольфа; и так далее, пока они не открыли устье Цвейна и не увидели французские корабли, столпившиеся у входа, "их мачты казались огромным лесом", а за ними стены Слуса, поднимающиеся из влажного песка, оставленного отступающим приливом.

Был отлив, и в ожидании прилива английский флот некоторое время стоял в море, так что Николя Беше, французский адмирал, начал льстить себе надеждой, что король Эдуард, обнаружив такое полное численное превосходство, не осмелится рискнуть вступить в бой с такими силами. Шансы английских моряков действительно были почти три к одному; но как только начался прилив, они направились прямо в пролив, и Эдвард, возглавлявший авангард, подошел вплотную, корабль к кораблю. Знаменитые лучники Англии, которым шесть лет спустя предстояло совершить подобную казнь при Креси, выстроились вдоль фальшбортов и обрушили на французские корабли такой град стрел, что люди падали с верхушек, как листья перед бурей. Первая из четырех линий, в которые Беше выстроил свой флот, была быстро прорвана, и англичане, размахивая мечами и пиками, взяли на abordаж французские корабли, сбросили их команды за борт и подняли флаг Англии. Король Эдуард был ранен, и исход мог быть сомнительным, когда внезапно в поле зрения появилось больше кораблей, идущих с Севера Англии, и орды фламандцев со всех концов Фландрии, с побережья и даже из таких отдаленных городов, как Ипр,[7] высадились на лодках, чтобы присоединиться к атаке. Это решило судьбу великой битвы, которая продолжалась до захода солнца. Когда она закончилась, французский флот перестал существовать, за исключением нескольких кораблей, которым удалось спастись с наступлением темноты. Фламандцы схватили Беше и повесили его на месте. Погибло почти 30 000 его людей, многие из которых утонули при попытке доплыть до берега или были забиты до смерти дубинками фламандцами, которые выстроились вдоль пляжа, ожидая возможности отомстить захватчикам за то, что они сожгли их усадьбы и угнали их стада. Англичане потеряли два

корабля и 4000 человек; но победа была столь полной, что ни у одного придворного не хватило смелости сообщить об этом королю Филиппу, который не знал, что случилось с его огромным флотом, пока Придворный шут не подошел к нему и не сказал: "О! английские трусы! английские трусы! у них не хватило смелости прыгнуть в море, как это сделали наши благородные французы при Слuisse."

Странно думать, что фламандские крестьяне работают, пасут скот, а отдыхающие из Кнокке, или Слуиса, или Кадзанда бродят в сухих ботинках по тем местам, где в то летнее утро накатывали волны, и что далеко под травой давно истлели обшивки стольких крепких кораблей и кости стольких доблестных моряков. И еще странно думать, когда бродишь по каналам Брюгге, где сейчас лебеди бесшумно скользят в почти стоячей воде, омывающей подвалы старых домов, о том, как в четырнадцатом и пятнадцатом веках корабли всех наций перевозили огромные тюки товаров и что богатые торговцы хранили их на складах и в крепких хранилищах, которые сейчас превратились в простые угольные погреба, или в темных и пустых логовищах крыс, кишачих в каналах.

"В Национальной библиотеке в Париже есть, - говорит мистер Робинсон, - список королевств и городов, которые в то время отправляли свои товары в Брюгге. Англия отправляла шерсть, свинец, олово, уголь и сыр; Ирландия и Шотландия - главным образом шкуры и шерстяной покров; Дания - свиней; Россия, Венгрия и Богемия - большое количество воска; Польша - золото и серебро; Германия - вино; Льеж - медные котлы; и Болгария - меха". После перечисления многих частей Европы, Азии и Африки, которые отправляли товары, рукопись добавляет: "И все вышеупомянутые королевства и регионы посылают своих купцов с товарами во Фландрию, помимо тех, кто приезжает из Франции, Пуату и Гаскони, а также из три острова, о которых мы не знаем названий их королевств." Торговля Брюгге была огромной. Люди стекались туда со всех сторон.

- Ломбардские и венецианские купцы с под завязку нагруженными товарами; Министры из двадцати стран; нечто большее, чем королевская пышность и непринужденность.

Мы читаем о 150 кораблях, заходящих в порт за один день, и о немецких купцах, покупающих 2600 кусков ткани, изготовленной фламандскими ткачами, на утреннем рынке. Гражданин Брюгге всегда был во главе Ганзейского союза и поддерживал права этого обширного коммерческого общества под титулом "граф де ла Ганз". Князья-купцы, члены Ганзы, жили здесь во дворцах. Менялы разбогатели. Эдуард III. занял у барди в Брюгге под залог драгоценностей английской короны. Договоры страхования от морских рисков заключались с раннего периода, а кодекс торгового мореплавания, регулировавший морские перевозки, был известен как "Правила Дамма".^[8] В Брюгге одновременно было двадцать консульств, и говорят, что население города, хотя трудно поверить, что это не преувеличение, составляло более 200 000 человек. до середины четырнадцатого века.

Через шесть лет после битвы при Слuisse Людовик Неверский был убит при Креси, и его сын, Людовик Маэльский, правил вместо него как граф Фландрии. Он был легионером до мозга костей, и его почти сорокалетнее правление, представлявшее собой долгую борьбу против свобод своего народа, стало свидетелем захвата Брюгге Филиппом ван Артевельде, вторжения французов во Фландрию, поражения националистов и смерти Ван Артевельде на поле Рузбеке. Тем не менее, в этот период и после него Брюгге вырос в красоте и богатстве. Отель де Виль, лишенный величия брюссельского Hôtel de Ville, но по-прежнему являющийся жемчужиной средневековой архитектуры, был построен на месте старого "Гизельюи" Болдуина Бра-де-Фер. Другие благородные здания, богатые по дизайну и

прекрасные во всех своих очертаниях, и большие особняки с мраморными залами и потолками из искусно вырезанного дерева возвышались со всех сторон; башни и шпили, изящные окна и арки нависали над водными путями; роскошь возрастала; в домах знати и богатых купцов были склады драгоценных камней, гобеленов, шелка, тонкого льна, золотой материи; церкви и многие здания сверкали позолоченным камнем, тонированным стеклом и великолепными фресками. Искусство процветало по мере того, как город становился богаче. Старший и младший Ван Эйки, Джерард Давид и Мемлинг, а также многие другие до и после них были привлечены его великолепием, как современных художников привлекает его упадок; и хотя "Поклонение Непорочному Агнцу" висит в хоре Святого Бавона в Генте, гений, раскрасивший этот неподобный алтарный образ, нашел свое вдохновение в стенах Брюгге.

История Брюгге на протяжении многих долгих лет, особенно при правлении Бургундского дома, была в разгар войн, беспорядков и восстаний историей непрерывного прогресса. Но все это процветание зависело от моря. Пока Цвейн оставался открытым, ни война, ни фракции, ни даже последнее великое восстание против эрцгерцога Максимилиана, которое изгнало иностранных купцов, большинство из которых отправилось в Антверпен, и настолько обнищало город, что в 1405 году пустовало не менее 5000 домов,^[9] не могло полностью разрушить Брюгге. Эти бедствия можно было бы предотвратить, если бы не был потерян канал связи с Даммом и Слуисом; но в течение длительного времени состояние этого важного водного пути было причиной серьезной тревоги жителей Брюгге. Большой объем воды, который с каждым отливом стекал по Шельде между Флашингом и Брескенсом, пронесся мимо острова Вальхерен и распространился в Северное море и вниз по Ла-Маншу, оставляя грязь, которую он нес с собой, на песках вокруг устья реки Цвейн, которая сама по себе не создавала достаточно сильного течения, чтобы предотвратить медленное, но верное формирование мели поперек ее входа. Более того, различным лицам были выданы хартии, согласно которым они осушали прилегающие земли и постепенно отвоевывали большие участки у моря. Канал, некогда не отличавшийся особой глубиной, стал мельче, уже и труднодоступнее, пока, наконец, во второй половине XV века проход между Слуисом и Даммом не стал судоходным только для небольших судов. Вскоре гавань в Дамме была почти засыпана песком. Было испробовано множество схем в надежде сохранить Цвейн, но морская торговля Брюгге сошла на нет и окончательно исчезла к середине шестнадцатого века. Так Брюгге утратил свое величие. Среди полей близ Кулкерке, деревни недалеко к северу от Брюгге, до сих пор сохранились следы древнего русла реки Цвейн — широкая канава с обрывистыми берегами и большими лужами слизистой воды, одиноко лежащими в зарослях спутанного кустарника. Сейчас это единственные остатки шоссе, по которому в старину въезжали "перегруженные аргосцы".

Сноски

^[6] Робинсон, *Брюгге, исторический очерк*, стр. 107.

^[7] Вереке, *Военная история города Кипра*, стр. 36.

^[8] Гиллиодтс ван Северен, *Брюгге Древний и современный*, стр. 14.

^[9] Гиллиодтс ван Северен, стр. 25.

ГЛАВА VI

"МЕРТВЫЙ БРЮГГЕ"

Они называют это "Брюгге мертвый", и на каждом шагу здесь есть что-нибудь, напоминающее нам о смертельном упадке, который обрушился на город, когда его торговля была утрачена. Выцветшие краски, потрепанная временем кирпичная кладка, неопиcуемый вид упадка, который даже в самое ясное утро бросает тень меланхолии на все это место, наводят на мысль о какой-нибудь престарелой даме, "спустившейся в мир иной", надевшей наряд лучших времен. Все это очень печально и трогательно, но необычайно красиво, и не было на свете художника, который смог бы передать на холсте мягкие тона, которыми Время окрасило эти старые стены, и таким образом нежной рукой скрыть произведенный ими хаос. Стоять на мосту, пересекающем канал на углу набережной Марбрье и набережной Верт, где башни Дворца Франков и крыша Ратуши с едва виднеющейся над ними колокольней и тускло-красные стены, поднимающиеся из воды, образуют уникальную картину натюрморта, - значит читать проповедь на камнях, впечатляющий урок истории.

Прекращение торговли поставило Брюгге лицом к лицу с "вопросом безработных" в очень острой форме. Обеспечение бедных стало самой серьезной проблемой, и так много людей были вынуждены жить на милостыню, что по всему городу возникли богадельни. Они называли их Домами Бога ("Godshuisen") и называют до сих пор. Их можно найти во всех направлениях — причудливые маленькие уголки, разбросанные тут и там, в каждом из которых есть своя маленькая часовня, с поросшими мхом крышами и грязными стенами, а двери выходят на неровную булыжную мостовую. Каждый камень в них говорит о пауперизме. Церковь много делает для поддержания этих приютов для бедных - возможно, даже слишком много, если это правда, что в Брюгге насчитывается 10 000 нищих из примерно 55 000 жителей. На улицах много попрошайек и печальный недостаток стойкого самоуважения среди низшего класса, что, по мнению многих, вызвано системой подаяний, главную ответственность за которую несет Церковь. Брюгге, возможно, не был бы таким живописным сегодня, если бы его торговля сохранилась; но красота города дорого приобретается ценой такой деградации и потери личной независимости.

БРЮГГЕ

Вид на Дворец Франков.

Пострадал не только рабочий класс. Многие богатые семьи погрузились в нищету, и их дома, некоторые из которых больше походили на дворцы, чем на частные дома, пришлось демонтировать. Судьба одного из этих величественных особняков связана с эпизодом, который переносит нас в общественную жизнь Брюгге середины семнадцатого века. На правой стороне улицы От, если идти от площади Бург, есть высокий квартал, в котором расположены два больших дома, № 6 и 8, с этой улицы. Сейчас это большое, простое здание без малейших архитектурных изысков; но в семнадцатом веке это был отдельный особняк, построенный примерно в 1320 году, и был одним из многих домов с башнями, которые придавали Брюгге того времени вид почти восточного города. Он назывался Домом семи башен из-за семи шпиль, которые его венчали; а сзади был разбит большой сад, простиравшийся до канала и набережной Марбрье.

В апреле 1656 года "высокий мужчина выше двух ярдов ростом, с темно-каштановыми волосами, едва отличимыми от черных", в поисках которого Круглоголовые обыскали всю Англию после битвы при Вустере, добрался до Брюгге вместе со своим братом Генрихом, герцогом Глостерским, и свитой роялистов, которые составляли их Двор. Почти три года после Вустера жил Карл II. жил во Франции; но в июле 1654 года союз между Кромвелем и Мазарини вынудил его перебраться в Германию, где он оставался до тех пор, пока дон Иоанн Австрийский не стал губернатором испанских Нидерландов. Вслед за этим перспектива вернуть английский трон с помощью Испании побудила его перенести свой Двор, который на некоторое время обосновался в Кельне, во Фландрию. Он прибыл в Брюгге 22 апреля 1656 года. Его брат Джеймс, герцог Йоркский, а впоследствии король Англии, служил во французской армии, и Мазарини предложил ему командование в Италии. Карл, однако,

попросил его покинуть французскую армию и поступить на службу в Испанию. Сначала Яков отказался, но при посредничестве их сестры, принцессы Оранской, его убедили поступить так, как хотел его брат, и присоединиться ко двору в Брюгге. Ирландский виконт Тара принял Чарльза, когда тот впервые прибыл, в своем доме на улице Старый Бург, и там устроил ему, как мы читаем в местной истории, "блестящий госпиталь". Но в начале июня Двор разместился в Доме Семи башен.

Во время своего пребывания во Фландрии Чарльз находился под пристальным наблюдением сотрудников секретной службы правительства Содружества, которые присылали домой отчеты обо всем, что он делал. Эти отчеты, многие из которых находятся в Государственных документах Турло и других коллекциях, содержат некоторые любопытные подробности о дворе в изгнании.

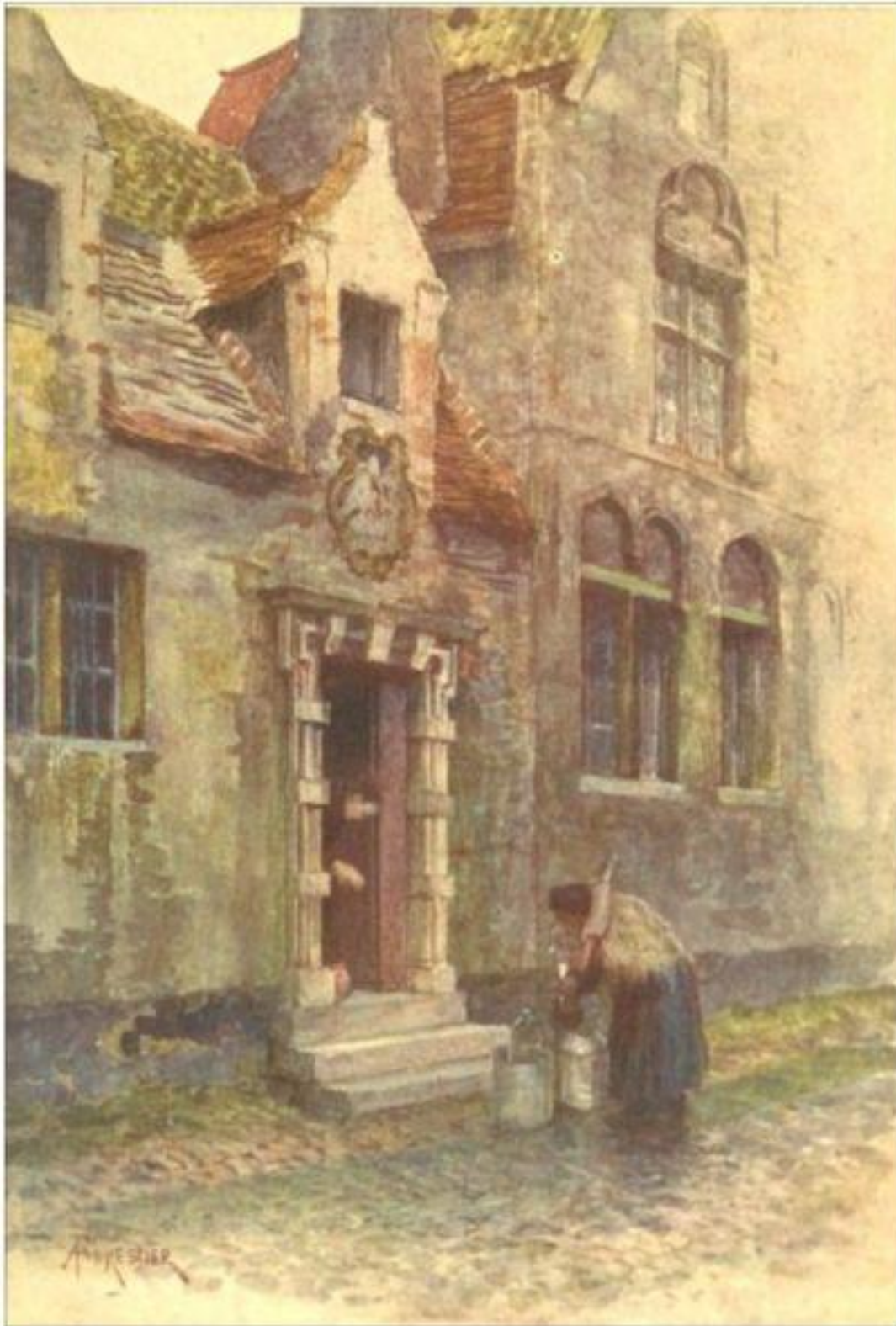
Никогда еще в Брюгге не было более интересной "английской колонии", чем в то время. Хайд, получивший Большую печать в Брюгге, был там вместе с Ормондом и графами Бристольским, Норвичским и Рочестерским. Сэр Эдвард Николас был государственным секретарем; и мы читаем о полковнике Сайденхэме, сэре Роберте Мюррее и "мистере Кэрлессе", который сидел на дереве с Чарльзом Стюартом после Вустерской битвы. Другим изгнанником в Брюгге был сэр Джеймс Тернер, солдат удачи, который служил под командованием Густава Адольфа, преследовал ковенантеров в Шотландии и, как обычно предполагается, был оригиналом Дугалда Далгетти в *"Легенде о Монтрозе"* сэра Вальтера Скотта. Список королевского двора до сих пор хранится в Брюгге. Он был подготовлен для того, чтобы городской совет мог установить ежедневную норму вина и пива, которые должны были выдаваться ко Двору, и содержит имена примерно шестидесяти человек с указанием количества, выданного каждой семье.

В "Разведывательном письме" (отчете шпиона), датированном из Брюгге 29 сентября 1656 года, упоминается, что Лилли, лондонский астролог, написал, что король будет восстановлен на троне в следующем году, и что все англичане в Брюгге были в восторге. Но в то же время им очень не хватало наличных денег. С тех пор как Чарльз и его последователи покинули Англию, они страдали от ужасающей нехватки средств. Мы находим, что Хайд заявляет, что у него "нет ни обуви, ни рубашки". Сам король постоянно влезал в долги за еду, и его друзья провели много голодных дней в Брюгге. Если по счастливой случайности у них оказывались деньги, одного приема пищи в день хватало на компанию из полудюжины придворных. Если было холодно, они не могли позволить себе купить дрова. Граф Норвич пишет, что ему приходится переезжать, чтобы снять жилье в кредит, и избегать людей, которым он должен деньги. Полковник Бортвик, который утверждает, что преданно служил королю, жалуется, что он находится в тюрьме в Брюгге по подозрению в нелояльности, не менял одежду в течение трех лет и вынужден из-за нехватки денег обходиться зимой без камина. Сэр Джеймс Гамильтон, придворный джентльмен, однажды напивается и угрожает убить лорда-канцлера. Он умирает с голоду и заявляет, что Хайд виноват в том, что король не дает ему денег.

Он наденет чистую рубашку, чтобы ее повесили, и не убежит, оставшись без гроша. Затем у нас есть ходатайство бедного учителя фехтования. "Небеса, - жалобно пишет он, - слышат стоны низших созданий, и поэтому я верю, что ты, будучи земным божеством, не пренебрежешь моей мольбой". Он приехал из Кельна в Брюгге, чтобы преподавать в королевском доме, и нуждался в жалованье, потому что он и его семья голодали.

BRUGES

Maison du Pélican (Almshouse).

Дон Иоанн Австрийский посетил Карла в Брюгге, и королю Испании было обещано денежное содержание, чтобы можно было набрать людей для операций против Кромвеля; но выплаты были скудными и нерегулярными. "Английский двор, - говорится в письме от февраля 1657 г., - по-прежнему остается в Бриджах [Брюгге], никогда не испытывая большей нужды и не

ожидая больших денег, без которых все их сборы все равно что остановиться; ибо англичане не могут жить одним хлебом".

В "Разведывательном письме", отправленном из Слуиса, говорится, что на Чарльза "сильно нападают, но мало кого уважают". И это неудивительно, если доверять отчетам, отправленным домой агентами Содружества. Одним из шпионов, бродивших по окрестностям Брюгге, был мистер Батлер, который пишет зимой 1656-1657 годов: "На прошлой неделе ночью была разграблена одна из богатейших церквей Брюгге. Жители Брюгге полностью убеждены, что это сделали последователи Карла Стюарта. Они не жалеют сил, чтобы найти виновных, и если это случайно обнаружится в свите Чарльза Стюарта, это сильно настроит людей против них.... Сейчас в Брюгге работает труппа французских комиков, которых очень пунктуально посещают Чарльз Стюарт, его двор и все тамошние дамы. Их самый торжественный день в актерской карьере - День Господень. Думаю, я могу с уверенностью сказать, что никогда еще люди не творили большей мерзости, чем в наши дни при дворе Карла Стюарта. Блуд, пьянство и супружеская измена не считаются среди них грехами; поэтому я убеждаю себя, что Бог никогда не одобрит ни одну из их попыток".^[10] В другом письме мы читаем, что однажды после охотничьей экспедиции Чарльз и джентльмен из опочивальни были единственными, кто вернулся трезвыми. Сэр Джеймс Тернер был безумен, когда напивался, "и это случалось довольно часто", - говорит епископ Бернет.

Но, конечно, задачей шпионов было очернить Карла; и нет никаких сомнений в том, что, несмотря на его бедность и распущенные нравы, он пользовался большой любовью жителей Брюгге, которые, несмотря на большое соблюдение внешних приличий, никогда не отличались особой строгостью. "Шарль, - узнаем мы из местной истории, - был популярным человеком, участвовавшим в развлечениях населения и податливым, без усилий, без жеманства, с обычаями платить". В течение всего периода своего изгнания он умудрялся развлекать себя. Галантные выходки, танцы, теннис, бильярд и другие легкомысленные занятия занимали не меньше его внимания, чем серьезные государственные дела, над которыми Хайд и Ормонд провели столько тревожных часов. Во время визита в Брюссель весной 1657 года он, как нам рассказывают, большую часть времени проводил с танцующим доном Джоном или в "длинной пауме" - испанской пьесе с шариками, натянутыми проволокой. И снова: "Он проводит время за стрельбой в Брюгге и другими малоизвестными развлечениями".

Эта "стрельба" была любимым фламандским видом спорта - стрельба из лука и стрел по искусственной птице, укрепленной на высоком шесте, причем призом в торжественных случаях была золотая птица, которую на золотой цепочке вешали победителю на шею. В архивах гильдий Святого Георгия и Святого Себастьяна в Брюгге есть упоминания, касающиеся Карла. Первое было обществом арбалетчиков, второе - лучников. 11 июня 1656 года Чарльз и герцог Глостерский были на фестивале Общества Святого Георгия. Чарльз был первым, кто попробовал свое мастерство, и сумел попасть в цель. После того, как герцог и многие другие застрелили птицу, Питер Пруйссенер, виноторговец с улицы Старый Бург, сбил птицу, и Чарльз повесил ему на шею золотую "Птицу Чести". 25 июня Чарльз посетил Общество Святого Себастьяна, победителем которого стал Майкл Ноэ, садовник. Король и Глостер оба стали членами Святого Себастьяна, которое до сих пор является процветающим обществом. Идя по улице Кармес, путешественник проходит мимо английского монастыря слева, а справа, в конце улицы, оказывается перед зданием гильдии Святого Себастьяна с его стройной башней и тихим садом, одним из самых приятных мест в Брюгге. Там можно увидеть имена Чарльза и его брата, вписанные в небольшой томик в красном сафьяновом переплете, "Почетную птицу" с золотой цепочкой, серебряную стрелу, подаренную герцогом

Глостерским, и некоторые другие интересные реликвии. 15 сентября 1843 года королева Виктория, принц Альберт, король Леопольд I и королева Бельгии пришли на улицу Кармес и расписались как члены этого общества, которое теперь владеет двумя серебряными кубками, подаренными королевой Англии в 1845 и 1893 годах. Герцог Йоркский, похоже, преуспел как лучник, поскольку в Ратуше Брюгге есть картина Джона ван Мьюнинсхова, на которой Чарльз вешает "Птицу Почета" на шею своему брату.

В апреле 1657 года английское правительство было проинформировано о том, что двор Карла готовится покинуть Брюгге. "Вчера" (7 апреля) "некоторые из его слуг отправились в Брюссель, чтобы подготовить жилье для Чарльза Стюарта, герцога Йоркского и герцога Глостерского. Все, у кого есть или могут быть такие большие деньги, уходят вместе с Чарльзом Стюартом в понедельник утром. Я восхищаюсь тем, как люди живут здесь из-за нехватки денег. Наше число не увеличилось с тех пор, как я был последним. Большинство из них снова просят милостыню из-за нехватки денег; и когда приходят какие-нибудь бродяги, у нас не так много денег, чтобы хватило на квартиру одному человеку; и все же мы обещаем себе большие дела". Нехватка наличных затрудняла все их передвижения, потому что Карл был в долгу в Брюгге и не мог вывезти свое добро, пока не расплатится со своими кредиторами. Это было ужасно унижительно. "Король, - читаем мы, - вряд ли будет больше жить в Брюгге, но он не может вывезти свою семью и имущество, пока мы не получим денег". Дилемма, по-видимому, была решена Карлом, его братьями и большей частью Придворных, которые отправились в Брюссель, оставив свои владения. Окончательный переезд состоялся только в феврале 1658 года, и Кларендон говорит, что Чарльз никогда не жил в Брюгге после этой даты. Возможно, однако, он вернулся с коротким визитом, поскольку Джесси в своих *Воспоминаниях об английском дворе при Стюартах* утверждает, что король играл в теннис в Брюгге, когда сэр Стивен Фокс пришел к нему с великой новостью: "Дьявол мертв!" Это было в сентябре 1658 года, а Кромвель умер третьего числа того же месяца. После реставрации Карл отправил жителям Брюгге благодарственное письмо за то, как они его приняли. Среди придворных увеселений в Уайтхолле он не забыл и о простых забавах честных бюргеров, но подарил лучникам Общества Святого Себастьяна сумму в 3600 флоринов, которые были потрачены на их зал собраний.

Более ста лет спустя, когда династия Стюартов ушла в прошлое, ушел и Георг III. когда он восседал на английском троне, на улицу От прибыли несколько путешественников, которые сильно отличались от шумных Кавалеров и хрупких красавиц, наполнявших ее весельем во времена Веселого монарха. Английские иезуиты Сент-Омера, исключенные из своего колледжа, прибыли в Брюгге в августе 1762 года и поселились в Доме Семи башен, где они не нашли "ничего, кроме голых стен и пустых комнат". Жалкое это, должно быть, было место. В одной комнате был накрыт грубый стол из досок, и изголодавшиеся путешественники обрадовались, увидев три жареных бараньих ножки, разложенных на примитивном столе. Ножей, вилок и тарелок не было. Фламандский слуга разделил еду своим карманным ножом. Свеча в фартинг придавала сцене эффект Рембрандта. Мальчики спали в ту ночь на матрасах, расстеленных на полу в одной из больших пустых комнат дома. Первые дни в Брюгге были достаточно безрадостными.^[11] Религиозные дома, однако, пришли на помощь. Фламандские монахи и монахини английского монастыря помогали паломникам, и иезуиты вскоре обосновались в Брюгге, где несколько лет жили в мире, пока австрийское правительство не изгнало их оттуда. Та же участь постигла насельниц многих монастырей в Брюгге в правление Иосифа II., чье реформаторское рвение привело к восстанию в австрийских Нидерландах, которое стало прелюдией к вторжению во Фландрию армии Французской революции.

После завоевания Бельгии французами казалось, что все церкви Брюгге обречены. Часовня Святого Василия лежала в руинах. Церковь Святого Донатиана, стоявшая со времен Болдуина Бра-де-Фер, была снесена и полностью исчезла. Нотр-Дам, Сен-Совер и другие культовые сооружения чудом избежали разрушения; и только в середине девятнадцатого века город в какой-то мере оправился от этих бедствий.

Брюгге, несомненно, разделял всеобщее процветание, охватившее страну с тех пор, как Бельгия стала независимым королевством после революции 1830 года, но его прогресс был медленным. Он никогда не терял своих ассоциаций со старым миром; и названия улиц и площадей, и традиции, связанные с бесчисленными домами, мимо которых незнакомец может пройти незамеченным, - все это так много связано с прошлым. Например, на улице Эспаньол каждую среду проходит овощной рынок. В этом квартале жили и вели свой бизнес испанские торговцы. Когда-то на этой улице стоял высокий, темный и, по сути, очень грязный на вид старый дом, известный под испанским названием "Каса Негра". Его снесли несколько лет назад; но ниже, в конце улицы, сохранились огромные подвалы, в которых испанцы хранили свои товары; а на набережной Эспаньол находилось испанское консульство, ныне превратившееся в большой жилой дом. В нескольких шагах от набережной Испании находится Восточная площадь (Oosterlingen Plaats), где минарет из коричневатого-коричневого кирпича возвышается над фронтонами здания, которое когда-то было консульством Смирны, и на северной стороне которого в доблестные времена стоял великолепный дом Востока, штаб-квартира Ганзейского союза в Брюгге, лучший дом во Фландрии, с башенками и высоким шпилем, с изумительным фасадом, а комнаты внутри сверкали позолотой. Слава ушла; место этого коммерческого дворца заняли два современных жилых дома; но, несомненно, это должно быть очень скучное воображение, на которое вид этого места, ныне такого спокойного и обыденного, но когда-то являвшегося центром таких важных сделок, не производит никакого впечатления. От Восточной площади всего несколько минут ходьбы до улицы Кур де Ган и темно-коричневого деревянного фасада маленького домика, ныне магазина кружев, который, по преданию, был одним из домов Мемлинка в Брюгге, где мы можем представить, как он кропотливо и с любовной заботой наносит последние штрихи на какую-нибудь бессмертную картину.

Затем есть Английская улица, недалеко от набережной Спинола, где английские купцы-авантюристы собирались обсудить свои дела в домах с такими названиями, как "Старая Англия" или "Лондонский Тауэр". Глава колонии, "губернатор английской нации за морями", как они его называли, 400 лет назад был очень занятым человеком.^[12] Шотландские торговцы поселились в том же районе, недалеко от церкви Св. Вальбург. Они называли свой дом "Шотландия" и, несомненно, заключали такие же выгодные сделки, как и "старый враг" на соседней улице. Среди домов к западу от Рыночной площади спрятано здание, называемое Парижской галереей, или Halle de Paris, с кафе и театром, где сейчас разыгрываются фламандские пьесы, которое раньше было консульством Франции; балы по подписке и любительские спектакли устраивают нынешние жители Англии в доме генуэзских купцов четырнадцатого века на улице Фламанд. Список улиц и домов, вызывающих подобные ассоциации со стариной, можно продолжать бесконечно, поскольку в Брюгге прошлое всегда присутствует.

БРЮГГЕ

Овощной рынок.

Даже простые дома с плоскими фасадами, которыми бедность или безвкусица прошлого века заменили многие старые здания, не портят живописный облик города в целом, потому что сейчас он не больше, чем был 600 лет назад, а эти современные постройки совершенно затерялись среди своих почтенных соседей. Таким образом, Брюгге сохраняет свой средневековый характер. Однако посреди всего этого богатства архитектурной красоты и исторического интереса атмосфера обычной повседневной жизни кажется настолько унылой и гнетущей, что люди, живущие там, склонны из-за чистой скуки проводить свою жизнь в круговороте мелких волнений и непрекращающихся утомительных сплетен и проявлять гораздо больший интерес к ничтожным ссорам своих соседей из-за какой-нибудь бури в чайной чашке, чем к более важным темам, которые будоражат умы мужчин и женщин в более здоровых и широких обществах. Задолго до того, как был написан роман Роденбаха, эта особенность Брюгге вошла в поговорку по всей Бельгии.

Но вполне возможно, что изменения не за горами, и что Брюгге может снова стать, не Венеция Севера—время для этого прошло,—но и важным городом, ибо дух коммерческое предприятие, которое сделало так много для других частей Бельгии за последние семьдесят пять лет, вторгаясь даже в этот тихом месте, чьи граждане начали мечтать о восстановлении какая-то часть их бывшего расцвета. В 1895 году бельгийский парламент принял закон, предусматривающий строительство между Бланкенбергом и Гейстом гавани, соединенной с Брюгге каналом больших размеров, и внутреннего порта в городе. Работы в Зее-Брюгге, как называется внешний порт, почти завершены и позволят судам, набирающим 26½ футов воды, плавать при любом уровне прилива. Причал описывает большую дугу, и изгиб таков, что его оконечность параллельна побережью и находится на расстоянии 930 ярдов от отметки отлива. Площадь защищенного рейда составляет около 272 акров, а сообщение с каналом осуществляется шлюзом шириной 66 футов и 282 ярда в длину. С этого места канал,

глубина которого составляет 26 с половиной футов и питается морской водой, проходит по прямой до Брюгге и заканчивается во внутреннем порту, который находится в нескольких сотнях ярдов от того места, где река Роя раньше встречалась с рекой Цвейн. Он способен обеспечить минимальную пропускную способность в 1 000 000 тонн в год, и было установлено все оборудование, необходимое для работы с таким объемом перевозок.

Первое судно, английский пароход, вошло в новый порт Брюгге утром 29 мая текущего (1905) года. С Колокольни зазвенел карильон, раздались выстрелы из пушек, и в Отель-де-Виль состоялась церемония в честь этого события. Теперь остается выяснить, может ли какая-либо часть торговли, утраченная 400 лет назад, быть восстановлена мастерством современных инженеров и ресурсами современного капитала.

Сноски

[10] Письмо мистера Дж. Батлера, Флашинг, 2 декабря 1656 г., Thurloe State Papers, V., 645.

[11] Робинсон, *Брюгге, исторический очерк*, стр. 291.

[12] В *Иллюстрированной "Фландрии"* Сандеруса, том i, стр. 275, есть изображение "Английского дома".

ГЛАВА VII РАВНИНА ЗАПАДНОЙ ФЛАНДРИИ—ИПР

К западу от Брюгге широкая равнина Фландрии простирается до французской границы. Церковные шпили и ветряные мельницы - самые заметные объекты в пейзаже; но хотя равнинность пейзажа монотонна, есть что-то приятное для глаза в бесконечной череде хорошо возделанных полей, прерываемых через определенные промежутки участками зарослей кустарника, каналами или медленно текущими ручьями, петляющими между рядами поллардов, загородными домами, окруженными лесами и площадками для развлечений, коттеджами с плодоносящими садами, фруктовыми садами, маленькими деревушками и компактными городками, в большинстве из которых прилежный антиквар найдет что-нибудь интересное — возможно, скромную колокольню со своей романтичностью. собственная; приходская церковь, фундамент которой был заложен давным-давно на земле, в далеком прошлом посвященной поклонению Тору или Водану; или, возможно, остатки средневекового замка, из которого какой-нибудь достойный рыцарь, чье имя сохранилось разве что в местных традициях, отправился в крестовый поход.

Эта часть Западной Фландрии, зажата между побережьем с его густонаселенными купальнями и более известным районом непосредственно к югу от него, где Гент, Турне, Куртре и другие важные центры ежегодно привлекают множество путешественников, редко посещается незнакомцами, на которых в некоторых деревнях смотрят почти так же пристально, как на улицы Пекина. Однако это очень доступно. Дороги, конечно, далеки от совершенства, и ни о какой пешеходной экскурсии не может быть и речи, поскольку даже самый сильный пешеход испортил бы все свое удовольствие от тяжелого перехода по длинной прямой дамбе. Идеальный способ увидеть Нидерланды и изучить жизнь их жителей - путешествовать по каналам; но их здесь не так много, как в других частях страны, и, кроме того, организовать проезд на баржах не очень легко. Но, в дополнение к основным линиям Государственной железной дороги, существуют "Chemins-de-fer Vicinaux", или легкие

окружные железные дороги, которые проходят через все части Бельгии. Тарифы на них очень низкие, и здесь так много остановок, что путешественник может увидеть огромное количество мест в течение одного дня. Вдоль большинства дорог также проложены велосипедные дорожки, расходы на содержание которых в порядке оплачиваются из ежегодного налога, уплачиваемого владельцами велосипедов.[\[13\]](#)

ФЛАМАНДСКАЯ РАВНИНА

Это самая чисто фламандская часть Фландрии. Очень редко можно заметить испанский тип лица, который так распространен в других местах — например, в Антверпене. Здесь расы почти не смешаны, и крестьяне говорят друг с другом только по-фламандски. Многие из них не понимают ни слова по-французски, хотя в Бельгии французский, как всем известно, является языком общественной жизни и литературы. Газеты, издаваемые на фламандском, невелики и содержат лишь местные новости. В результате сельские жители Западной Фландрии очень мало знают о том, что происходит в мире за пределами их собственных приходов. Уровень образования низок, поскольку в значительной степени находится в руках духовенства, которому до сих пор удавалось отвергать все предложения о том, чтобы сделать его всеобщим и обязательным.

Но, хотя большинство из них погрязло в невежестве и суевериях, сельскохозяйственные рабочие Западной Фландрии, судя по всему, вполне довольны своей участью. Жизнь дешева, а потребности невелики. Кофе, черный хлеб, картофель и соленая свинина являются основными продуктами питания, а в некоторых семьях даже свинина является угощением для особых случаев. Они редко пробуют масло, используя вместо него свиное сало; а "маргарин", который продается в городах, не попадает в коттеджи отдаленных сельских

районов. Сахар на протяжении многих лет был намного дороже, чем в Англии, и цена на него неуклонно растет, но за этим исключением продукты питания населения дешевы. Чай поступает в Бельгию беспошлинно, но крестьяне его никогда не употребляют. Многие сельские жители курят грубый табак, выращенный в их собственных садах, и сигара стоимостью 10 сантимов - это верх роскоши. Поскольку табак является государственной монополией во Франции, высокие цены в этой стране делают контрабанду обычным явлением, и на границах Западной Фландрии тайно ведется значительная контрабандная торговля. Средняя заработная плата, выплачиваемая за работу в поле, составляет от 1 франка 50 сантимов до 2 франков в день для женатых мужчин, то есть примерно от 1 шилл. 3 до 1 шилл. 8 долларов английских денег. Холостяки обычно получают 1 франк (10 долларов) в день и питание. Рабочие часы длинные, летом часто с пяти утра до восьми вечера, а зимой с восхода до захода солнца, с одним перерывом в двенадцать часов на ужин, состоящий из хлеба со свиной и черного кофе, и еще одним около четырех часов дня, когда съедается то, что осталось от дневной трапезы.

ФЛАМАНДСКАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА

Фламандский фермерский дом, как правило, представляет собой солидное здание с двумя большими гостиными, в которых все еще иногда можно встретить ценные старинные предметы мебели, хотя торговцы диковинками за последнюю четверть века вынесли большую их часть, отполировали и продали с высокой прибылью. Резные сундуки с гербами

старинных семейств были обнаружены заваленными мусором в сараях или конюшнях, а красивые шкафы с изящной лепниной и латунной фурнитурой часто продавались за несколько франков. Тяжелые потолочные балки, почерневшие от времени, длинные фламандские печи и причудливые подоконники, глубоко утопленные в толстых стенах, все еще сохранились и делают интерьеры многих из этих домов очень живописными; но "находки" старинной мебели, необычной медной или оловянной посуды и даже отдельные фрагменты ценных гобеленов, которые раньше возбуждали алчность незнакомцев, теперь очень редки. Почти все изделия из латуни, которые так охотно покупают доверчивые туристы в Брюгге летом, сделаны из отрубей - нового материала, искусно изготовленного специально для продажи — и продаются в пять или шесть раз дороже реальной рыночной стоимости! Ни на Дайвере, ни в магазинах Брюгге нельзя приобрести что-либо по выгодной цене.

ДУЙНХУК

Интерьер фермерского дома.

Сельская жизнь проста. В большинстве деревень распространено сильное пьянство. В Бельгии, вероятно, на душу населения потребляется больше пива, чем в любой другой европейской стране, не исключая Германию, и система выпивания "маленькими стаканчиками" огненного спирта поверх пива приносит свои естественные плоды. Чрезмерное количество трактиров поощряет пьянство людей. Практически любой, кто может заплатить государственную пошлину и получить бочку пива и несколько бокалов, может открыть питейный магазин. В небольшой деревушке с населением около 200 человек нередко можно увидеть надписи "Herberg" или "Estaminet" над дверями дюжины домов, в которых пиво продается по пенни (или меньше) за большой стакан и где по той же цене

можно заказать различные обжигающие горло напитки вида *petit verre* ; в результате очень часто значительная часть мизерной зарплаты, выплачиваемой субботним вечером, превращается в пиво или джин в воскресенье и понедельник.

Как правило, фламандский рабочий, будучи веселой, беззаботной душой, просто шумлив и весел в жестокой манере в своих выпивках; но стоит возникнуть ссоре, как пускаются в ход ножи, и прежде чем проходит сельский полицейский, начинаются жестокие ссоры, заканчивающиеся ранениями, а иногда и убийством. Когда бросают жребий, кому служить в армии, и толпы деревенских парней со своими друзьями стекаются в города, трактиры делают хороший бизнес. Те, кому выпали счастливые числа и поэтому они избежали призыва, напиваются от радости; в то время как те, кто обнаруживает, что должен служить в армии, топят свою печаль или празднуют это событие, если они склонны к воинственности, шатаясь по улицам рука об руку со своими товарищами, крича и распевая песни. В этих представлениях часто участвуют целые семьи, как старые, так и молодые, и они должны быть очень пьяны и вести себя очень беспорядочно, прежде чем полиция додумается сделать хотя бы самое мягкое замечание.

Веселый характер фламандцев лучше всего увидеть на "кermesse", или ярмарке, которая летом проводится почти в каждой деревне. В Брюгге, Ипре и Фурне, а еще больше в таких крупных городах, как Брюссель или Антверпен, кermesse перестали быть типичными для этой страны и их вытеснили ярмарки, подобные тем, которые можно увидеть в Англии или почти в любой другой стране. "Карусели", приводимые в движение паром, сложные цирки, зверинцы, выставки восковых фигур, передвижные театры и всевозможные современные "шоу" путешествуют и останавливаются на несколько дней, возможно, даже на несколько недель, в разных городах. Сельские жители окрестностей в восторге, а балаганщики собирают хороший урожай франков и сантимов; но эти ярмарки утомительны и заунывны, гораздо менее забавны и оживленны, чем, например, ярмарка Сент-Джайлса в Оксфорде, хотя и почти столь же шумны. Но на самом кermesse, который кое-где сохранился до наших дней, изображены фламандцы, развлекающиеся в чем-то более старомодном, чем все, что можно увидеть на Рыночной площади Брюгге или на бульварах Брюсселя или Антверпена. Действительно, некоторые деревенские сцены, когда молодежь танцует или стреляет из луков в цель, в то время как старейшины сидят со своими кружками пива и длинными трубками, наблюдая и сплетничая, очень похожи на то, что происходило во времена старых художников, которые так любили создавать изображения кermесов. Одежда людей, конечно, изменилась, но дух сцены с ее домашними празднествами на удивление мало изменился.

Примерно в двадцати милях от французской границы находится город Ипр, некогда столица Фландрии, который во времена Людовика Неверского был одним из трех "прекрасных деревень", другими были Брюгге и Гент, где назначались депутаты для защиты прав и привилегий всего фламандского народа.

Как Брюгге вырос из грубой крепости на берегу реки Руа, так и Ипр вырос из крепости, построенной, вероятно, около 900 года, на небольшом острове на реке Иперли. Он был треугольной формы, с башней на каждом углу, и поначалу был известен жителям окружающей равнины как "Замок из трех башен". Со временем на берегах реки недалеко от острова начали появляться дома. Их защищал земляной вал со рвом, и по мере того, как это место росло, надворные сооружения становились все более обширными. Благодаря своему стратегическому положению недалеко от Франции и в части Фландрии, которая постоянно

была ареной войн, он имел большое значение; и, вероятно, ни в одном другом фламандском городе его оборонительные сооружения не менялись и не расширялись так часто, как в Ипре, в период между первобытными временами, когда участник крестоносных походов Тьерри д'Альсас насаждал живые изгороди из колючего кустарника для укрепления башен, и правлением Людовика XIV, когда обширная и сложная система укреплений была построена на научных принципах под руководством Вобана.

Жители Ипра принимали видное участие в большинстве великих событий, которые отличали героический период истории Фламандии. В июле 1302 года отряд из 1200 избранных мужчин, "500 из которых были одеты в алое, а остальные - в черное", был отправлен наблюдать за городом и замком Куртрэ во время битвы при Золотых Шпорах, а в следующем году победа была отмечена учреждением Братства лучников Святого Себастьяна, которое все еще существует в Ипре, последнем выжившем из вооруженных обществ, процветавших там в средние века. Семьсот ипрских бюргеров прошли маршем к Слуису, сели на фламандские лодки, которые преследовали французский флот во время морского сражения в июне 1340 года, и в конце кампании объединились в Братство Святого Михаила, которое просуществовало до французского вторжения 1794 года. Сорок лет спустя мы находим не менее 5000 жителей Ипра, которые теперь изменили свою политику, на стороне французов в битве при Рузбеке, сражавшихся в густом тумане на равнине между Ипром и Рулером в тот роковой день, когда погиб Филипп ван Артевельде и восторжествовал Лелиарт.

АДИНКЕРК В Кермессе.

В следующем году, когда волна войны так непрерывно разливалась по равнинам Фландрии, английская армия под командованием Генри Спенсера, епископа Норвичского, высадилась в Кале под предлогом поддержки сторонников папы Урбана VI, который тогда оккупировал Святой Престол, против сторонников папы Климента VII, обосновавшегося в Авиньоне. Горожане Гента стекались под английские знамена, и союзники осадили Ипр, который

защищали французы и лелиарты, которые последовали за Людовиком Маэльским, графом Фландрии, и поддерживали дело Климента.

В то время ворота были единственной частью укреплений, выполненных из камня. Земляные валы были обсажены на внешнем склоне густыми зарослями колючего кустарника, переплетенного и укрепленного столбами. Снаружи было еще больше укреплений из деревянных частоколов, а за ними два рва, разделенных дамбой, на которой был установлен частокол из заостренных кольев. Укрепленный таким образом город защищали около 10 000 человек, и 8 июня 1383 года осада была начата силами, состоящими из 17 000 англичан и 20 000 фламандцев национальной партии, большинство из которых были выходцами из Брюгге и Гента.

Англичанам сказали, что город не окажет сильного сопротивления, и в первый день осады 1000 человек из них попытались взять его сразу штурмом. Они были отбиты; и после этого атаки осаждающих и вылазки гарнизона продолжались день за днем, причем потери с обеих сторон были очень велики. Наконец осаждающие, обнаружив, что они не могут перед лицом обрушившегося на них ливня стрел, дротиков и камней прорваться сквозь частоколы и острые заграждения из колючей проволоки (предшественники современных заграждений из колючей проволоки), взломать ворота или снести валы, построили три деревянные башни на колесах и подкатили их, полные солдат, к воротам. Но гарнизон совершил вылазку, захватил башни, разрушил их и убил или взял в плен солдат, которые их обслуживали.

Спенсер несколько раз требовал сдачи города, но все его предложения были отклонены. Англичане наступали все ближе и ближе, но всякий раз, когда они предпринимали штурм, были отбиты с большими потерями. Надежды гарнизона возросли до небес 7 августа, на шестьдесят первый день осады, когда поступило известие о том, что французская армия численностью 100 000 человек в сопровождении войск графа Фландрского движется на помощь Ипру. Рано утром следующего дня англичане предприняли новую попытку ворваться в город, но их снова отбросили назад. Чуть позже в тот же день они дважды наступали с предельной храбростью. И снова их отбросили. Так же поступили и горожане Гента, которых англичане упрекали в том, что они обманули их, сказав, что Ипр падет через три дня, и чьим ответом на это обвинение была яростная атака на одни из ворот, в результате которой многие из них пали. Во второй половине дня англичане снова двинулись вперед, и им удалось прорваться через часть огромной колючей изгороди; но это было бесполезно, и им снова пришлось отступить, оставив за собой кучи убитых. После нескольких часов отдыха была предпринята еще одна атака на семь разных частей города одновременно. Этот штурм был самым яростным и кровопролитным за всю осаду, но он был и последним. Спенсер понял, что, несмотря на великолепное мужество его солдат и фламандских бюргеров, взять город до прибытия французской армии будет невозможно, и ночью англичане со своими союзниками из Гента и Брюгге отступили от Ипра. Неудача этой кампании оставила Фландрию во власти Франции; но смерть графа Луи де Маэля, произошедшая в январе 1384 года, привела к власти Бургундский дом, под властью которого фламандцы наслаждались длительным периодом процветания и почти полной независимостью.

В Ипре верили, что город был спасен заступничеством Девы Марии, его святой покровительницы. В кафедральном соборе Святого Мартина горожане установили изображение Нотр-Дам-де-Тюин, то есть Богоматери ограждений, намек на прочный терновый барьер, который сдерживал врага; а кermesse, назначенный ежегодно в первое воскресенье августа в память об осаде, получил название "Туиндаг", или День

ограждений.[14] Жители Ипра, хотя и сражались на стороне Франции, имели все основания гордиться тем, как они защищали свои дома; но последствия осады были катастрофическими, поскольку торговля города так и не возместила потери многочисленного рабочего населения, которое покинуло его в то время.

ФЕРМЕРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Религиозные смуты шестнадцатого века наложили свой отпечаток как на Ипр, так и на остальную Фландрию. Все читали восторженные предложения, в которых историк Голландской республики описывает кафедральный собор Антверпена и рассказывает, как он был разрушен реформаторами во время разрушения образа летом 1566 года. Что произошло на берегах Шельды

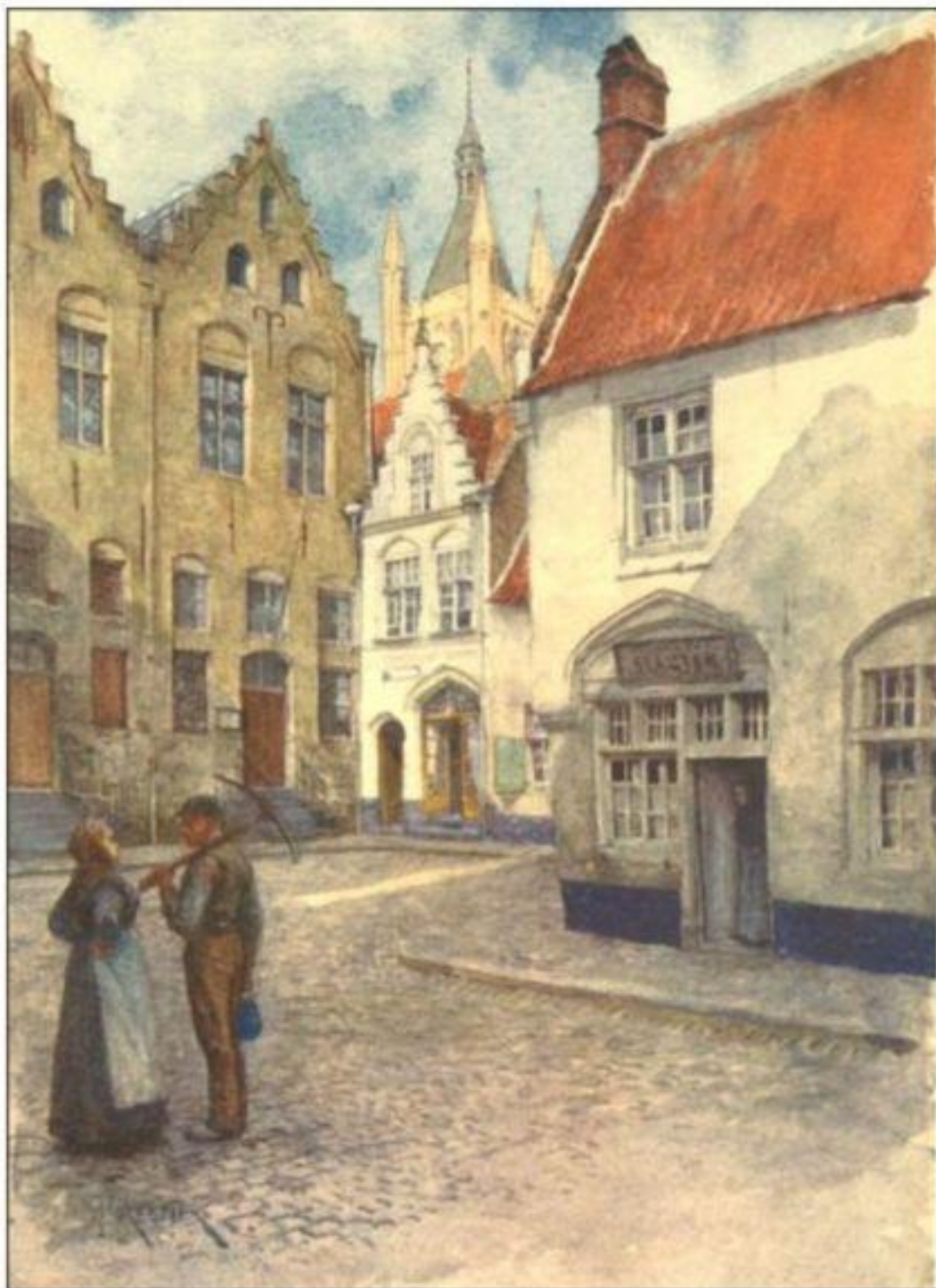
больше всего поражает воображение; но по всей Фландрии статуи и святилища, картины и церковные богатства, которыми благочестие, или суеверие, или покаяние обогатили так много церквей и религиозных обителей, стали объектами народного гнева. Полевые проповеди близ Ипра проводились еще в 1562 году.[15] Апостолы Нового Учения посетили другие части Западной Фландрии, и 15 августа 1566 года реформаторы обрушились на Ипр и разграбили церкви.

В ужасной трагедии, которая вскоре последовала, когда на сцену вышла Парма, это "зрелище человеческой энергии, человеческих страданий и человеческой силы переносить страдания, какое не часто демонстрировалось на сцене мировых событий", город получил свою долю преследований и поборов, последовавших за маршем испанских солдат; но более десяти лет большинство горожан оставалось на стороне Филиппа. Однако в июле 1578 года Ипр попал в руки протестантов и стал их штаб-квартирой в Западной Фландрии. Пять лет спустя Александр Пармский осадил его. Осада продолжалась до апреля следующего года, когда протестанты, измученные голодом, капитулировали, и город был оккупирован

испанцами, которые "прибегли к немедленным мерам по очищению места, которое так долго находилось в руках неверных, и в качестве первого шага к этому очищению тела многих еретиков, которые были похоронены в течение многих лет, были извлечены из могил и публично повешены в их гробах. Все живые приверженцы Реформированной религии были немедленно изгнаны из этого места."^[16] К этому времени население сократилось до 5000 душ, а укрепления превратились в груды руин.

В Ипре до сих пор сохранился мрачный памятник тех смутных времен. Площадь музея - это тихий уголок города, где в готическом доме с двойными фронтонами хранится коллекция старинных картин, медалей, орудий пыток и некоторых других диковинок. Именно епископ Ипрский в полночь 4 июня 1568 года объявил графу Эгмонту в его брюссельской тюрьме, что его час настал; и меч с крестообразной рукоятью и длинным прямым лезвием, который висит на стене Музея, - это тот самый меч, которым палач "одним ударом снес его голову с плеч" на следующее утро. Тем же оружием, несколько минут спустя, был убит друг Эгмонта, граф Хорн.

Площадь музея в ИПРЕ
(показана верхняя часть Колокольни).

К концу того мрачного шестнадцатого века Фландрия вернула себе некоторые свободы, за которые было пролито столько крови; но в то время как протестантская Голландская республика поднималась на севере, "католические" или "испанские" Нидерланды на юге оставались во владении Испании до брака дочери Филиппа Изабеллы с эрцгерцогом Альбертом, когда эти провинции были переданы невесте в качестве брачного удела. Это

было в 1599 году. Хотя при умеренном правлении Альберта и Изабеллы наступили более счастливые времена, война продолжала оставаться непрекращающимся бедствием Фландрии, и во время маршей и контрмаршей армий по этому полю боя в Европе Ипр едва ли когда-либо знал, что такое мир. Четырежды осажденный и четырежды взятый французами в войнах Людовика XIV, город не знал покоя; и на многие мили вокруг него поля были изуродованы новой системой нападения на укрепленные пункты, которую Вобан ввел в военное искусство. Людовик в сопровождении Шомберга и Люксембурга сам присутствовал при осаде 1678 года; и Ипр, отошедший к Франции по Нимегенскому мирному договору в том же году, впоследствии был укреплен укреплениями, построенными по планам, предоставленным великим французским инженером.^[17]

В 1689 году Вобан говорит об Ипре как о месте, "некогда великом, густонаселенном и оживленном, но сильно пострадавшем из-за частых мятежей и бунтов его жителей, а также великих войн, которые он пережил". И в таком состоянии он остается до сих пор. Хотя период, последовавший за Раштадтским мирным договором 1714 года, когда Фландрия перешла во владение императора Карла VI и стала частью "Австрийских Нидерландов", был периодом значительного улучшения, Ипр так и не восстановил своего положения, даже во время мирного правления императрицы Марии Терезии. Революция против Иосифа II. Все пошатнулось, и в июне 1794 года город после короткой осады сдался армии Французской Республики. Название Фландрии исчезло с карты Европы. Вся Бельгия была разделена, как и Франция, с которой она теперь была объединена, на *департаменты*, Ипр находился в департаменте Лис. В течение двадцати лет, во время войн Республики, Консульства и Империи, хотя воинская повинность постоянно истощала силы фландрской молодежи, которая уезжала, чтобы оставить свои кости на чужой земле, ничто не нарушало тишины города, и укрепления приходили в упадок, когда возвращение Наполеона с Эльбы охватило Европу пламенем. В течение Ста дней из Англии спешно доставляли орудия и военное снаряжение, старые оборонительные сооружения были восстановлены, а новые сооружения построены английскими инженерами; но битва при Ватерлоо сделала эти приготовления ненужными, и военная история Ипра подошла к концу, когда Венским конгрессом было учреждено недолговечное Королевство Нидерландов, хотя номинально оно было местом боев до 1852 года, когда укрепления были разрушены. В настоящее время все очень тихо и недружелюбно. Бастионы и люнеты, казематы и рвы, которые простирались во всех направлениях вокруг города, почти полностью исчезли, а те части укреплений, которые сохранились, были превращены в декоративные дорожки.^[18]

Но хотя от сооружений, построенных такой ценой и с таким трудом для военных целей, осталось так мало, искусство мира, которое когда-то процветало в Ипре, оставило более прочный памятник. Ни в Брюгге, ни в любом другом фламандском городе нет ничего, что могло бы сравниться по огромному величию с нагромождением зданий в западной части Гранд-Плас Ипр. В течение двух столетий фландрские купцы, города которых были главными центрами западной торговли и цивилизации, стали самыми богатыми в Европе, и значительная часть богатства, накопленного промышленностью и общественным духом, была потрачена на возведение тех благородных гражданских и коммерческих зданий, которые до сих пор составляют славу Фландрии. Первый камень в основание Зала драпировщиков, или Суконного зала, в Ипре был заложен Балдуином Константинопольским, в то время графом Фландрии, в начале XIII века, но прошло более 100 лет, прежде чем строительство было завершено. Хотя имя архитектора, начавшего это строительство, неизвестно, единство замысла, характеризующее работу, делает вероятным, что

первоначальных планов придерживались до тех пор, пока все не было закончено. Ничто не может быть проще общей идеи, но эффект очень хороший. Первый этаж фасада, длиной около 150 ярдов, пронизан рядом прямоугольных дверей, над которыми расположены два ряда стрельчатых окон, каждое точно над другим, и все они выполнены в одном стиле. В верхнем ряду каждое второе окно заполнено и содержит статую какого-либо исторического персонажа. На каждом конце есть башенка; а колокольня, представляющая собой квадрат с башнями по углам, возвышается из центра здания.

С момента завершения строительства в 1304 году в первоначальный Зал драпировщиков время от времени вносились различные дополнения, и из них "Ньюверк" является наиболее интересным. Восточная оконечность Галле долгое время была скрыта рядом деревянных построек, которые, будучи возведены для различных целей после завершения строительства главного здания, были известны как "Nieuwe wercken", или новые работы. Они были снесены в начале семнадцатого века и заменены каменным зданием в стиле испанского Ренессанса, которое сейчас носит название Ньюверк, с его десятью изящными арками, поддерживаемыми стройными колоннами, над скульптурными капителями которых возвышаются ряды узких окон и крутоскатная крыша с фронтонами из причудливо вырезанного камня. Ипр перестал быть крупным торговым городом задолго до того, как был построен Ньюверк; но Суконный цех был оживленным местом в тринадцатом и четырнадцатом веках, когда Ипр разделял с Брюгге ответственность за управление фламандским отделением Ганзейского союза.

Обширная система монополий, которую поддерживала Лига, была, как само собой разумеющееся, причиной большой зависти и недобрых чувств. Во Фландрии Гент, Брюгге и Ипр защищали свои привилегии от других городов и враждовали между собой. У ипрских купцов была монополия, запрещавшая всякое ткачество на три лье вокруг города под страхом штрафа в пятьдесят ливров и конфискации станков и ткацкого полотна; но ткачи соседних коммун нарушали эту монополию и продавали имитации ипрского льна во все руки. Между жителями Ипра и их соседями в Поперинге постоянно возникали разногласия. Иногда ипрские ткачи, чтобы отстоять свои исключительные привилегии, с оружием в руках выступали против Поперинге, а иногда жители Поперинге отвечали нападением на своих могущественных соперников. Дома были сожжены, ткацкие станки сломаны, и в этих столкновениях, которые были настолько частыми, что долгое время между двумя местами существовало нечто вроде хронической войны, гибли люди.

ИПРСКАЯ аркада под Ньюверком.

Помимо неприятностей, вызванных завистью других городов, в стенах Ипра из года в год продолжались внутренние споры, вытекавшие из вечного соперничества между трудом и капиталом. Там, как и в других фламандских городах, была проведена четкая грань между рабочим, чьими руками фактически ткалось полотно, и торговцами, членами гильдий, которые его продавали. В этих городах, которые содержали армии и заключали мирные договоры, дружбы с которыми добивались князья и государственные деятели, ремесленники, чья промышленность так много способствовала повышению значимости общины, возмущались любым посягательством на их законные права. По закону магистраты Ипра избирались ежегодно, и поскольку в 1361 году этого сделано не было, народ поднял восстание против властей. Толпа ворвалась в Отель-де-Виль, где собрались магистраты. Судебный пристав Жан Деприсенер, полагаясь на свое влияние как местного представителя графа Фландрии, покинул зал совета и попытался успокоить бунтовщиков. На него напали и убили. Затем толпа ворвалась в зал заседаний совета, схватила других магистратов и заперла их на колокольне, где они оставались пленниками несколько дней. Лидеры восстания встретились и решили убить своих заключенных, и этот приговор был приведен в исполнение в отношении бургомистра и двух шерифов, которые были обезглавлены перед зданием Галле в присутствии своих коллег.^[19] Именно такими суровыми действиями свирепая демократия фламандских коммун сохранила свои права.

Однако каждый город стоял сам за себя. Идея управления населением на рыночной площади была общей для всех них, но их разделял исключительно дух коммерческой ревности. Жажда материального процветания снедала их; но у них не было уз союза, и каждый был готов отстаивать свои собственные интересы за счет своих соперников. Поэтому, будь то перед лицом иностранного вторжения или когда политика какого-нибудь

графа приводила к восстанию и гражданской войне, народ Фландрии редко бывал един. "Единство за силу" - девиз современной Бельгии, но в средние века не было могущественной центральной власти, вокруг которой объединялись коммуны. Отсюда зрелище Гента, помогающего английской армии штурмовать крепостные стены Ипра, или гильдейцев Брюгге, опоясывающихся мечами, чтобы нанести удар графу Луи де Маэле по Белым Капюшонам, которые маршировали из Гента. Отсюда постоянные волнения во фламандских городах, ссоры и пролитие крови, зависть торговли к торговле или гавани к гавани, наглость в час триумфа и униженная покорность в час поражения, а также все то зло, которое раздор принес стране. Ни один город не пострадал больше, чем Ипр, от растерянного состояния Фландрии, которое в сочетании с разрушительными последствиями войны и религиозными разногласиями шестнадцатого века превратило его из первого места среди городов Нидерландов в нечто, очень похожее на состояние тихого провинциального городка в отдаленном уголке Англии. Вот на что похож современный Ипр - сонный провинциальный городок с чистыми, ухоженными улицами, унылый и неинтересный, если не считать величественного Суконного зала, который стоит здесь как безмолвный памятник прошлому.

Сноски

[13] На велосипедах, ввозимых в Бельгию, взимается *адвалорная* пошлина в размере 12%.

[14] "Туин" или "tuin" по-фламандски означает закрытое пространство, например, садовый участок.

[15] Мотли, *Расцвет Голландской Республики*, часть ii., глава vi.

[16] Мотли, *Расцвет Голландской республики*, часть ii., глава vi.

[17] Письмо Вобана Лувуа об укреплениях Ипра, 1689; Вереке, стр. 325-357.

[18] Эволюцию Ипра от феодальной башни на острове до превращения в огромную крепость можно проследить по очень интересному сборнику карт и планов, опубликованному М. Вереке в 1858 году в качестве дополнения к его *Военной истории Кипра*. На нем показаны первые оборонительные сооружения, возведенные Вобаном, состояние укреплений между 1794 и 1814 годами и то, что сделали английские инженеры в 1815 году.

[19] Вереке, стр. 41.

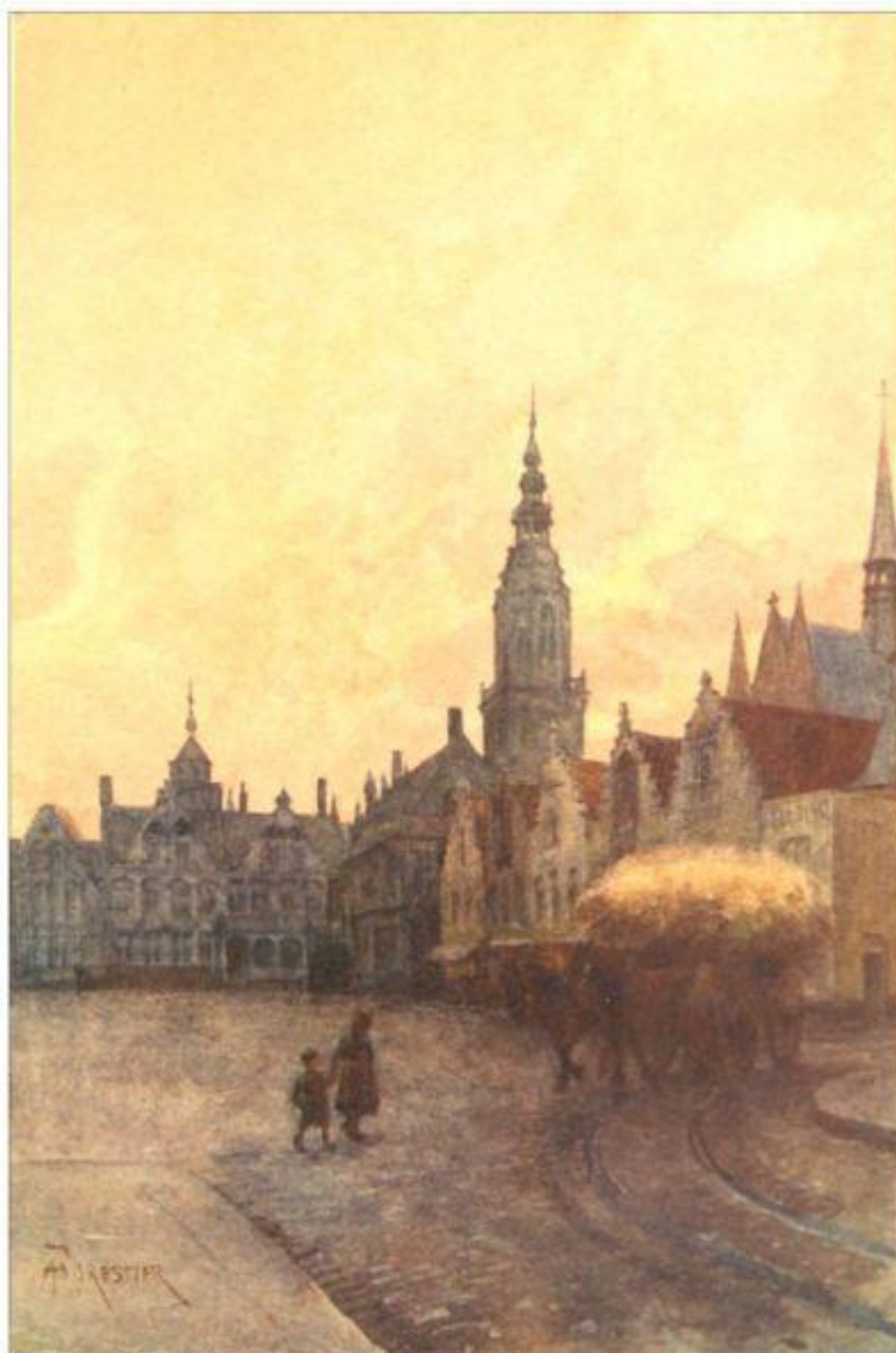
ГЛАВА VIII ФУРНЕС—ШЕСТВИЕ КАЮЩИХСЯ

Путешественник, бродящий по городам и деревням в этом уголке Западной Фландрии, склонен чувствовать, что он совершает своего рода сентиментальное путешествие, переезжая с места на место и повсюду обнаруживая себя окруженным вещами, которые принадлежат скорее прошлому, чем настоящему. Сами путеводители красноречивы, если мы читаем между строк. Это место "раньше имело гораздо большее значение". Оно "раньше славилось своими гобеленами". Из этого отеля "исчезли все многочисленные статуэтки, которыми когда-то было украшено здание". Башня этой церкви оставалась недостроенной последние 500 лет. На всех них могло быть написано "Fuimus". И вот, примерно в двадцати милях к северу от Ипра, на равнине, которая в семнадцатом веке была так усеяна земляными

редутами и изрезана длинными линиями полевых укреплений и рвов, что вся местность между Ипром и Дюнкерком была фактически одним огромным укрепленным лагерем, мы подходим к городу Фурн, еще одному из мест, на которые время наложило свою тяжелую руку.

Ранняя история Фурнеса неясна, хотя обычно предполагается, что он вырос вокруг крепости, возведенной Болдуином Бра-де-Фером для сдерживания набегов норманнов. Он сильно пострадал, как и его соседи, от войн и революций, [\[20\]](#) и сейчас является одним из самых тихих фламандских городов. Рыночная площадь представляет собой небольшую площадь, причудливо живописную, окруженную группами маленьких кирпичных домиков с красными и синими черепичными крышами, низкими ступенчатыми фронтонами и глубокими лепными украшениями вокруг окон. За этими жилыми домами возвышаются смелые парящие контрфорсы церкви Св. Вальбурга, чьи мощи были привезены в Фурнес Юдифью, женой Болдуина Бра-де-Фер, и башня Святого Николая возвышаются на севере и востоке; а вплотную друг к другу в углу к западу расположены темно-серые Ратуша и Дворец правосудия, в зале которых раньше заседали судьи инквизиции.

Площадь ФЕРНЕС
Гранде-Плас и Колокольня.

Хотя некоторые черты являются общими почти для всех фламандских городов — рыночная площадь, колокольня, Ратуша, старинные ворота и церкви с их дорогими сердцу росписями, — все же каждый из них, как правило, вызывает какие-то свои ассоциации. В Брюгге мы

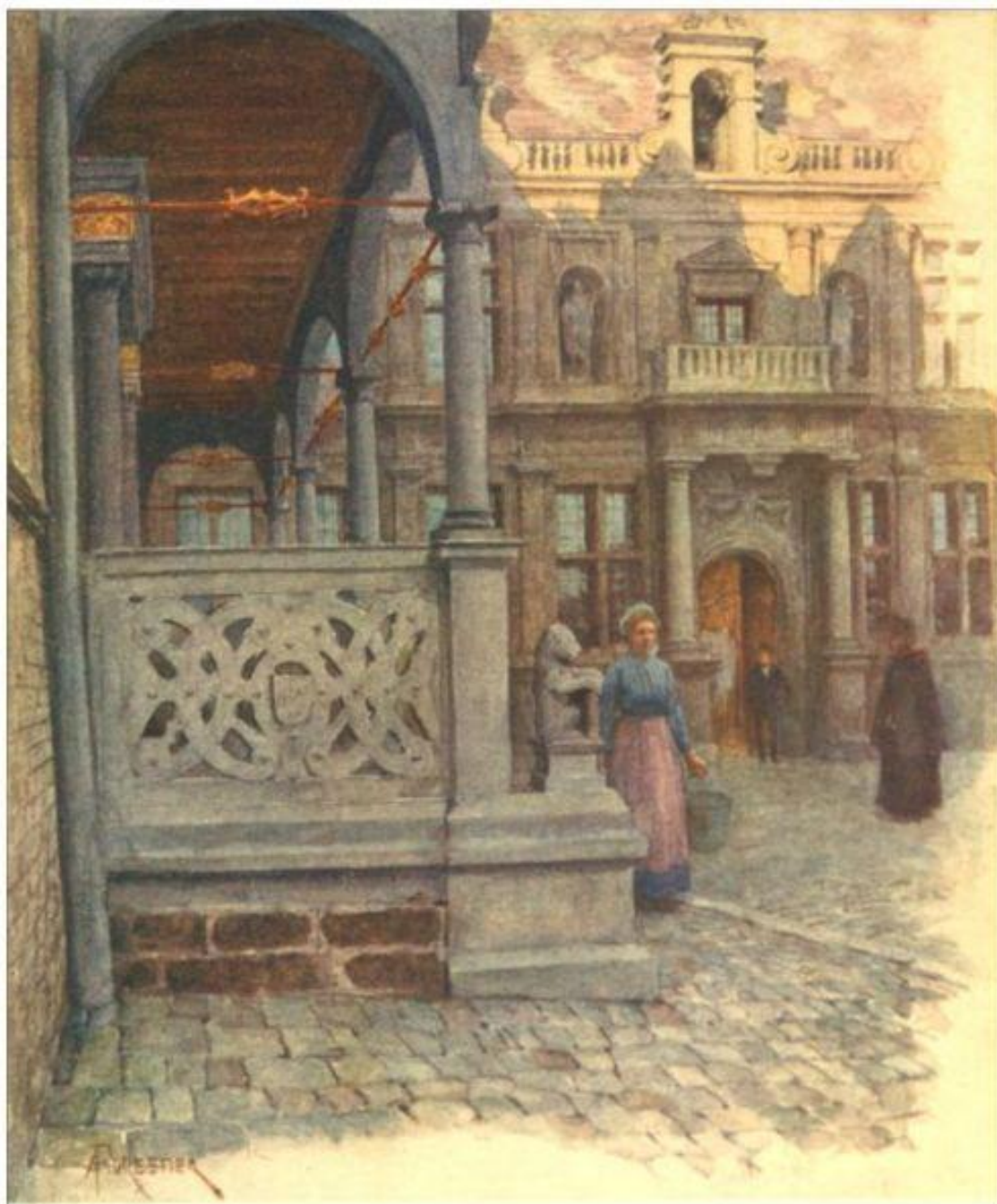
думаем о том, как купцы покупали и продавали, как великолепный город вырос, оделся во все цвета радуги, какое-то время сверкал и погрузился во тьму. На многолюдных улицах современного Гента, оживленной столицы Восточной Фландрии, мы, кажется, мельком видим смелого Жака ван Артевельде, пробивающегося плечом к Пятничному рынку, или буйных бюргеров, собирающихся там, чтобы бросить вызов папе римскому, или графу Фландрскому, или королю Испании. Ипр и его плоские луга наводят на мысль об одной из бесчисленных картин времен фламандских войн, "батальных фигурах", которыми так гордились придворные художники: городские стены со рвом и гласисом перед ними, а внутри них дома с узкими фасадами и флаг, развевающийся на шпиле или колокольне; неуклюжая пушка, выпускающая клубы дыма; король Франции, скачущий на толстом коне и повелительно поднявший жезл на переднем плане; а вдалеке - палатки лагеря, где расположились странствующие солдаты. был устроен театр, музыканты играли на скрипках, а армия слуг прислуживала нарумяненным и напудренным дамам, которые последовали за армией во Фландрию.

Фернес почему-то всегда вспоминает испанский период. Отель де Виль, очень красивый образец стиля Ренессанса, с его редкими портьерами из кордовой кожи и портретами эрцгерцога Альберта и его невесты, инфанты Изабеллы, почти не изменился с тех пор, как был построен вскоре после смерти Филиппа II. Корпус испанского гвардейца и Павильон офицеров Испании на рыночной площади, когда-то служившие штаб-квартирой усатых головорезов, причинивших столько зла Фландрии, теперь используются муниципальным советом города как музей и публичная библиотека; но камни этой маленькой площади часто топтались преследователями со своей охраной и спутниками в те годы, когда инквизитор Петер Тительманн бродил по полям Фландрии, подвергая пыткам и сжигая во имя Католической церкви и по приказу Святой Канцелярии. Просторное помещение, в котором заседал трибунал инквизиции, в наши дни примечательно только своими прекрасными пропорциями и почтенным видом; но, хотя оно было возведено только после того, как испанская ярость иссякла, и в то время, когда были введены более мудрые методы правления, оно напоминает нам о тех днях, когда принципы Торквемады были претворены в жизнь среди фламандцев священниками, более злыми и безжалостными, чем кто-либо другой, кого можно было найти в Испании.

А на рыночной площади люди, должно быть, часто видели ужасную процессию, с помощью которой Церковь стремилась вселить ужас в души людей. Эти публичные оргии клерикальной нетерпимости были подходящим завершением преступлений, которые ранее совершались на закрытом конклаве инквизиторов. Сожжение или удушение еретика не сопровождалось такой помпой в маленьких городках, таких как Фернес, как в крупных центрах, где толпы людей во главе с высшими лицами страны присутствовали, чтобы насладиться зрелищем; но инквизиция Нидерландов, под властью которой Фландрия стонала столько лет, была, как однажды похвастался сам Филипп, "гораздо более безжалостной, чем в Испании".

ФУРНЕЗ

Перистиль ратуши и Дворца правосудия.

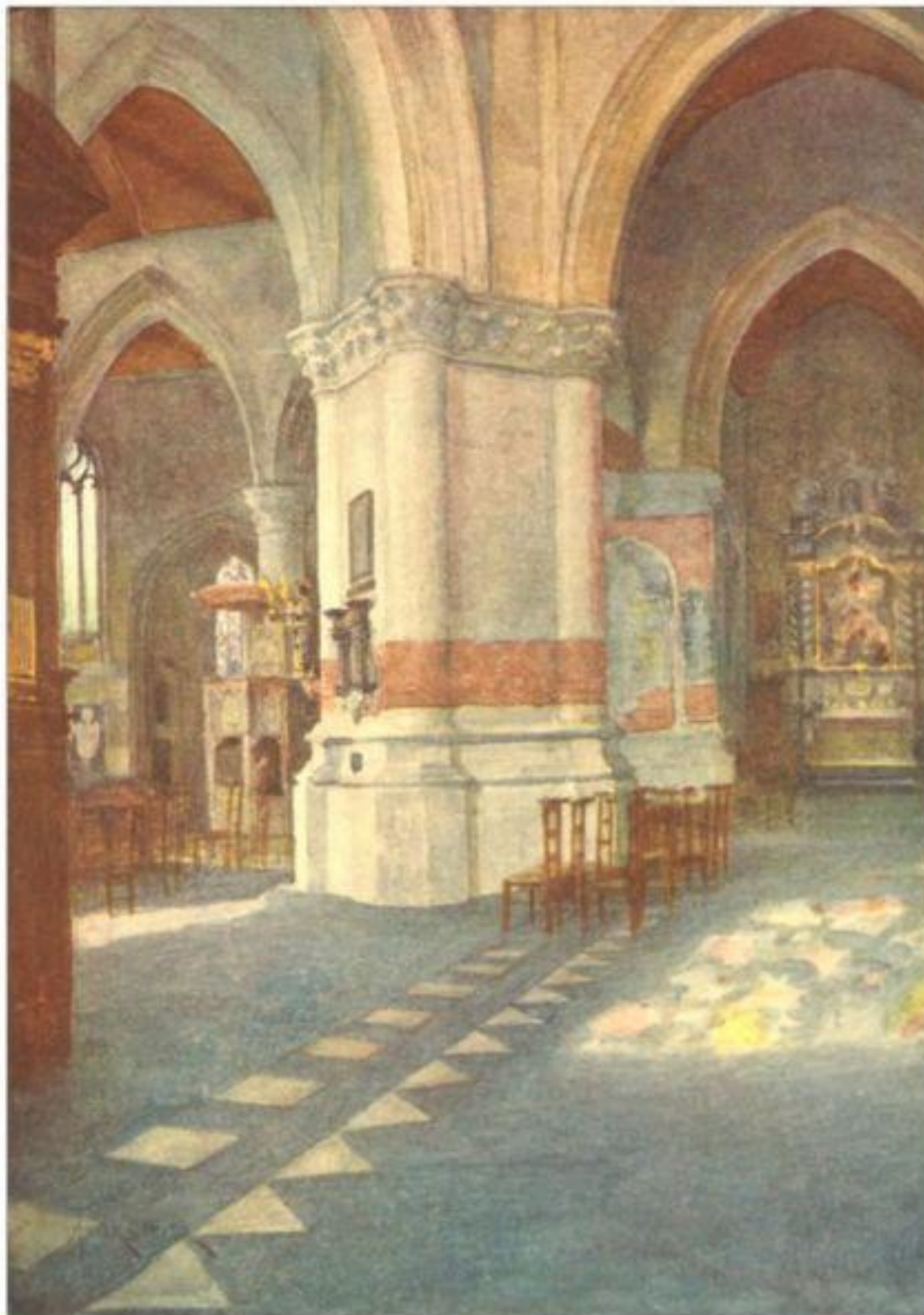

Никогда больше не раздадутся стоны жертв в камере пыток, и толпы людей не соберутся на рыночной площади, чтобы посмотреть на кортеж *аутодафе*; но каждый год знаменитая процессия кающихся, которая проходит в последнее воскресенье июля, привлекает в Фурнес множество незнакомцев.

В Брюгге говорят, что призрак испанского солдата, приговоренного навеки искупать гнусное преступление, совершенное по приказу Святой Канцелярии, разгуливает в полночь по набережной, подобно отцу Гамлета на террасе в Эльсиноре; и суеверные люди вполне могут вообразить, что призрак появляется на рыночной площади Фурнеса летней ночью, когда город готовится к ежегодной церемонии. Происхождение процессии было таково: в 1650 году солдат по имени Маннарт, которому было всего двадцать два года, находясь в гарнизоне Фернеса, пошел Исповедоваться и Причаститься в Часовню капуцинов. После того, как он

получил освященную облатку, один из его товарищей, Матюрен Лежен, убедил его вынуть ее изо рта, завернуть в тряпку и, вернувшись к себе домой, поджарить на огне, пребывая в заблуждении, что, растерев ее в порошок, он сделает себя неуязвимым. Молодой человек был арестован, признал свою вину и сам попросил наказания. Приговоренный к удушению, он выслушал приговор безропотно и пошел на смерть, распевая покаянные псалмы. Вскоре после этого Матюрен Лежен, зачинщик святотатства, был расстрелян за какое-то нарушение воинского долга. Это было расценено как доказательство Божественной справедливости, и горожане решили, что необходимо что-то предпринять, чтобы умиловить гнев Божий, который, как они боялись, обрушится на их город из-за надругательства, совершенного, как они верили, над телом Его Сына. Общество, называющее себя "Братство милосердия Совесть, Распятие и Святая Мать Мария, трувант и душеприказчик Креста Господня на горе Кальвер", было создано несколько лет назад в Фурне, и теперь его члены решили, что Процессия кающихся должна проходить по улицам каждое лето и рассказывать людям историю Страстей Христовых.

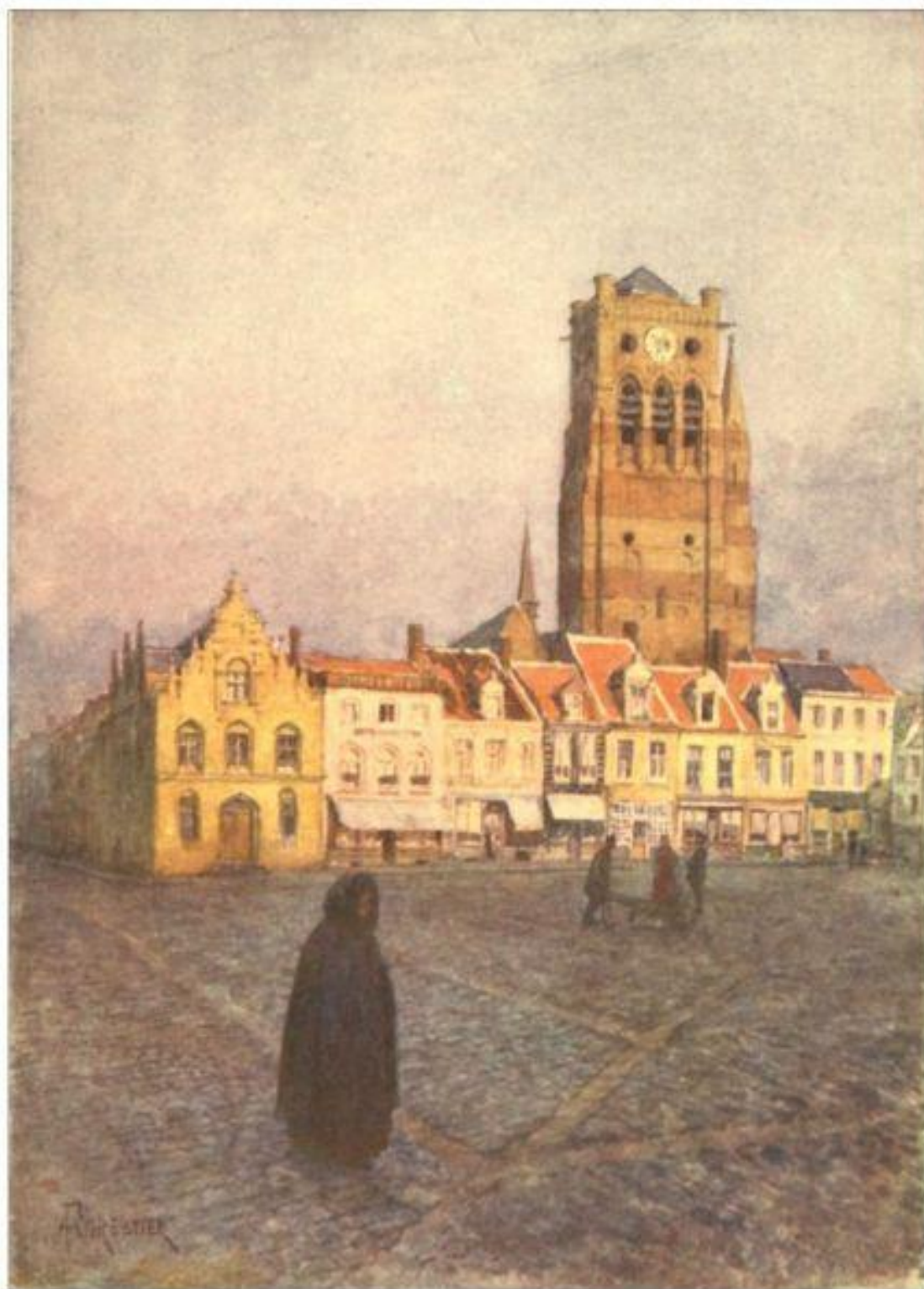
Интерьер церкви НЬЮПОР

Хотя процессия в Фурнесе - дело вчерашнего дня по сравнению с Процессией Святой Крови в Брюгге, она гораздо больше напоминает средневековье. Закутанные в капюшоны лица кающихся, причудливые деревянные фигурки, представляющие библейских персонажей, грубые одежды, безвкусные цвета, необычайно причудливый порядок всего происходящего возвращают нас к монашеским суевериям Темных веков с их мистериями. Лучше всего это

видно из одного из окон Испанского дома или с балкона Ратуши в знойный день, когда небо затянуто черными тучами, над равниной Фландрии грохочет гром, а горячие капли дождя время от времени падают на грязные улицы. Первая фигура, которая появляется, - это кающийся под вуалью, несущий знамя Братства. Затем, одна за другой, появляются группы людей, представляющих различные сцены библейского повествования, перед каждой группой идет кающийся с надписью, объясняющей дальнейшее. Авраам своим мечом ведет Исаака к жертвоприношению на горе Мориа. Кающийся, держащий змею и крест, идет перед Моисеем. Двое кающихся устало тащат повозку, на которой видны Иосиф и Мария, сидящие в конюшне в Вифлееме. За ними следуют четыре пастуха и три Волхва. Затем следует бегство в Египет с Марией на осле, которую ведет Иосиф, с младенцем Христом на руках. Позже мы видим, как храмовые врачи идут в два ряда, споря с молодым Иисусом посреди них. Триумфальный въезд в Иерусалим представлен толпой школьников, размахивающих пальмовыми ветвями и поющих осанну вокруг Иисуса, восседающего на осле. Агония в саду, Петр, отрекающийся от своего Господа и горько плачущий, Иисус, увенчанный терниями, Пилат в зале суда, Спаситель, шатающийся под крестом, само Распятие, Воскресение и Вознесение - все это показано с грубым реализмом Средневековья. Есть кающиеся, несущие тяжелые кресты на плечах или несущие в руках плети, гвозди, шипы, разорванную надвое храмовую завесу, изображение померкшего солнца и другие символы Страстей. В конце, среди факелов, благовоний и торжественного пения, Ведущий выставляется на всеобщее обозрение.

ФУРНЕССКАЯ
башня Святого Николая.

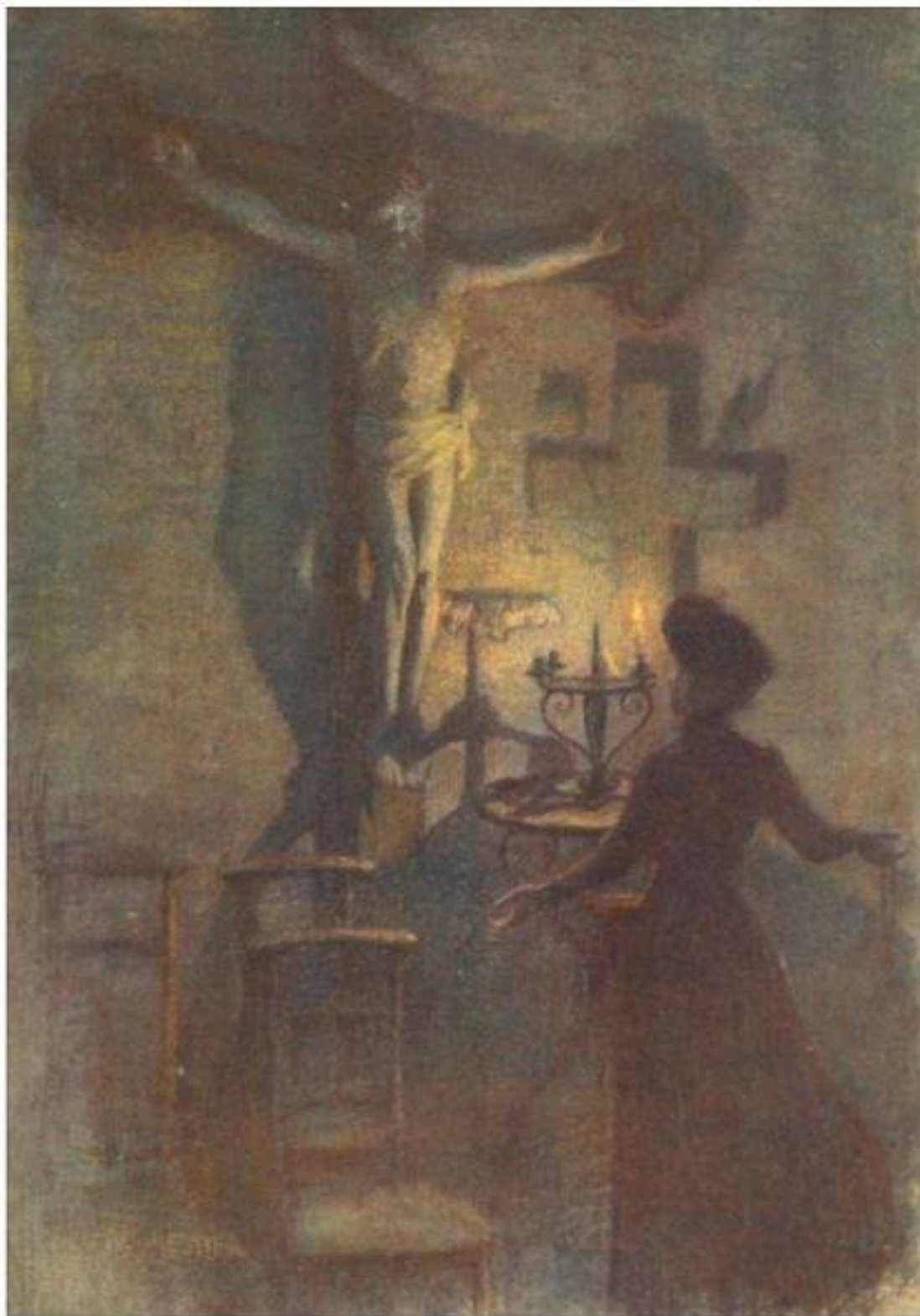

Многое в этом зрелище гротескно и даже смехотворно; но есть и многое ужасно реальное, ибо кающиеся - это не актеры, играющие роли, а все люди, пришедшие в Фурнес с целью покаяния. Они скрыты темно-коричневыми одеждами, которые покрывают их с головы до ног, так что они могут видеть свой путь только через прорези для глаз в капюшонах, скрывающих их лица; но когда они молча проходят мимо, сгибаясь под тяжелыми крестами или протягивая перед собой свитки с такими словами, как "Все , кто видит Меня, смеются

надо Мной", "Они пронзили Мои руки и ступни" или "Посмотри, есть ли какая-нибудь печаль, подобная Моей печали", мелькают нежные белые руки, хватающиеся за твердое дерево крестов, и маленькие, изящные пальцы. изящные босые ступни в грязи. Какие вздохи, какие слезы и тщетные сожаления, какие тайные трагедии страсти, вины, раскаяния не могут быть скрыты среди скорбящей компании, которая совершает свое собственное Виа Долороза в этом скорбном паломничестве по улицам Фурнеса!

ФУРНЕС

В церкви Святой Вальбурги.

Сноски

[20] 'Furnes était devenue un *oppidum*, aux termes d'une charte de 1183, qui avait à se défendre à la fois contre les incursions des étrangers et les attaques d'une population "indocile et cruelle," comme l'appelle l'Abbé de Saint Riquier Hariulf, toujours déchirée par les

ГЛАВА IX НЬЮПОР—БИТВА При ДЮНАХ

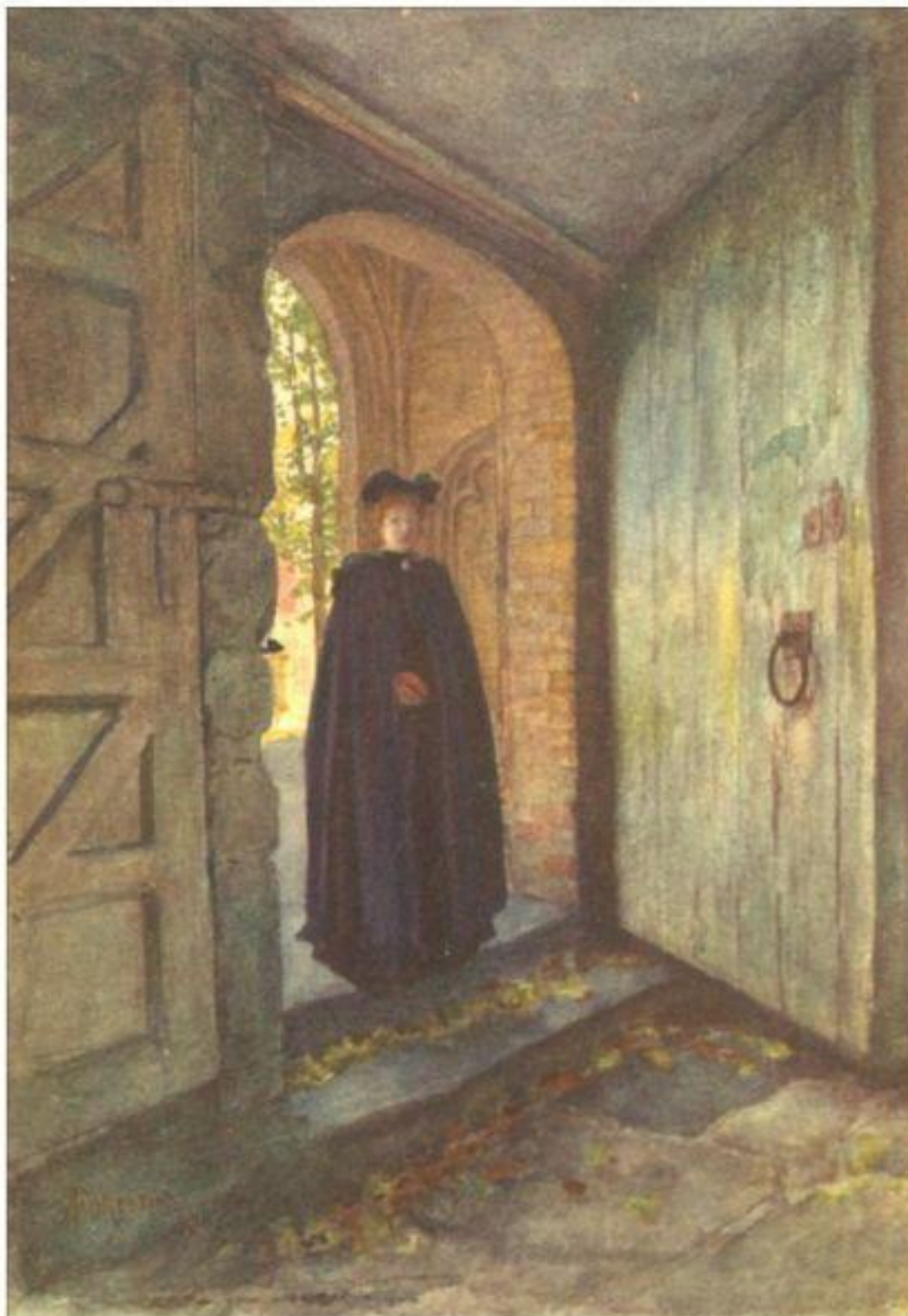
Утром 2 июля 1600 года две армии — испанская под командованием эрцгерцога Альберта и голландская под командованием принца Мориса Нассауского — стояли лицом к лицу среди дюн близ Ньюпора, там, где река Изер впадает в море примерно в десяти милях к западу от Остенде.

В поле к востоку от Ньюпора находится высокая квадратная башня, часть монастыря и церкви, возведенных тамплиерами в середине двенадцатого века, которая, хотя и избежала полного разрушения, была подожжена и почти полностью уничтожена, когда город подвергся нападению и превратился в руины англичан и бюргеров Гента в 1383 году, в год их знаменитой осады Ипра. Сейчас он находится в полуразрушенном состоянии, но в июле 1600 года это была важная часть укреплений, и с вершины часовые испанского гарнизона могли видеть местность со всех сторон на большое расстояние за широким рвом, который тогда окружал мощные стены Ньюпора. В нескольких милях от берега, к юго-западу, посреди равнины Фландрии, стояли дома Фернеса, сгруппированные вокруг башни церкви Святого Николая. На севере широкий пояс песчаных холмов ("дюн"), за которыми простиралось море, простирался далеко за Остенде на востоке и до гавани Дюнкерка на западе. Ближе, на обращенной к суше стороне дюн к востоку, и менее чем в миле друг от друга, находились деревни Вестенде и Ломбердсайд. Поблизости, вокруг Ньюпора, было множество небольших озер и речушек, соединенных с каналом Изер, который, протекая мимо города, расширялся, пока не впадал в море и не превратился в гавань, которая в то утро была полна судов.

Новая глава в истории Западной Фландрии только началась, когда голландцы и испанцы встретились, чтобы убить друг друга среди песка и тростника дюн. Филипп II. предложил уступить Испанские Нидерланды своей дочери, инфанте Изабелле, при условии, что между ней и австрийским эрцгерцогом Альбертом будет заключен брак. После смерти Филиппа II. это предложение было подтверждено его преемником Филиппом III, и свадьба состоялась в апреле 1599 года.

НЬЮПОР

Честный прихожанин.

Альберт и Изабелла оба находились в расцвете сил, эрцгерцогу было сорок, а инфанте тридцать два на момент их женитьбы, и оба обладали характером, превосходно подходящим для высокого положения, к которому они были призваны. В их портретах, которые висят,

очень часто потрепанные и потускневшие, на стенах Ратуши многих фламандских городков, нет ничего особенного королевского или привлекательного; но, даже сделав все возможное для лести современных историков, можно не сомневаться, что их популярность была вполне заслуженной — вполне заслуженной, если хотя бы часть того, что о них говорили, правда. Всегда говорят, что эрцгерцог забрал Филиппа II. как образец поведения, но у него не было ни одного из худших недостатков угрюмого, могущественного деспота, с его ограниченным умом, с его "невероятно маленьким" умом и холодным сердцем, одинаково холодным к человеческим страданиям и человеческой любви, который столько лет держал в своих руках фламандцев, которых он ненавидел. Его серьезный вид и сдержанные привычки, вероятно, приобретенные во время пребывания при испанском дворе, были неприятны веселому и любящему удовольствия народу Фландрии, который предпочел бы принца, более похожего на Карла V. Универсальность позволяла ему приспособливаться к обычаям каждой из различных рас, которыми он правил. Тем не менее, если они и не любили его, то уважали и были благодарны за умеренность и добрые чувства, которыми отличалось его правление и которые подарили их расстроеной стране после тридцати лет гражданской войны период сравнительного спокойствия.

Инфанта Изабелла, *дебютантка*, приветливая, терпимая и благородная сердцем, как ее описывают, завоевала сердца фламандцев, чего никогда не удавалось ее мужу. "Невозможно было найти более поистине королевский двор или более блистательный по своим публичным празднествам, которые иногда напоминают великолепную эпоху Бургундского дома. Изабелла любит деревенскую жизнь. Ее часто можно увидеть верхом на лошади, присутствующей на турнирах, руководящей охотой, летающей на ястребе, принимающей участие в буржуазных забавах, стреляющей из арбалета и забирающей приз. "Прежде всего, ее благотворительная деятельность вызвала любовь людей. Во время войны она открывала госпитали для раненых, как для друзей, так и для врагов, где навещала их, ухаживала за ними и перевязывала их раны собственными руками, с героическим мужеством и нежностью.[\[21\]](#)

Даже при их первом появлении во Фландрии, до того, как их характеры были известны разве что понаслышке, они были приняты с необычайным энтузиазмом. Путешествуя через Влюксембург, они прибыли в Намюр, где их первый визит был приурочен к военному празднику, проводимому под личным наблюдением графа Флорана де Берлаймона. В Нивеле герцог д'Аршо оплатил из своего собственного кошелька расходы на блестящие празднества, на которые стекались жители Брабанта, чтобы поприветствовать своих новых правителей, и сам возглавил процессию в сопровождении архиепископа Малинского и епископа Антверпенского. Так они путешествовали среди сцен всеобщего ликования, пока не прибыли в Брюссель, где основали свой Двор в соответствии с обычаями и церемониями, которые были обычными при герцогах Бургундии и королях Испании.

НЬЮПОР- холл и дом викария.

Но когда эрцгерцоги, как их называли, переходили из города в город в этом Королевском путешествии, призраки войны, мора и голода нависли над землей. Великие города Фландрии были покинуты тысячами своих жителей. Морская торговля страны была разрушена энергичной блокадой, которую голландские военные корабли поддерживали вдоль побережья. Религиозная нетерпимость вынудила самых трудолюбивых из рабочего

класса искать убежища в Голландии или Англии. Деревни лежали в руинах, окруженные неводеланными полями и запущенными садами. Со всех сторон виднелись безмолвные ткацкие станки и пустые склады. До чего же пагубная политика Эскуриала довела эту прекрасную провинцию Испанской империи! Со всех концов Фландрии раздавались призывы к миру, но время для мира еще не пришло.[\[22\]](#)

Новое правление только началось, когда Морис Нассауский внезапно вторгся во Фландрию с большими силами и осадил Ньюпор, гарнизоном которого, усиленным армией, во главе которой эрцгерцог Альберт спешно пересек Фландрию, командовал сам эрцгерцог и многие испанские генералы с большим опытом войн.

Хотя брюссельский двор был застигнут врасплох, голландская армия находилась в очень опасном положении. Часть его располагалась на западном берегу Изера, а часть - на востоке, среди дюн близ Ломбердзиде и Вестенде, и единственным связующим звеном между ними был перекинутый через реку лодочный мост. Их корабли стояли на якоре недалеко от берега; но принц Морис откровенно сказал своим людям, что бесполезно думать о высадке в случае поражения, и что, следовательно, они должны либо выиграть день, либо погибнуть там, ибо испанцы были перед ними под защитой Ньюпора, река разделяла их, море было позади них, и разбитой армии было бы невозможно спастись, отступив через дюны в направлении Остенде.

НЬЮПОР

Набережная с лодками для ловли угрей и пристанями.

Таково было положение дел под стенами Ньюпора на рассвете 2 июля 1600 года. Все утро голландцы провели в подготовке к сражению. Ближе к полудню испанские военачальники провели военный совет, на котором было решено атаковать противника как можно скорее, и около трех часов дня началось сражение. Сильный западный ветер, дувший с Ла-Манша,

бросал тучи песка в глаза испанцам, а яркие лучи послеполуденного солнца, светившие им в лица, когда они шли в атаку, ослепляли и приводили в замешательство. Но, несмотря на эти неудобства, поначалу казалось, что судьба дня складывается в их пользу.

Лодочный мост через Изер был сломан, и некоторые голландские полки, охваченные внезапной паникой, начали отступать к морю; но, обнаружив невозможность добраться до кораблей, они сплотились и снова начали сражаться со всей упорной храбростью своего народа. В течение нескольких часов битва продолжалась с равной храбростью с обеих сторон: испанцы штурмовали батарею, которую голландцы укрепили среди дюн, а голландцы защищали ее так отчаянно, что вокруг нее груды лежали убитые и раненые. Но, наконец, испанская пехота была приведена в замешательство атакой всадников; эрцгерцог Альберт был ранен и вынужден был уйти с фронта, чтобы ему оказали помощь. Принц Морис приказал начать общее наступление всей своей армии, и через несколько минут враг бежал с поля боя, оставив после себя 3000 убитых, 800 пленных и более 100 штандартов. Потери голландской стороны составили около 2000 человек.

Эрцгерцогу Альберту, который сам чудом избежал пленения, удалось благополучно войти в Ньюпор с остатками своей армии. Город оставался в руках испанцев, ибо принц Морис, потратив несколько дней на тщетные попытки захватить его, двинулся со всем своим войском на Остенде, где вскоре после этого началась знаменитая осада, которая должна была продлиться долгих три года и о которой не уставала говорить вся Европа.[\[23\]](#)

НЬЮПОР Ратуша.

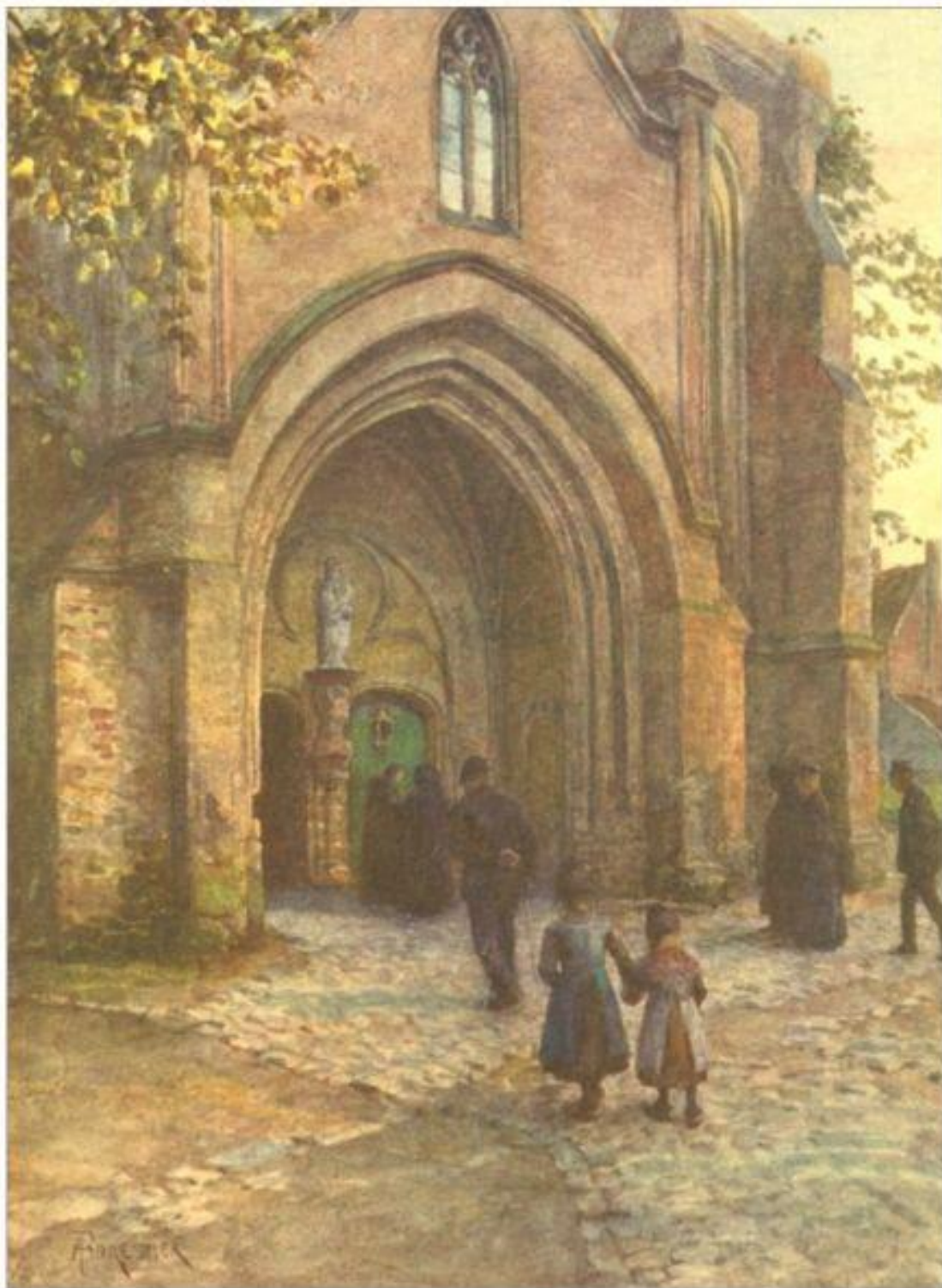
История Ньюпора с тех пор была историей постепенного падения. Его морская торговля медленно, но верно исчезала; рыбная промышленность приходила в упадок; население сокращалось год от года; и он не разделял в сколько-нибудь заметной степени процветания, которое обогатило другие части Фландрии после революции 1830 года. Сейчас это тихое, сонное место со скромными улочками, которые напоминают какую-нибудь рыбацкую деревушку на восточном побережье Шотландии. Мужчины и женщины сидят у дверей, чинят сети или готовят наживку. Лодки с черными корпусами и темно-коричневыми парусами лениво подплывают к пристаням, где пришвартованы несколько небольших судов,

торгующих вдоль побережья. Баржи, тяжело груженные древесиной, с трудом проходят через шлюзы каналов, соединяющих Изер с Остенде и Фурнесом. Древние укрепления давным-давно исчезли, за исключением нескольких поросших травой холмов; и только мрачная башня тамплиеров, одиноко стоящая в поле на окраине города, свидетельствует о том, что это незначительное место когда-то было могущественной твердыней.

Однако в этих старых фламандских городках всегда можно найти что-нибудь живописное; и здесь у нас есть Суконный цех с его низкими арками, выходящими на рыночную площадь, и готическая церковь, одна из крупнейших во Фландрии, с папертью и башней, где звонари бьют в колокола, а люди благоговейно идут на церковную службу. Но это все. В наши дни в Ньюпоре мало достопримечательностей, и он в основном запомнился в истории фламандии тем, что под его стенами произошла кровавая "Битва на дюнах", в которой упрямая сила и упрямство голландцев одержали верх над пламенной доблестью испанцев.

Все они теперь почти забыты, как упрямый голландец, так и доблестный испанец. Среди дюн не осталось и следа от полевых работ, за которые они сражались. Кости, сломанное оружие и разбитые нагрудники, а также все обломки битвы давным-давно были погребены на глубине нескольких саженей под насыпями дрейфующего песка. Старый Ньюпор — Ньюпор Вилль, как они называют его сейчас, — за который было пролито столько крови, пустынен и уныл с его мелкими промыслами и скудной торговлей; но короткая прогулка на север приводит нас в Ньюпор-Бен и к веселой летней жизни, которая пульсирует по всему фламандскому побережью, от Ла-Панна на западе до границ Голландии.

Паперть церкви НЬЮПОР
(вечерняя песня).

Сноски

[21] Де Жерлаш, і. 260.

[22] *Аббатство Намеше*, xxi. 6-8.

[23] 'Le siège d'Ostende fut, pendant ces trois ans, la fable et la nouvelle de l'Europe; on ne se lassait pas d'en parler. Des princes, des étrangers de toutes les nations venaient y assister.'—*L'Abbé Nameche*, xxi. 24.

ГЛАВА X

ПОБЕРЕЖЬЕ ФЛАНДРИИ

Пройти пешком от Ньюпор-Вилля до Диг-де-Мер в Ньюпор-Бене - значит за несколько минут миновать старую Фландрию, родину стольких романтических чувств, арену стольких волнующих деяний, рыночные площади с узкими фронтонами, нагроможденными вокруг них груды, колокольни, устремленные к небу, извилистые улочки и узкие переулки, в которых дома почти соприкасаются друг с другом, полуразрушенные старые гостиницы, торжественные проходы, где мерцают свечи и тусклый красный свет озаряет все вокруг. перед алтарем, из страны Бра-де-Фер, и Тьерри д'Альсаса, и Мемлинка, и Ван Эйка, и Рубенса, страны, которая была одновременно Храмом и Голгофой Европы, в ясный, широкий свет наших дней.

Фламандское побережье, от границ Франции до границ Голландии, повсюду выглядит одинаково. Море набегает и разбивается о желтый пляж, который простирается с востока на запад примерно на семьдесят километров неправильной линией, не прерываемой скалами. Над пляжем возвышаются дюны, длинная гряда песчаных холмов, которым ветер придает всевозможные причудливые формы, на которых не растет ничего, кроме камыша или низкорослых ломбардийских тополей, и которые достигают своей высшей точки, Хоген-Блеккер, примерно в 100 футах над уровнем моря, недалеко от Коксайда, рыбацкой деревушки в четырех-пяти милях от Ньюпорта. За дюнами полоса холмистой местности ("Ter Streep"), редко превышающая милю в ширину, покрытая скудной растительностью, мхом и кустарниками, соединяет бесплодные песчаные холмы с возделанными фермами, зелеными полями и перелесками Фламандской равнины. По другую сторону Ла-Манша меловые утесы и скалистое побережье Англии сдерживали волны; но дюны на протяжении многих долгих лет были единственным барьером против посягательств моря на Фландрию. Однако они являются очень слабой защитой от осенних и зимних штормов. Песок дрейфует, как снег под ветром, и очертания этих миниатюрных горных цепей часто меняются за одну ночь. Когда-то, столетия назад, эта часть Фландрии, которая сейчас такая голая, была, совершенно очевидно, покрыта лесами, остатки которых до сих пор иногда находят под недрами внутри страны и на дне моря. Когда произошли великие перемены, неизвестно, но процесс, вероятно, был постепенным. В ранний период здесь, как и в Голландии, началась борьба с нашествиями с моря, и говорят, что первые дамбы были построены в десятом веке. Первый был известен как Эвендик и пролегал от Хейста до Вендуйна. За ними последовали другие, но их смыло, и теперь от них осталось лишь несколько следов, погребенных под песком и мхом.[24]

ДЮНЫ

Ненастным вечером.

Сильные штормы десятого, одиннадцатого и двенадцатого веков изменили облик побережья Фландрии. Ньюпор поднялся в результате одного из таких природных катаклизмов, когда жители Ломбердзайда, который тогда был морским портом, были загнаны штормами в деревню Сантховен, расположенную в глубине страны, название которой они изменили на "Неопортус" — новая гавань. Это было в начале двенадцатого века, и с тех пор борьба с волнами продолжалась непрерывно. Земли были предоставлены Тьерри д'Альсасе при условии, что владелец построит дамбы, а Балдуин Константинопольский назначил береговых стражей, на которых была возложена обязанность наблюдать за морем и возводить оборонительные сооружения. Но борьба велась с величайшими трудностями. В двенадцатом веке море с непреодолимой силой обрушилось на низменную местность, смыв дюны и поглотив целые города. Набеги волн, проливные дожди и землетрясения сделали жизнь настолько невыносимой, что тысячи людей покинули свои дома и эмигрировали в Германию.

Позже, в XIII веке, произошла катастрофа ужасающих масштабов, давно известная как "Великая буря", когда погибло 40 000 фламандских мужчин и женщин. Это была та же самая буря, которая обрушилась на голландское побережье и образовала Зюйдер-Зее, те 1400 квадратных миль воды, которые голландцы собираются отвоевать и снова превратить в сушу. В следующем столетии город Скарпхаут в Западной Фландрии был разрушен, и жители построили для себя новый город на возвышенности и назвали его Бланкенберге, который сейчас является одним из самых важных мест для водопоя на побережье.

С тех пор продолжается эта постоянная борьба со штормами, и море, по-видимому, обуздано; но любой, кто наблюдал, как Северное море во время прилива в штормовой день бьется о берега Фландрии, и наблюдал, как дюны уступают напору ветра и волн и осыпаются у него на глазах, должен прийти к выводу, что опасность океана еще не предотвращена, и может понять значение великих современных сооружений, *дигез-де-мер*, или морских

фронтов, как их называли бы в Англии, которые были построены на берегу моря. постепенно строятся с такими огромными затратами по всему побережью.

Самым интересным и, действительно, замечательным событием в новейшей истории Нидерландов является быстрое превращение фламандского побережья из песчаной пустоши с то тут, то там жалкими рыбацкими деревушками и двумя-тремя маленькими городками в огромный космополитический увеселительный курорт. Семьдесят пять лет назад, когда Бельгия стала независимой страной и на трон взошел король Леопольд I., Остенде и Ньюпор были единственными городами на побережье, которые имели хоть какой-то размер; но Остенде тогда был небольшим укрепленным местом с гаванью, совершенно непригодной для современной торговли, а Ньюпор, находившийся в состоянии упадка, хотя и обладал гаванью, был местом незначительным. Сегодня все побережье усеяно оживленными водоемами, их около двадцати, большинство из которых появились в течение последних пятнадцати лет, с постоянным населением около 60 000 человек, которое летом увеличивается за счет посетителей до, как говорят, почти 125 000. Дюны, которые старые графы Фландрии так упорно старались уберечь от волн и которые в начале нынешнего столетия были просто песчаными пустошами, своего рода "ничейной землей", практически бесполезной, за исключением охоты на кроликов, теперь являются ценной собственностью, цена на которую растет с каждым годом.

Работа по превращению песка в золото, поскольку именно к этому сводится освоение фламандского побережья, была выполнена частично государством, а частично частными лицами. В прежние времена этот пояс земель на берегу моря принадлежал графам Фландрии, которые рассматривали гряду песчаных холмов выше отметки прилива как естественную защиту от волн и предоставили большие участки плоской земли, лежащей позади, различным религиозным домам. Во время Французской революции эти земли были проданы как церковная собственность по очень низкой цене, и впоследствии покупателям во многих случаях было позволено отказаться от обработки. Была продана столь большая часть района, что в настоящее время лишь небольшая часть дюнных земель является собственностью государства — узкая полоса между Мариакерке и Мидделькерке на западе Остенде и та, что лежит между Остенде и Бланкенберге на востоке. Большие участки, которыми владеют частные владельцы, частично принадлежат потомкам тех, кто купил их во время революции, а частично строительным обществам, созданным с целью развития того, что мистер Холл Кейн однажды назвал "Индустрией посещения", то есть торговли туристами и посетителями побережья.^[25]

СТАРЫЙ ФЕРМЕР

Пляж Вестенд, Ле-Кок и Дуинберген — три очаровательных летних курорта - были созданы строительными обществами. Ньюпор-Бен и Ла-Панн были застроены владельцами прилегающих земель, семьями Кромбез и Калмейн. С другой стороны, Вендуйн, расположенный между Ле-Коком и Бланкенбергом, был создан государством, в то время как управление Бланкенбергом, Хейстом и Мидделькерке, как местами для купания, находится в руках их коммунальных советов.

Вряд ли нужно говорить, что Остенде — "Королевские пляжи" На побережье Фландрии - является самым важным местом, и его расцвет был весьма примечательным. Менее пятидесяти лет назад население составляло в общей сложности около 15 000 человек. За последние пятнадцать лет оно увеличилось почти на 15 000 человек и сейчас составляет около 40 000 в круглых цифрах. Столь же примечательным был рост числа летних посетителей. В 1860 году список приезжих содержал 9700 имен; три года назад в нем было не менее 42 000. Эта плавучая популяция иностранных гостей, приезжающих в Остенде, космополитична до такой степени, какой не встретишь ни на одном водоеме Англии. В 1902 году 11 000 англичан, 8000 французов, 5000 немцев и 2000 американцев помогли увеличить толпы людей, которые гуляли по набережной, посещали роскошные и дорогие отели или оставляли свои деньги за игорными столами в Kursaal. За один день — 15 августа 1902 года - искупались 7 000 человек.[26]

Бланкенберг с его 30 000 летними посетителями занимает второе место по значимости после Остенде, в то время как Гейст и Мидделькерке переполнены в сезон. Но жизнь в этих городах не так приятна, как на небольших водоемах. Отели слишком переполнены, и, как правило, мало что, кроме их дешевизны, позволяет рекомендовать их. Обычно существует орган, называющий себя *комитетом праздников*, члены которого каждое лето в течение двух месяцев посвящают себя разработке всевозможных развлечений, спортивных состязаний и

конкурсов, вместо того чтобы предоставлять людям развлекаться по-своему, так что едва ли проходит день, когда в местном курсале не звучали бы звуки второсортного оркестра, или ночь, которую не оглушал бы звук шарманки, под который толпа танцует на *диг*. Однако в небольших заведениях, хотя там тоже есть свои *фестивальные комитеты*, человек в значительной степени избегает этого неприятного окружения.

Май, июнь и сентябрь - самые приятные месяцы на побережье Фландрии, поскольку посетителей не так много, и даже в середине зимы дюны стоит посетить. Затем отели и виллы с видом на море закрываются, а их окна заколачиваются досками. Купальные машины убирают с пляжа и ставят рядами в каком-нибудь укромном месте. *Диг*, обширное пространство ровной кирпичной кладки, пустынен, и ветер проносится по нему, разбрасывая пену и покрывая песком и брызгами спутанных морских водорослей. Покрытая мхом поверхность дюн замерзла, став твердой, как железо, и часто градины яростными порывами несутся впереди ветра. Лига за лигой здесь нет ни малейших признаков жизни, кроме морских птиц, низко летающих у берега, или кораблей, поднимающихся и опускающихся на волнах далеко в море. В зимние месяцы побережье Фландрии уныло и штормит, но воздух в этих уединенных местах такой же целебный, как и в любой другой части Европы.

В последние годы правительство, представленное графом де Смет де Найером, уделяло много внимания развитию побережья и королю Леопольду II. применил свои выдающиеся деловые таланты в этой области. Бельгийский парламент проголосовал за выделение крупных сумм денег на строительство общественных сооружений и расширение средств связи от места к месту. Существует легкая железная дорога, "Вициналь", которая проходит вдоль всего побережья, на небольшом расстоянии от берега, от Кнокке на востоке до Ла-Панне на крайнем западе, и которая в различных точках соединена с системой государственных железных дорог. От Остенде через Мидделькерке до Пляж-де-Вестенде была построена электрическая железная дорога, расположенная недалеко от пляжа и параллельная Вициналию (который находится примерно в миле от берега), по которой поезда ходят каждые десять минут в летний сезон. В качестве примера скорости и энергии, с которыми выполняются эти работы для удобства населения, после принятия решения о них можно упомянуть, что контракт на участок линии электропередачи между Мидделькерке и Пляж-де-Вестенд, протяженностью около полутора миль, был подписан 9 мая, что пять дней спустя 200 рабочих начали прорубать дюны, насыпать и прокладывать постоянный путь, и что 25 июня, несмотря на несколько перерывов из-за дрейфа песка и проливных дождей, первый поезд регулярного сообщения прибыл на пляж де Вестенд.

ЛА ПАННЕ

Интерьер фламандской гостиницы.

Ежегодно выделяется крупная сумма, составляющая несколько миллионов франков, для защиты берегов Фландрии от посягательств моря путем строительства этих прочных насыпей из кирпича и каменной кладки, которые в течение нескольких лет протянутся непрерывной линией вдоль всего побережья из конца в конец. Возведение этих массивных морских валов требует большого труда и затрат, поскольку то, что кажется неприступной насыпью, возможно, 30 футов высотой и 90 футов шириной, достаточно прочной, чтобы противостоять самым сильным волнам, будет подорвано и развалится на куски через несколько часов, если не будет сделано надлежащим образом. *Рытвина*, какой бы густой она ни была, которая покоится только на песке, долго не протянет. Сначала в качестве фундамента необходимо уложить толстую подстилку из связанных вместе зеленых веток: ее укрепляют столбами, вбитыми через нее в песок. Тяжелые бревна, опирающиеся на пучки связанных вместе веток, вклиниваются в фундамент и наклоняются внутрь и вверх с точностью до нескольких футов от высоты, на которую предполагается возвести *котлован*. На вершине укладывается еще одно прочное ложе из веток, и все это сначала покрывается бетоном, а затем кирпичами или черепицей, в то время как край *котлована* на вершине обращенного к морю склона сложен из тяжелых каменных блоков, скрепленных железными заклепками.

Рытвины, построенные таким образом, все они возвышаются над берегом выше, чем набережная Темзы над рекой, а некоторые из них шире набережной, не пройдет и нескольких лет, как они протянутся вдоль всего побережья Фландрии без перерыва и сформируют не только защиту от приливов, но и огромную ровную набережную с дюнами с одной стороны и морем с другой. Это гигантское начинание, но оно будет завершено при жизни нынешнего поколения.

ЛА ПАННЕ

Фламандская гостиница—Играют в кегли.

Еще одна грандиозная идея, которая уже воплощается в жизнь, состоит в том, чтобы соединить все морские курорты побережья Фландрии большим бульваром шириной 40 ярдов с дорогой для экипажей и пешеходов, трассой для автомобилей и велосипедов и электрической железной дорогой, идущей рядом. Большие участки этой великолепной дороги, которая будет известна как "Королевский маршрут", уже завершены между Бланкенбергом и Остенде, а также от Остенде до Западного пляжа. От Вестенда он будет продолжен до Ньюпор-Бена, пересекая Изер по разводным мостам, а оттуда до Ла-Панна и так далее, петляя по дюнам, через французские границы и, возможно, до самого Парижа!

Однодневное путешествие по району, который должен пересечь этот "Королевский маршрут", проведет путешественника по самой интересной части дюн и познакомит его с большинством излюбленных пляжей побережья Фландрии и, таким образом, даст ему представление о многих характерных фламандских пейзажах. Например, Ла-Панн и Адинкерк на западе и на границе Франции - это деревни, населенные рыбаками, которые построили свои жилища в защищенных местах среди дюн. Низкие белые коттеджи Ла-Панне с веревочками сушеной рыбы, развешанными по стенам, приютились в небольшой долине, от которой это место получило свое название (поскольку *ranne* по-фламандски означает "лощина"), окруженные деревьями и изгородями, летом увитыми дикими розами. Каждый коттедж стоит на своем небольшом участке садовой земли, и у большинства семей есть собственные рыбацкие лодки и фермерское хозяйство, которое поставляет им картофель и другие овощи.

Долгое время эти коттеджи были единственными домами в Ла-Панне, которые редко посещались, за исключением нескольких художников; но около пятнадцати лет назад появились геодезисты и архитекторы, были проложены тропинки и дороги, и, как по волшебству, коттеджи и виллы и неизбежный *диг-де-мер* возникли на дюнах у моря, не очень далеко от первоначальной деревни. Главной особенностью нового Ла Панне является то, что дома, за исключением тех, что расположены на берегу моря, построены на естественных уровнях земли, некоторые из них расположены на вершинах дюн, а другие - в разделяющих их ложбинах. Эффект чрезвычайно живописный, и примеру строителей Ла-Панне следуют в других местах, в частности в Дуинбергене, одной из самых последних купальен, которая выросла за последние три года примерно в миле к востоку от Хейста.

Еще одно очень интересное место - Западный пляж, нынешняя конечная станция электрической железной дороги из Остенде. Старая деревня Вестенд расположена в миле от берега на шоссе между Ньюпором и Остенде, недалеко от места битвы при Дюнах. Этот пляж действительно является образцовым морским курортом с *диг*, который выходит на берег с тончайшим песком и с которого по вечерам видны огни Остенде на востоке и вращающийся маяк Дюнкерка, сияющий далеко на западе. Дома с видом на море, все непохожие друг на друга, выполнены с исключительным вкусом; а за ними находится ряд отдельно стоящих коттеджей и виллах, больших и маленьких, самых разнообразных по дизайну. Десять лет назад на месте этого маленького городка был кроличий садок; теперь все по последнему слову техники: электрическое освещение в каждом доме, идеальная канализация, хорошее водоснабжение, теннисные корты и замечательный отель, где даже случайный прохожий чувствует себя как дома. Хотя это всего в трех четвертях часа езды по железной дороге от шумного, многолюдного Остенде, это одно из самых тихих и комфортабельных мест на побережье Фландрии, до которого путешественники из Англии могут добраться за несколько часов.

Через несколько лет прекрасный, мирный пляж Вестенд, возможно, стал слишком большим, но когда весь песок превратится в золото, а подрядчики и строители разбогатеют, те, кто знал Вестенд в прежние времена, будут думать о нем как о тихом месте, по которому когда-то прогуливалось всего несколько человек; где, возможно, поэт Верхарен нашел что-то вдохновляющее его; где долгие летние вечера проводились в приятных беседах об истории, живописи и музыке в небольшом обществе мужчин и женщин, говоривших по-французски, по-немецки или по-русски. Англичане, как им заблагорассудится, и смеялись, и цитировали, и обменивались идеями по всем предметам под солнцем; где профессор музыки однажды поспорил и вскочил, чтобы доказать свою точку зрения игрой - но это намек, или, как сказал бы мистер Киплинг, "другая история".

Район, в котором расположен Вестенд, с расположенными недалеко друг от друга Ломбердзидом, Ньюпором, Фернесом и Коксайдом, является самым интересным на побережье Фландрии. Ле-Кок, с другой стороны, находится в той части страны дюн, которая представляет наименьший исторический интерес, и в основном известен как место, где находится поле для гольфа Royal Golf Club de Belgique. Он находится всего в двадцати минутах езды от Остенде по Вицинальной железной дороге, рядом с клубом есть специальная станция для игроков в гольф. Здесь нет *перевала*, и дома разбросаны по долине за дюнами. Это место имеет странное сходство со швейцарской деревней.

Несколько лет назад владельцы земель на фламандском побережье начали осознавать тот факт, что существует вид спорта под названием гольф, на который англичане привыкли тратить деньги, и что это было бы дополнением к достопримечательностям Остенде, если бы рядом с ипподромом было поле для гольфа. Король Леопольд, который, как говорят,

намеревался использовать всю землю между окраинами Остенде и Ле-Коком в спортивных целях, заплатил крупную сумму, очень много тысяч франков, из своего собственного кармана, и в Ле-Коке были построены площадки для гольфа. Клубный дом красив и просторен, но, к сожалению, само поле, которое является главным, не очень удовлетворяет, поскольку является слишком искусственным. Естественные "бункеры" были засыпаны и заменены валами и рвами, подобными тем, что есть на некоторых внутренних трассах в Англии. На лужайках для гольфа естественные неровности грунта выровнены, и вся зелень такая же плоская и гладкая, как бильярдные столы. Здесь есть заросли декоративного дерева, цветочные клумбы и искусственные пруды с плавающими в них золотыми рыбками. Все это очень красиво, но вряд ли это гольф. С "Гран-при Остенде", "Призом Роз", "Призом омбрей", "свободным гандикапом", "сервисом для дам", "Гран-при для дам" и рядом других *произведений искусства*, которые выставляются на конкурс почти каждый день с начала июня до конца сентября, это идеальный рай для охотника за травкой и его близкого друга полковника Боги. Настоящий гольф, напряженная игра, требующая терпения и крепких нервов, возможно, больше, чем любая другая игра на свежем воздухе, еще не совсем понятна многим бельгийцам; но сумка с клюшками с каждым годом становится все более распространенной на почтовых судах Дувра.

Большая часть этих сумок для гольфа попадает в Кнокке, где проводят лето многие представители английской колонии в Брюгге и который, по мере того как побережье Фландрии становится все более известным, с каждым годом посещает все большее число путешественников с другого берега Ла-Манша. Кнокке сам по себе является одним из наименее привлекательных мест на фламандском побережье. Старая деревня, представляющая собой скопление невзрачных домиков, расположена на близлежащей железной дороге, примерно в миле от моря, к которому ведет прямая дорога, и где есть *диг*, многочисленные отели, пансионаты и виллы, которые в сезон заполнены до отказа. Воздух, действительно, прекрасен, и с *дига* открываются прекрасные виды на дюны острова Вальхерен, Флашинг и устье Шельды; но это место, очевидно, строилось без определенного плана: дюны были безжалостно выровнены, и в результате получилось несколько неприглядных улочек, и несколько отдельно стоящих домов, стоящих в беспорядке среди окрестностей, из которых давным-давно исчезло все живописное.

Но дюны на востоке широкие и охватывают большое пространство холмистой местности; и здесь есть свои поля для гольфа и спорта Bruges Golf and Sports Club, которые представляют собой полный контраст с бельгийским полем в Ле-Коке. Звенья в Кноке, пусть и несколько грубоватые и готовые, безусловно, спортивные в высшей степени. Некоторые лунки, те, что расположены в так называемой Зеленой долине, довольно безликие; но на других участках трассы есть многочисленные природные преграды, бункеры и холмы, густо поросшие песком и камышом. Оно не претендует на звание "первоклассного" поля (во-первых, оно слишком короткое), но при устройстве восемнадцати лунок грунт был использован наилучшим образом, и королевская и старинная игра процветает в Кноке больше, чем в любом другом месте Бельгии. Владельцы земли и владельцы отелей, знающие толк в бизнесе и знающие, что только гольф привлекает англичан, с которых они собирают золотой урожай, в Кноке, делают все, что в их силах, чтобы поощрять игру, и вполне возможно, что вскоре вдоль побережья будут налажены другие связи. Почва полосы за дюнами не так подходит для игры в гольф, как плотный газон Сент-Эндрюса, Северного Бервика или Прествика, поскольку во многих местах она состоит из песка с небольшим налетом мха; но при надлежащей обработке ее, вероятно, можно улучшить и укрепить. Это всего лишь вопрос денег, и деньги, безусловно, появятся, если правительство, коммуны и частные владельцы однажды увидят, что эта форма развлечения повысит популярность побережья.

Прогулка в миле к западу от Кнокке приведет нас к Дуинбергену, одному из новейших фламандских *пляжей*, основанному в 1901 году Анонимным обществом Дуинбергена, компанией, акциями которой, как говорят, владеют некоторые члены королевской семьи. На Кнокке и других старых водоемах все было принесено в жертву стремлению быстро заработать деньги на каждом доступном квадратном дюйме песка, и первое, что было сделано, - это уничтожить дюны. Но в Дуинбергене последовали хорошему примеру основателей La Panne и усовершенствовали его, и ничто не могло быть более *шикарным*, чем это очаровательное местечко, спроектированное герром Штюббенем из Кельна, архитектором, которого часто нанимал король Бельгии, чья идея заключалась в создании небольшого города-сада среди дюн. Дюны были тщательно сохранены; дороги и тропинки огибают их; большинство вилл и коттеджей были возведены в местах, откуда открывается вид на море; и даже *диг* был построен по кривой, чтобы избежать прямой линии, которая склонна придавать вид монотонности рядам вилл, какими бы живописными они ни были сами по себе, которые в других местах обращены к морю. Внешний вид домов настолько артистичен, что архитекторы используют термин "Стиль Дуинберген" для его описания. Электрическое освещение, обильный запас воды, поднимающейся под действием силы тяжести к самым высоким домам, и полноценная система дренажа дополняют роскошь и комфорт этого *пляжа*, который является одной из лучших иллюстраций чудес, сотворенных среди дюн тем духом предприимчивости, который так много сделал для современной Фландрии за последние несколько лет.

Сноски

[24] Бортье, *Фландрское побережье в IX^{веке} и в XIXe Siècles*.

[25] Письмо Мэнской лиге реформ, ноябрь 1903г.

[26] Я привожу эти цифры со ссылкой на м. Поля Отле, адвоката из Брюсселя, которому я обязан большим количеством информации о развитии побережья Фландрии. Смотрите также статью М. Отле в "*Le Kottedj*", с 15 мая по 15 июня 1904 г.

ГЛАВА XI КОКСАЙД —ПЕЙЗАЖ ДЮН

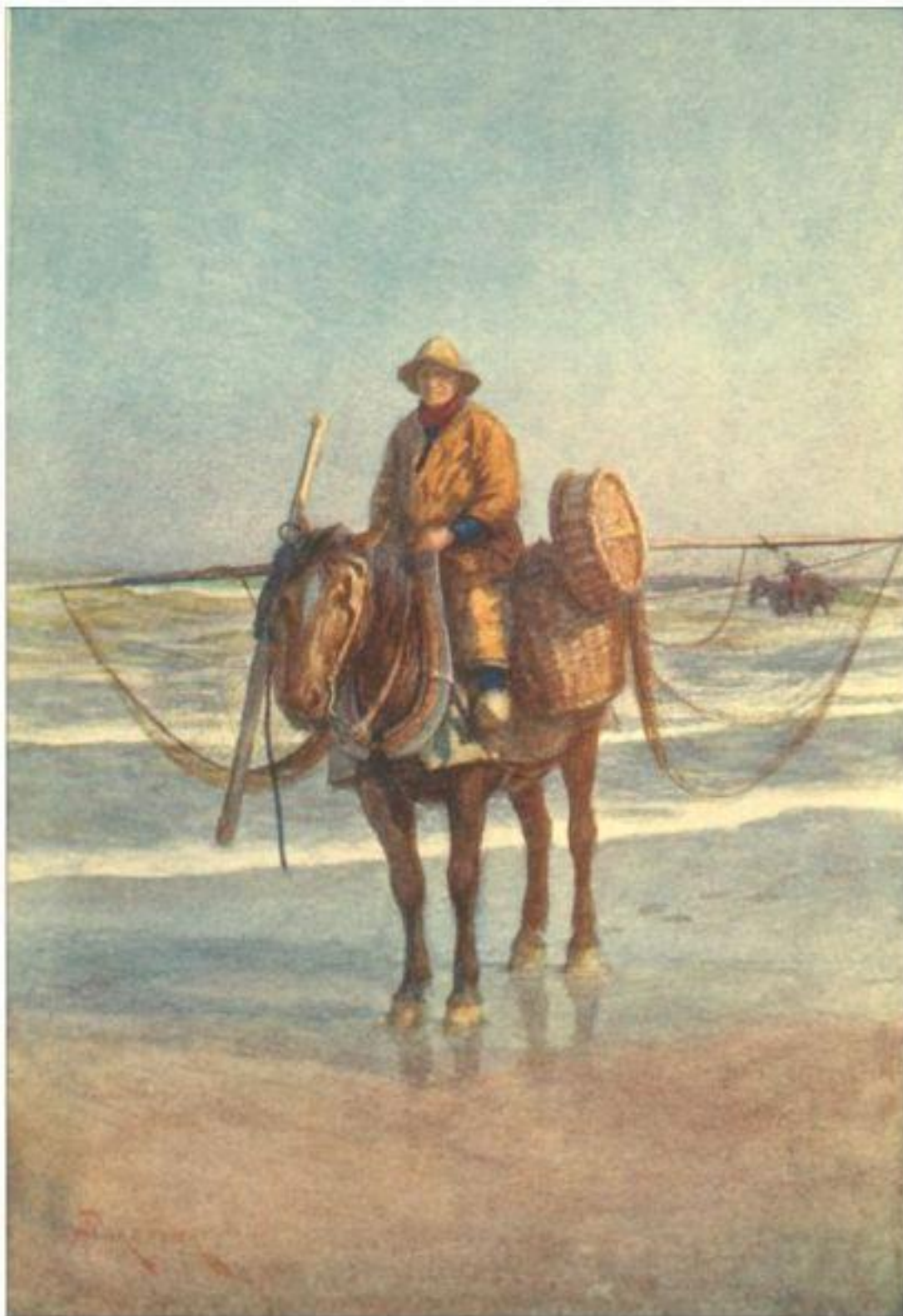
Вся береговая линия находится в пределах провинции Западная Фландрия, и ее развитие в последние годы является самым поразительным фактом в современной истории той части Бельгии, которой посвящена эта книга. Перемены, произошедшие на побережье за последние пятнадцать или двадцать лет, необычайны, и контраст между старой Фландрией и новой, между Фландрией, которая осталась в прошлом, и Фландрией, которая идет в ногу со временем, ярко предстает перед нами благодаря разнице между такими средневековыми городами, как Брюгге, Фурнес или Ньюпор, и яркими новыми местами, которые сверкают на песчаных берегах фламандского побережья. Но почти в каждом уголке дюн, рядом с этими признаками современного прогресса, есть что-то, напоминающее нам о той прошлой истории, которая, в конце концов, является величайшим очарованием Фландрии. Одним из наиболее характерных мест в стране дюн является деревня Коксайд, которая расположена низко среди песчаных холмов, примерно в пяти милях к западу от Ньюпорта, вдали от моря, но населена расой рыбаков, которые, как ни странно, преследуют свое призвание верхом на лошадях. Верхом на своих маленьких лошадаках, с корзинами и сетями, привязанными к

длинным шестам, они отправляются в море ловить мелкую рыбу и креветок. Странно видеть, как они скачут по воде, иногда группами, но чаще поодиночке или парами; и этот любопытный обычай, передававшийся из поколения в поколение от отца к сыну, характерен для той части побережья, которая лежит между Ла-Паном и границами Франции.

Недалеко от Коксайда, на углу, где дорога из Фурнеса поворачивает в сторону Ла-Панне, есть участок пустыря, который проезжающие по Близлежащей железной дороге проезжают незамеченными. Но когда-то здесь стояло знаменитое аббатство Дюн.

КОКСАЙД

Ловец креветок верхом.

В первые годы XII века благочестивый отшельник по имени Лайгер поселился в этих уединенных краях, построил себе жилище и поселился, чтобы провести свою жизнь в добрых делах и религиозной практике. Вскоре, когда вокруг него собрались другие люди, его

жилище превратилось в монастырь, и, наконец, в 1122 году было основано аббатство Дюн. Прошло почти полвека, прежде чем великое здание, которое, как говорят, было первым сооружением такого размера, построенным из кирпича во Фландрии, было завершено; но когда, наконец, работа была завершена, аббатство, по общему мнению, было одним из самых великолепных религиозных обителей во Фландрии, состоящим из группы зданий с не менее чем 105 окнами, богатой и великолепной церкви, настолько известной своей резьбой по дереву, что резьба на стойлах была воспроизведена в отдаленном аббатстве Мелроуз в Шотландии, и библиотеки, которая со временем превратилась в хранилище драгоценных рукописей и сотен книг. из тех чудесно иллюстрированных требников, над которыми средневековые монахи тратили так много кропотливых часов. Мы можем представить, как они часами сидят в камерах Коксайда, переписывая или склоняясь над изысканно раскрашенными рисунками, которые до сих пор хранятся в музеях Фландрии.

Но самая полезная работа была проделана ими на землях, лежавших вокруг аббатства. В XIII веке в Коксайте одновременно проживало не менее 150 монахов и 248 новообращенных, которые занимались возделыванием земли.^[27] Они осушили болота и посадили семена там, где они могли прорасти, пока после многих лет тяжелого труда на бесплодной земле Аббатство Дюн не оказалось окружено широкими полями, которые были восстановлены и превратились в плодородный оазис посреди этой дикой и негостеприимной пустыни.

Когда святой Бернард проповедовал Крестовый поход во Фландрии, он приехал в Коксайд. По его совету монахи приняли орден цистерцианцев, и их первый аббат при новом правлении впоследствии сел на кафедру самого святого Бернара в качестве аббата Клерво. Впоследствии цистерцианское аббатство Дюн приобрело известность, особенно при правлении святого Идесбалдуса, который приехал туда из Фурнеса, где он был каноником церкви Св. Вальбург. "Он также представляет особый интерес для англичан. Долгое время он владел землями на острове Шеппи, а также адвозоном церкви Истчерч на том же острове. Они были пожалованы ему Ричардом Львиное Сердце. Легенда гласит, что эти подарки были сделаны в награду шестому настоятелю монастыря Элиасу за помощь, которую он оказал в освобождении Ричарда из плена. Так или иначе, королевские грамоты и взносы архиепископа Кентерберийского, а также булла папы Целестина III подтвердили за аббатством его английские владения и привилегии. Аббатство, похоже, извлекло из них мало пользы и, в конце концов, по решению генеральной конгрегации Цистерцианского ордена передало их аббату и капитулу Бексли, чтобы возместить последнему расходы на прием монахов Ордена, выезжающих за границу или возвращающихся с Континента по делам Ордена."^[28]

КОКСАЙД С креветками

Английское вторжение пятнадцатого века уничтожило работу монахов на их полях и садах, но само аббатство было пощажено; и великая катастрофа произошла лишь столетие спустя, когда разрушители образов, начавшие свою работу среди готических арок Антверпена, распространились по Западной Фландрии и обрушились на Коксайд. Аббатство подверглось нападению, и монахи бежали в Брюгге, унося с собой многие из своих сокровищ, которые до

сих пор можно увидеть в коллекции на набережной Потери, за мостом, который называется Мост Дюн. Благородное здание, так долго служившее обителью стольких набожных людей и ученых, из которого столько поколений апостолов вышли трудиться на полях и служить бедным, было заброшено и превращено в руины, пока, наконец, оно постепенно не пришло в полный упадок и не было погребено под песками. Теперь от этого не осталось и следа. В истории есть еще несколько жалостливых проповедей о тщете всех трудов человеческих.

Рыбаки на побережье Фландрии с незапамятных времен приносили свои обеты в час опасности в Нотр-Дам-де-Ломбердзид. Если они спасаются от какой-нибудь дикой бури, то отправляются в паломничество благодарения. Они идут в совершенном молчании по дороге к святилищу, ибо не должны произносить ни слова, пока не достигнут его; и этих отважных моряков можно увидеть преклонившими колени перед алтарем старой, побитой непогодой церкви, которая стоит на южной стороне шоссе, проходящего через деревню, и в которой деревянные модели кораблей подвешены в качестве жертвоприношений перед образом Пресвятой Девы, являющимся объектом особого почитания. Мадонна Ломбердзидская не смогла удержать море от вторжения в деревню в то время, когда жителей согнали в Ньюпор, но вера в ее чудодейственную силу сегодня так же сильна, как и в Темные века.

Деревня АДИНКЕРКЕ и канал.

Отсюда открывается вид на Ломбердзид, который не должен пропустить ни один прогуливающийся по дюнам близ Ньюпора — идеальная картина, столь же типичная для здешних пейзажей, как любой пейзаж, выбранный Хоббемой или Рейсдалем. Дамба, идущая

прямо между двумя высокими дюнами голого песка и окаймленная чахлыми деревьями, образует длинную панораму, в конце которой появляется Ломбердзиде — группа домов с красными крышами, узкими фронтонами и белыми стенами, а посередине - остроконечный шпиль церкви, за которым вдаль простирается ровная равнина Фландрии, усеянная другими деревнями, церквями и деревьями, расположенными ровными рядами, пока не сливается с горизонтом. Адинкерке, живописная деревня за Фурнесом, — еще одно место, которое вызывает в памяти картины многих фламандских художников в Музее Антверпена и Маурицхейсе в Гааге; и углубления страны дюн, в которых скрыты эти места, обладают удивительным очарованием - неправильные очертания дюн, одни высокие, другие низкие, погружающиеся здесь в глубокие впадины с твердым песком и поднимающиеся там в странные фантастические формы, иногда со сторонами, похожими на небольшие пропасти, на которых ничего не может расти, а иногда плавно спускающиеся вниз и покрытые дрожащей растительностью. тополя, беспорядочно раскинувшиеся со всех сторон. Часто вблизи берега песчаный барьер разрушался ветром или волнами, и образовывался длинный овраг, который глубоко врежется в дюны и по которому песок уносится вглубь материка, пока не достигает крутого берега, поросшего камышом, на который он насыпается и так, поднимаясь выше во время штормов каждой зимы, образует еще одну дюну. Этот процесс продолжается уже целую вечность. Пески постоянно меняются, но в защищенных местах начинает расти мох; те дикие цветы, которые могут там цвести, распускаются и увядают; тополя сбрасывают свои листья и незаметно питают волокна мха; некоторые выносливые травы пускают корни; и наконец появляется скудная зеленая растительность. Таким образом, постепенно, в микромире дюн, из изменчивых песков возникли места, пригодные для жизни людей, и до сих пор вдоль полосы, ограждающей побережье Фландрии, есть зеленые поляны, усыпанные цветами, и тенистые лощины, и сады, защищенные от ветра, участки пастбищ, коттеджи и церкви, которые, кажется, вырастают из ландшафта, их окраска так гармонирует с окраской, которая их окружает. И всегда, совсем рядом, море накатывает и обрушивается на берег. "Приди к этим желтым пескам", и когда солнце садится, отбрасывая на воду длинную полосу полированного золота, на фоне которой, возможно, на мгновение темнеет парус какой-нибудь лодки, а затем исчезает, небо сияет таким прекрасным, нежным светом, что тем, кто наблюдает за ним, приходится задержаться, пока не рассеются сумерки, прежде чем они обратят свои взоры в глубь материка. Немногие вечера могут сравниться по красоте с летним вечером на берегах Фландрии.

Сноски

[27] Дероде, *История религии морской Фландрии*, стр. 86.

[28] Робинсон, *Брюгге, исторический очерк*, стр. 176.

ВОСТОЧНАЯ ФЛАНДРИЯ И БРАБАНТ

ВОСТОЧНАЯ ФЛАНДРИЯ И БРАБАНТ

ГЛАВА XII ГЕНТ

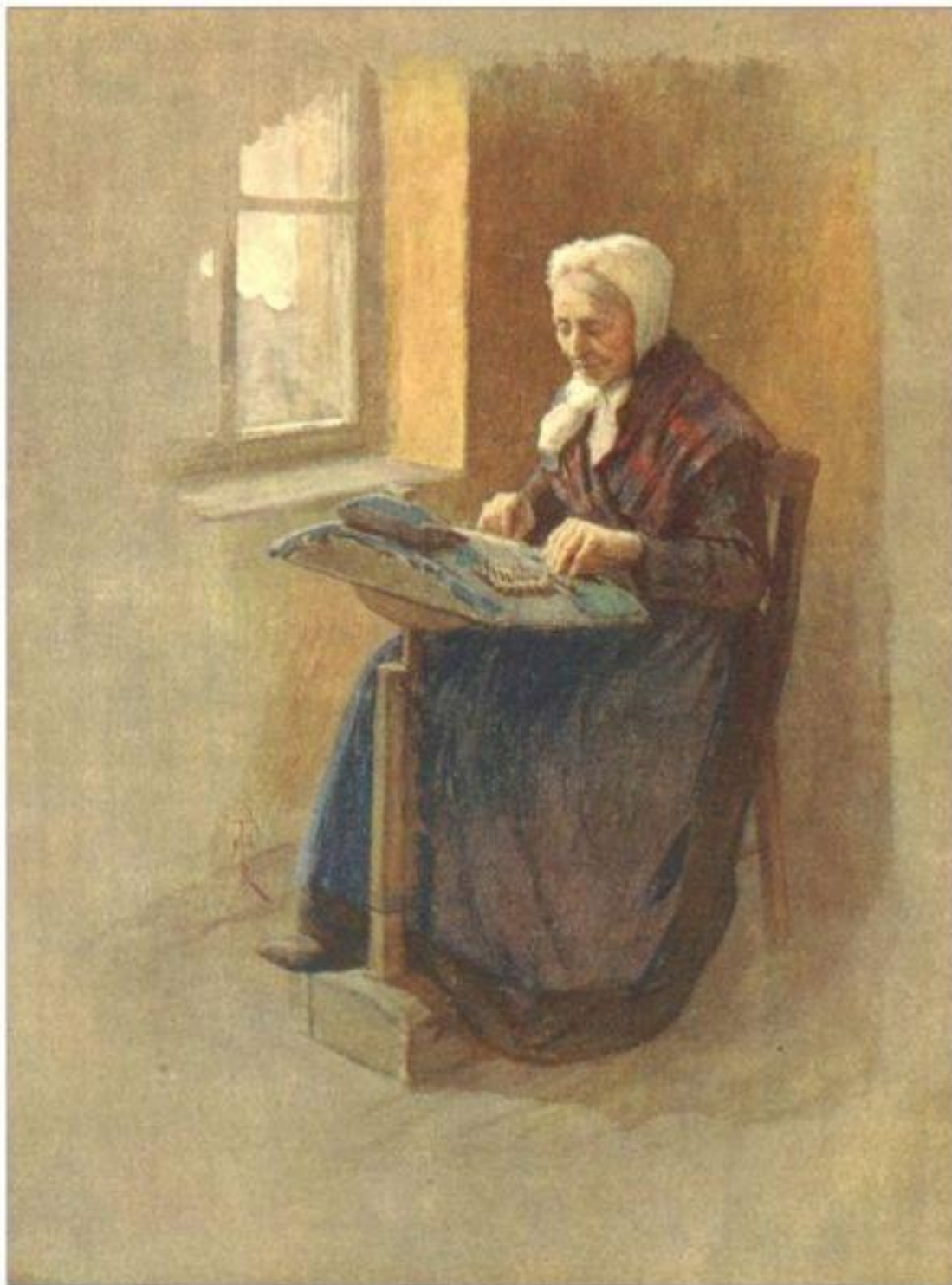
От Брюгге, столицы Западной Фландрии, до Гента, столицы Восточной Фландрии, всего полчаса езды по железной дороге, но контраст между ними разительный. Брюгге - город мертвых, натюрмортов, застойных вод, обветшалых стен и унылых улиц, давно утративший свое высокое положение и пришедший в полный упадок. Гент, с другой стороны, активный, шумный, процветающий город. Узкие переулки и мрачные дворы средневековья во многих частях были снесены, чтобы освободить место для широких, хорошо освещенных улиц и площадей, по которым в течение всего дня непрерывно курсируют электрические трамваи, переполненные занятыми людьми. Брюгге известен как "La Morte". Гент часто называют "La Ville de Flore" из-за многочисленных садов и оранжерей, которые поставляют растения на рынки Франции, Германии, Америки и других стран. Процветают и другие отрасли промышленности. Торговля льном, полотняными изделиями, изделиями из кожи, двигателями и кружевами велика и процветает. Здесь есть склады, битком набитые товарами, ожидающими отправки по каналу или железной дороге, и склады, заваленные дровами из Северной Америки или мешками с портландцементом из Англии.

Два больших канала, один из которых соединяет город с устьем Шельды у моря, а другой ведет через Брюгге в Остенде, пропускают торговые суда и огромные баржи в просторную гавань, где всю работу выполняют паровые краны и все оборудование оживленного морского порта. В Брюгге никогда не бывает многолюдно, за исключением ежегодного Шествия Святой Крови; но каждый день в Генте, если случайно поднимают подъемный мост через один из каналов, собирается толпа рабочих, которые нетерпеливо ждут, пока медленно проплывет какая-нибудь тяжело груженная баржа, и, как только проход становится свободным, спешно устремляются туда. Это фламандцы, которые спешат. В Брюгге их никогда не увидишь.

Таким образом, Гент - современный торговый город; но, несмотря на все изменения, вызванные временем и прогрессом, он, как и большинство других фламандских городов, полон достопримечательностей, которые на мгновение переносят нас в далекое прошлое.

ГЕНТ

,старая кружевница.

Реки Лис и Шельда, пересекающие Бельгию с запада на восток, встречаются почти в центре провинции Восточная Фландрия; и в том месте, где они соединяются, ряд островов образован многочисленными протоками, заводями и заводями, которые соединяются с двумя реками. В прежние времена, без сомнения, это место было не чем иным, как болотом, и на одном из участков более сухой земли были возведены первые деревянные дома Гента. После этого, в течение столетий, город распространялся от острова к острову, и по мере

заселения каждого острова строился мост, так что постепенно между двадцатью и тридцатью островами, соединенными рядом мостов, появились жилые дома и общественные здания, и все они были окружены стеной и рвом.

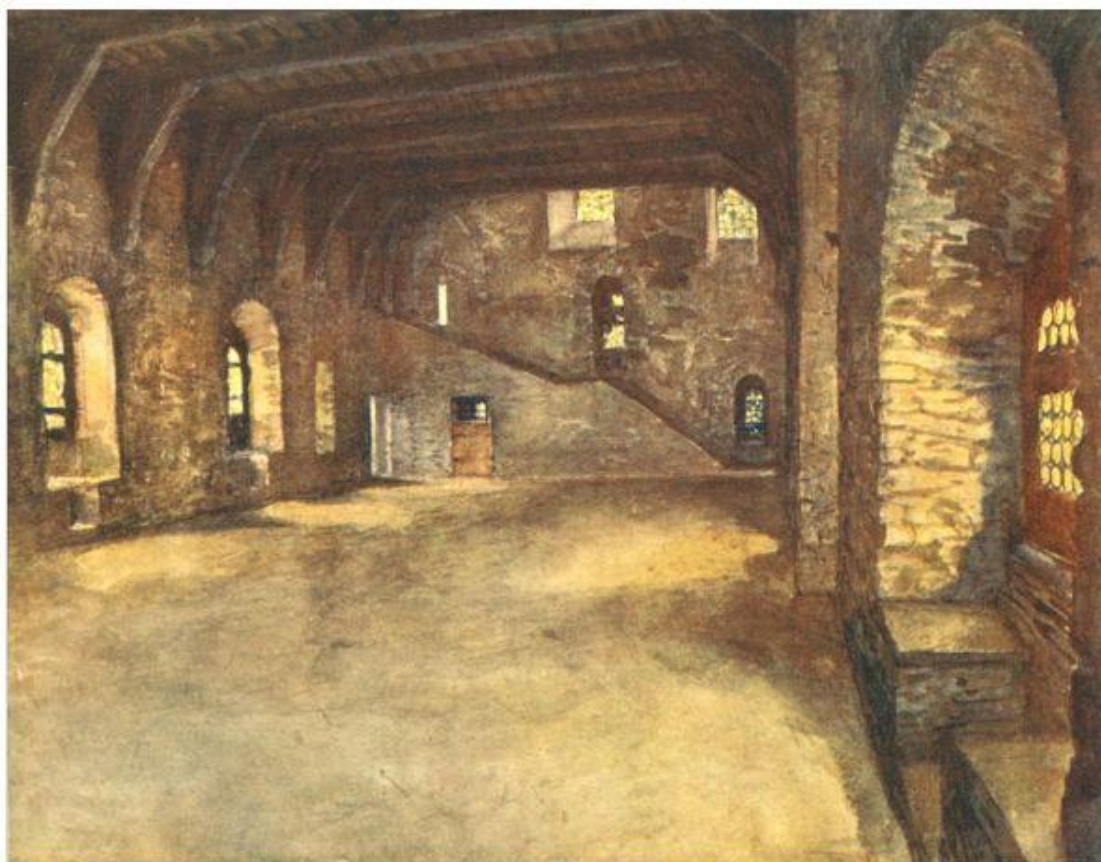
Но задолго до того, как здания из кирпича или камня заменили темные деревянные дома, от которых сейчас сохранился только один, жители Гента приобрели репутацию самых несговорчивых из всех фламандцев; и когда Филипп Эльзасский, граф Фландрии, вернулся из Святой Земли в конце XII века, он возвел на месте старой крепости, которую Болдуин Брас-де-Фер построил 200 лет назад, прочный замок с целью внушить горожанам благоговейный страх.

На левом берегу Лиса, который, проходя через центр города, проходит совсем близко под подвалами домов, находится площадь Св. Фаральд с его живописными зданиями средневековья; а на северной стороне этого места возвышаются массивные остатки старой крепости.

Это мрачное, неприступное место, ныне известное как Замок графов. С трех сторон высокие черные стены поднимаются прямо из воды, а с четвертой стороны глубокая арка ведет в большой внутренний двор, в середине которого находится донжон, датируемый, как говорят, девятым веком. Там есть огромный, полутемный банкетный зал с огромным камином и маленькими окнами с каменными сиденьями, утопленными глубоко в стенах, где сидит король Эдуард III. король Англии и королева Филиппа пировали с Жаком ван Артевельде в 1339 году, во время войны с Францией. Темные узкие лестницы ведут с этажа на этаж в пределах толщины стен или поднимаются в башенки, прорезанные маленькими окнами площадью в несколько квадратных дюймов. Глубоко в фундаменте находятся мрачные темницы и камеры пыток; а в одном углу того, что предположительно было тюрьмой, находится окованный железом сундук, полный скелетов людей, пострадавших во время религиозных беспорядков шестнадцатого века. Это мрачное место, некогда обитель такой жестокости, является одной из самых интересных достопримечательностей Гента.

GHENT

The Banquet Hall, Château des Comtes.

Карл V. родился в Генте, во дворе принцев, великолепном дворце, от которого сейчас не осталось ничего, кроме единственных ворот. Джон Гонтский (или Гентский) тоже родился здесь. Здесь состоялась женитьба эрцгерцога Максимилиана на Марии Бургундской, которая передала Нидерланды Австрийскому дому. И здесь, в картезианском монастыре на улице Шартре, в комнате, которая сейчас является одной из столовых, лорд Гамбье в качестве посла Георга III подписал в канун Рождества 1814 года статьи мира, положившие конец войне между Великобританией и Соединенными Штатами Америки.

Однако повсюду во Фландрии главное связующее звено между прошлым и настоящим находится в Ратуше, центре общественной жизни; и во всех Нидерландах, за исключением Брюсселя, было бы трудно найти более великолепный образец готической архитектуры, чем северная сторона ратуши в Генте.

Внутри, на стенах большого зала, Salle des États, находится табличка в память о знаменитом "Умиротворении Гента", подписанном здесь в 1576 году, когда лидеры Голландии и католических Нидерландов объединились с целью обеспечения гражданской и религиозной свободы и падения испанского гнета. Напротив этой таблички находится окно, через которое можно выйти на небольшой балкон, где в старину объявлялись о войне, мире или королевских браках и принимались законы. В другой части здания двенадцать католиков, тринадцать либералов и четырнадцать социалистов, которые (1907) составляют Сегодняшний Совет, встречаются и дискутируют в готическом зале пятнадцатого века во главе с бургомистром. Гражданские браки, которые по Конституции Бельгии 1831 года всегда

должны предшествовать религиозной церемонии в церкви, заключаются в старой часовне 1574 года постройки, где есть большая картина работы Вотерса, изображающая Марию Бургундскую, просящую бюргеров Гента помиловать одного из ее министров. Прямо за дверью этого Свадебного зала, в коридоре с крышей 500-летней давности, ведущем к офисам Трамвайной компании, висит картина, изображающая последние минуты жизни графа Эгмонта и графа Хорна. Таким образом, повседневная жизнь города протекает среди памятников прошлого.

GHENT

Béguinage de Mont St. Amand.

Перед балконом Ратуши раньше было широкое открытое пространство, на котором собирались горожане; но сейчас это место занято рядом домов (улица О-Пор), пересеченных узкими улочками, одна из которых ведет к Маркизу Вендреди, месту величайших событий в истории Гента. Это большая площадь, окруженная двойным рядом деревьев, посреди которой стоит статуя Жака ван Артевельде, "Пивовара из Гента", который стоит с поднятой рукой, указывая на запад, как бы показывая своим согражданам, что помощь идет из Англии или что враг движется из Франции.

Недалеко от отеля Hôtel de Ville над крышами домов возвышается компактная башня Святого Николая, а также стоит посетить церкви Сен-Пьер, Сен-Майкл и Сен-Жак. Здесь также находится Бегинаж-де-Сент. Элизабет, группа домов из темно-красного кирпича с черепичными крышами, подстриженными травяными загонами и извилистыми улочками, сгрудившихся вокруг церкви — самого тихого места в Генте, где пятьсот или шестьсот бегинок в своих синих одеждах и белых головных уборах проводят свои дни за плетением кружев или посещением служб католической церкви. Но антиквар и изучающий историю

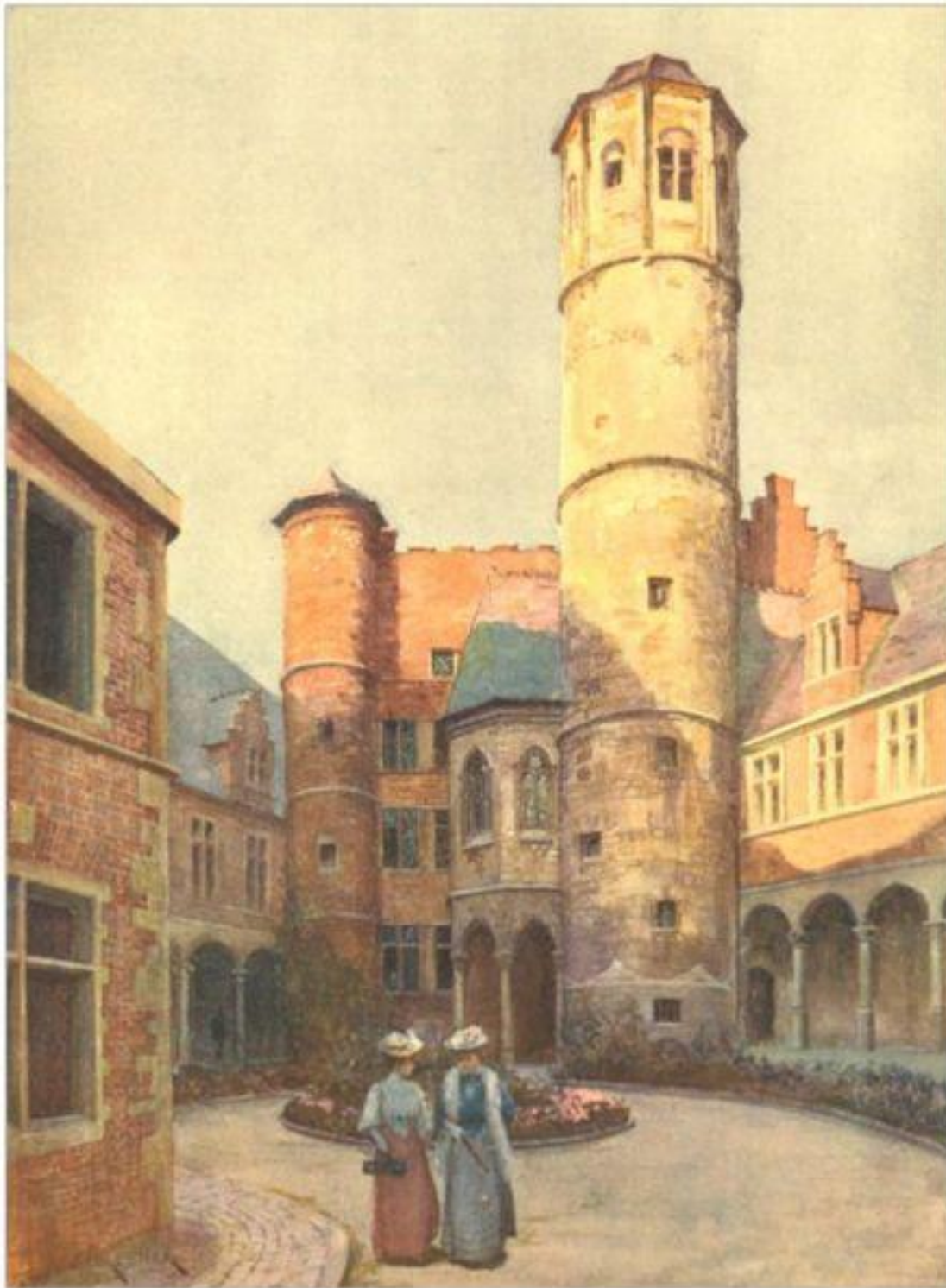
найдет для себя больше интересного, если отправится в аббатство Святого Бавона (место рождения Джона Гонта), руины которого находятся в восточной части города, недалеко от Анверских ворот.

Традиция гласит, что это аббатство было основано в начале седьмого века святым Амандусом, "апостолом Фландрии", и расширено примерно двадцать лет спустя святым Бавоном. В середине девятого века он был почти полностью разрушен норманнами, но позже снова поднялся, только для того, чтобы быть снесенным Карлом V, который возвел там замок примерно в 1540 году. Четверть века спустя, 23 сентября 1567 года, Эгмонт и Хорн были доставлены сюда по приказу Алвы и содержались в тюрьме до тех пор, пока их "под охраной двух рот пехоты и одной кавалерийской" не доставили в Брюссель, где 5 июня 1568 года на Гранд-плас состоялась казнь.

Когда в 1576 году собрался конгресс Гента, замок был занят испанским гарнизоном, который отказался капитулировать. Соответственно, он был осажден Вильгельмом Оранским, и "заседания Конгресса открылись под непрекращающийся грохот пушек". Осада закончилась капитуляцией испанцев в тот самый день, когда заседания Конгресса были завершены заключением договора, известного как "Умиротворение", который был подписан в Генте 9 ноября 1576 года.

GHENT

The Arrière Faucille (Achter Sikkel).

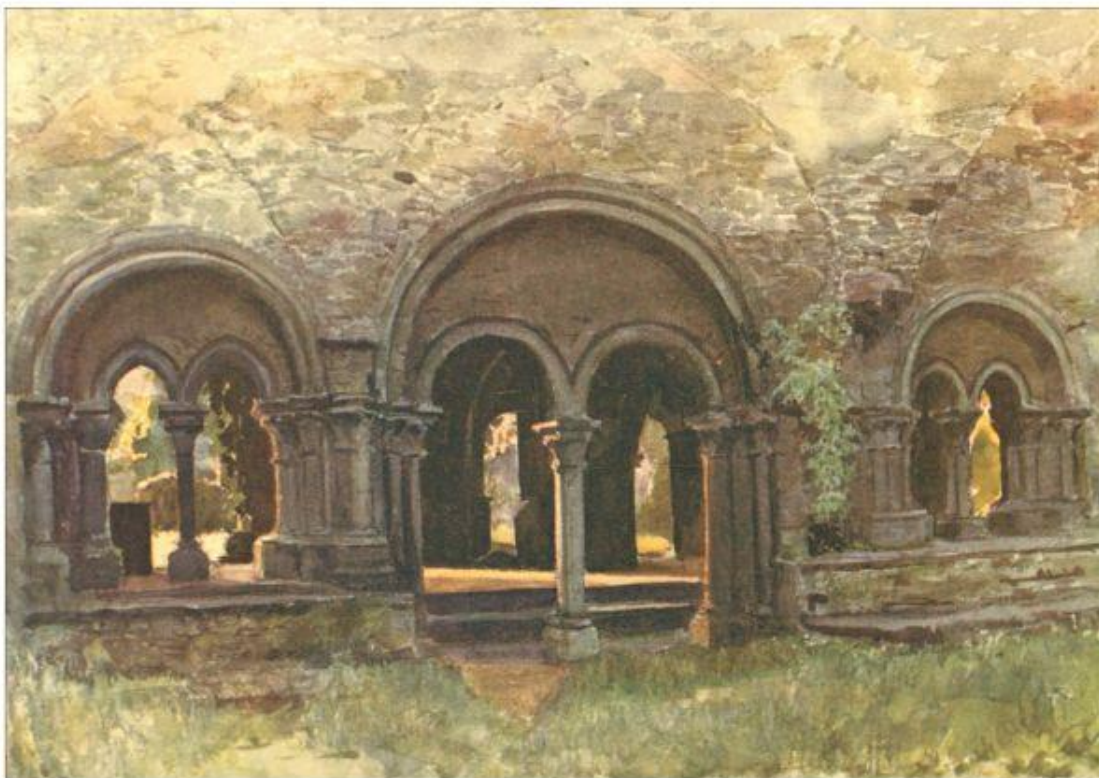
"Умиротворение, как только оно было опубликовано, было встречено криками радости. Провозглашенный на рыночных площадях каждого города и деревни, он был ратифицирован не голосами, а благодарственными гимнами, триумфальной музыкой, грохотом пушек и сиянием маяков по всем Нидерландам.'^[29] Замок, памятник испанской тирании, был снесен; но от древнего аббатства Св. Бейвон.

В первой четверти XV века Хьюберт ван Эйк и его брат Ян жили в Генте. Здесь Хьюберт начал писать знаменитый алтарный образ "Поклонение Непорочному Агнцу", который его брат закончил после его смерти. Это великое полотно, пережившее алчность Филиппа II, фанатизм пуританских иконоборцев и алчность французской революционной армии, сейчас висит в соборе Святого Бавона; и каждый год сотни путешественников посещают Гент, чтобы увидеть то, что, без сомнения, является лучшим произведением ранней фламандской школы. На хорах собора также стоят четыре огромных медных подсвечника, которые первоначально были изготовлены как украшения для могилы Генриха VIII в Виндзоре, но были проданы во времена Содружества.

В 1500 году младенца, впоследствии ставшего императором Карлом V. перенесли из Королевского двора в кафедральный собор. "Его крещение, - читаем мы в "Местной истории", - было отпраздновано с подобающей королевской помпой в церкви Святого Бавона. Это событие ознаменовалось большим ликованием. Фонтаны щедро выбрасывали из своих фантастических струй струи пурпурного вина, "мистерии" и ряженные, маски и развлечения на время узурпировали место торговли и серьезных спекуляций. Храбрые и стойкие жители Гента в буйстве выбежали из дома, и никогда еще Венеция не была такой дикой, как в дни своего самого безумного карнавала. Нам говорят, что волшебная галерея длиной 200 футов, которая поддерживалась во время этого временного юбилея в состоянии достаточной безопасности, чтобы обеспечить безопасность тысяч людей, собравшихся на ней, была возведена на головокружительной высоте через улицы, соединяя башню большой Колокольни с башней церкви Святого Николая. Три ночи подряд он был ярко освещен и заливал ярким светом веселую сцену, на которой внизу веселился весь Гент".

ГЕНТ

Руины монастырей аббатства Святого Бавона.

Во времена Карла V. Гент был не только самым могущественным городом в богатых Нидерландах, но и одним из самых богатых во всей Европе. И чем Колокольня, чьи куранты днем и ночью издают такую сладостную мелодию, была для Брюгге, тем для более воинственных жителей Гента она была "железным языком" Роланда, могучим колоколом, который висел на высокой сторожевой башне. Оно призывало их к оружию. Оно посылало их на битву. Оно приветствовало их дома победителями или предлагало им встретиться и защищать свои привилегии на рыночной площади. "Он казался, так сказать, живым историческим персонажем, наделенным человеческими силами и страстями, которыми он так долго руководил и разжигал".

Над Суконным залом до сих пор возвышается почерневшая от времени колокольня Гента. Но когда в 1540 году император отправился туда с целью усмирить город и наказать горожан за их неповиновение, он издал указ о том, что Роланд, чей голос так часто подавал сигнал к восстанию, должен быть низложен. Большого оскорбления гордому городу нельзя было нанести.

Брюгге пришел в упадок, от которого до сих пор не оправился, главным образом потому, что в то время, когда вся торговля Фландрии и Брабанта начала приходить в упадок, он потерял сообщение с морем; а Ипр был разорен годами внутренних раздоров и постоянных войн. Но Гент, третья из трех "Прекрасных деревень" Фландрии, несмотря на то, что промышленная депрессия, охватившая Нидерланды, и длительная борьба с Испанией в совокупности привели к ее разорению, преодолел все превратности судьбы с триумфом. В старые времена жители Гента славилась своим буйным духом и любовью к независимости. Управлять ими было нелегкой задачей, поскольку графы Фландрии, герцоги Бургундии или короли Испании часто сталкивались с тем, что им это дорого обходилось. И теперь кажется, что сильный характер бюргеров, которые так упорно боролись в средневековые времена за сохранение своих свобод, был просто направлен в другое русло и передан их потомкам в форме той активной коммерческой деятельности, которая делает этот город таким процветающим в наши дни.

Сноски

[29] Motley's *Возвышение Голландской республики*, часть iv., глава v.

ГЛАВА XIII ГЕРЦОГИ БРАБАНТСКИЕ—ОСНОВНОЕ БЛЮДО JOYEUSE— КОНЕЦ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА

В нескольких милях к юго-западу от Алоста, на границе Восточной Фландрии, река Дендре, впадающая в Шельду, образует границу Брабанта. От Дендерлеу, пограничной станции, до Брюсселя около пятнадцати миль на поезде, через район, который постепенно теряет голую плоскостность равнин Фландрии и становится лесистым, волнистым и холмистым по мере приближения к городу.

А Брюссель сильно отличается от павших городов Фландрии. Здесь нет разрушающихся крепостных валов и очень мало неровных мостовых, зато широкие бульвары, затененные деревьями; красивые современные дома; в некоторых местах деревянные тротуары; Биржа; аркады и базары; соблазнительные магазины, витрины которых украшены произведениями

парижского искусства; театры и мюзик-холлы; сверкающие рестораны и дорогие отели. Все здесь современно, просторно, полно движения. В то время как Брюгге и Ипр живут главным образом прошлым, Брюссель живет главным образом настоящим и будущим. Но в центре города находится знаменитая площадь Гранде; и высокие дома, такие восхитительно живописные, с остроконечными фронтонами и позолоченными карнизами; и изысканный Отель де Виль с его причудливо вырезанным фасадом и крутой крышей, пронизанной бесчисленными маленькими окнами, над которыми вот уже 500 лет возвышается изящный шпиль, это "чудо каменной вышивки". Здесь, как и везде в Нидерландах, традиции прошлого нетленны; и мы можем оглянуться назад и увидеть, как этот яркий, веселый, приятный город — "малый Париж", как любят называть его жители, — вырос.

Старый Брабант простирался от Турне на западе до нынешней голландской границы за Тюрнхаутом на востоке и от окрестностей Гента почти до Льежа. К северу от леса Суаньи гряда волнистых холмов возвышалась над маленькой рекой Сенне, которая петляла на восток по песчаным отмелям и зарослям кустарника. На острове в этом потоке, согласно преданию, часовня была построена святым Гери, епископом Камбре; сторожевая башня, впоследствии названная Башней Святого Николая, была возведена на холме недалеко от острова; деревянные дома с соломенными крышами начали появляться на берегах, и кое-где на крутых склонах холмов тропинки, впоследствии превратившиеся в улицы, взбирались к мысу, называемому Куденберг, или Холодная гора; был основан рынок; и деревня стала известна как Брюссель, или (по крайней мере, так говорят) "дом Святого Николая". на болоте" от *bruc*, болото, и *celle*, дом.

BRUSSELS

Place de Brouckère.

С давних пор в ранних рассказах о Брабанте встречаются обычные легенды о воинах и святых; но когда мы доходим до периода подлинной истории, то обнаруживаем четыре главных города: Лувен, Брюссель, Антверпен и Буа-ле-Дюк. Из них самым важным был Лувен. В 1190 году графы Лувена стали герцогами Брабанта. Они построили замок на Куденберге, и в течение следующих 300 лет Брабантский двор славился своей мощью и великолепием.

Расположенный посреди плодородного района на торговом пути из Фландрии в Германию, Брюссель был удобным местом остановки для путешественников. Но в средние века, когда Брюгге, Гент, Ипр и другие места были такими процветающими, история Брюсселя менее богата событиями; и только когда знаменитые фламандские города были на грани падения, город на реке Сенне стал важным промышленным центром. Его население также быстро росло, благодаря большому количеству рабочих, приехавших из Лувена из-за тамошних коммерческих проблем.

Таким образом, торговля процветала, и Брюссель богател; но непрерывные войны, опустошавшие Францию, главный рынок сбыта мануфактур Нидерландов, нанесли ущерб торговле льном, которая также страдала от острой конкуренции английских купцов. Сырье поступало из Англии, и, запретив вывоз шерсти, Англия смогла полностью разрушить эту отрасль торговли Фландрии и Брабанта. К счастью, однако, для Брюсселя, появление новых отраслей промышленности в это критическое время сделало ущерб торговле льном менее фатальным, и с развитием льноткачества, искусства изготовления гобеленов, красильни и производства ценных доспехов город более чем выстоял.

Роскошь и показуха, как обычно, последовали за богатством, и Брюссель превратился в город удовольствий, праздников и великолепных фестивалей. Брабантский двор был одним из самых роскошных и распутных в Европе. Герцоги подавали пример экстравагантности, которому следовали бароны, окружавшие их, а также богатые буржуа. "Только народ, - говорят нам, - то есть люди без досуга, ремесленники, оставался в стороне от излишеств". В одежде, доспехах, мебели царила роскошь. Богатые ходили, одетые в золотую парчу и другие дорогие ткани, в сопровождении слуг в прекрасных ливреях. Их лошади были украшены богатыми попонами, а их жены и дочери потратили большие суммы на великолепные наряды и украсили себя драгоценностями и гирляндами из розовых садов, которыми уже тогда славился Брюссель.

Каждый повод для праздника встречался с нетерпением. Был не только ежегодный "Оммеганг", освященное веками шествие по улицам триумфальных машин, музыкальных оркестров и гигантов, которое приводило в восторг жителей Брабанта и Фландрии, но и у каждой отдельной гильдии и братства был свой собственный фестиваль. В частной жизни каждое событие — рождение, крещение, свадьба или смерть — было предлогом для того, чтобы тратить деньги напоказ. Действительно, это было доведено до такой степени, что были приняты правила, запрещающие рассылать приглашения только ближайшим родственникам, чтобы люди не ходили на праздники без приглашения и, наконец, даже установить некоторое ограничение на стоимость подарков, которые было принято дарить гостям. Распущенные и расточительные привычки *молодой женщины* стали настолько печально известны, что у каждого городского ворот было по карцеру для молодых людей, которые жили слишком быстро. В таком состоянии общества ростовщик увидел свой шанс; но был принят закон, запрещающий кому бы то ни было подписывать простой вексель или ожидать получения наследства до достижения двадцативосьмилетнего возраста. В Брюсселе было полно таверн, и были районы города, где в каждом доме жили женщины легкого поведения. Состояния были безрассудно растрочены, и говорят, что большинство дворян были неплатежеспособны и оставили за собой большие долги.

От стены, окружавшей этот средневековый Брюссель, не осталось и следа, за исключением ворот Хал на углу, где современный бульвар Ватерлоо пересекается с бульваром Миди; а Отель де Виль и здания гильдий на Гран-Плас претерпели множество изменений с четырнадцатого века. Большая часть церкви Святого Петра. Однако Гудула - хор и трансепт, часть нефа и южный придел — была построена в тринадцатом и четырнадцатом веках; и в этот период Нотр-Дам-де-ла-Шапель и Нотр-Дам-дю-Саблон выросли на фундаментах более древних церквей. Дома, даже у богатых, все еще были деревянными, иногда с башнями из камня, построенными неровно на склоне холма, поднимавшегося из долины Сенны, каждый дом стоял отдельно, со своей соломенной крышей, с которой зимой стекал дождь или талый снег (тогда, конечно, не было водосточных желобов), и спускался в низину, которая, таким образом, была немногим лучше болота, даже спустя много лет после того, как Брюссель стал важным городом. Именно среди этой смеси дискомфорта и роскоши, столь характерной для средневековья, жители Брюсселя и Брабанта в целом проводили свою жизнь — веселую, радостную, распутную, но всегда с оглядкой на главный шанс и становясь все богаче и богаче. И в одном Брабант сильно отличался от Фландрии. В то время как во Фландрии города, как правило, находились в смертельной вражде друг с другом — Брюгге воевал с Гентом, а Гент враждовал с Ипром, причем каждый город был разделен на враждующие группировки, такие как Лелиарты и Клауверты, в своих собственных стенах, жители Брабанта, по-видимому, жили в мире друг с другом и, как правило, всегда считали своей первоочередной задачей объединяться для защиты своих общих интересов. И в середине четырнадцатого века наступило время, когда требовалось полагаться друг на друга.

Последним герцогом Брабанта по мужской линии Дома Лувенов был Жан III. Он умер в 1355 году, не оставив наследника мужского пола; и, таким образом, наследование перешло к его дочери Жанне,^[30] которая вышла замуж за Венцеласа, брата Карла IV Люксембургского.

С незапамятных времен правители Брабанта, вступая на престол, приносили клятву защищать свободу своих подданных; и для городов и коммун было составлено множество хартий, подтверждающих древние права и привилегии. Прежде чем признать герцогиню Жанну и ее мужа, города Брабанта обратились к ним с рядом требований, которые они просили новых правителей принять. Они приняли форму хартии, перечисляющей и подтверждающей все пункты, которые составляли общественную свободу в Брабанте; и эта хартия получила название Joyeuse Entrée (или Blyde Compromste), потому что она была встречена такими аплодисментами со стороны представителей народа. Инаугурация герцогини Жанны и Венцеласа состоялась в Лувене 3 января 1356 года, когда они поклялись сохранить все древние привилегии страны. После этого акт инаугурации каждого правителя Брабанта был известен как его Веселое блюдо, и каждое веселое блюдо было развитием актов, декларирующих общественные права, которые существовали ранее, точно так же, как Великая хартия вольностей была основана на старых свободах Англии. У каждого герцога было свое Любимое блюдо, которое он принимал иногда с таким же недоверием, с каким король Джон относился к Раннимиду. Таким образом, эта знаменитая конституция, самая известная и либеральная из всех свободных хартий Нидерландов, была не пергаментом, составленным в свое время, а декларацией общественных прав, которая постепенно развивалась.^[31]

"Инаугурация герцога Брабантского была великолепной и внушительной церемонией. Принц, который был лордом благородного герцогства, отправился представиться своим подданным и подтвердить родственные связи, которые обеспечили и его, и их счастье. Он прибыл со своими придворными в древнюю столицу Брабанта, Лувен. Спускаясь по брюссельской дороге, он издали увидел колыбель своих предков с ее шпилями, башнями

и величественными стенами в богатой долине Дайла. Прежде чем въехать, наследник старых графов Лувенских ненадолго остановился у городских ворот, в монастыре Тербанкский, где среди огромной толпы духовенство, университетские чиновники и магистраты пришли поприветствовать его. Затем блестящее собрание направилось в часовню, где аббатиса Тербанкская, стоявшая у алтаря, взяла распятие и передала его высшему сановнику Церкви, который присутствовал при этом, и он, подойдя к герцогу, дал ему его поцеловать. Ректор университета произнес речь от имени университета и духовенства. Мэр вложил в руки герцога красный жезл правосудия, эмблему его должности. Бургомистр вручил ему ключи от города, и пенсионер Лувена приветствовал его от имени всех местных магистратов. Затем процессия под звуки труб выехала верхом через ворота герцога и его советников, представителей штатов Брабанта и магистратов Лувена к церкви Сен-Пьер, где все они спешили и вошли на хоры; и там, после того как были произнесены молитвы, принц поклялся сохранять свободы и привилегии церкви в Брабанте. Оттуда они отправились на рыночную площадь, которая находилась между церковью и Ратушей. Герцог занял свою позицию на трибуне вместе с представителями народа Брабанта, и канцлер объявил, что он собирается принести присягу в качестве Основного блюда. Акт инаугурации был зачитан сначала по-фламандски, а затем по-французски, и герцог повторил его слово в слово и принес клятву баронам, дворянам, городам и привилегиям герцогства, что он будет их добрым и лояльным сеньором и что он не будет обращаться с ними иначе, как справедливо и в соответствии со всеми их правами. Они облачили герцога в малиновую мантию, отороченную горностаем, и возложили ему на голову герцогскую корону Брабанта. Штаты поклялись ему в верности. Зазвучали трубы. Воздух был наполнен одобрительными возгласами; и голоса герольдов, кричавших: "Да здравствует герцог Брабантский!", сообщили герцогству, что другой правитель вступил во владение его наследием в соответствии с древним обычаем.'[\[32\]](#)

"Государства" Брабанта выросли из примитивного метода правления народным собранием на рыночной площади, где каждый вассал голосовал лично. Позже голосовали только избранные представители, а в конце четырнадцатого века духовенство начало присутствовать на собрании отдельным порядком. Название "Этаты" не использовалось в Брабанте до 1421 года, когда дворяне, духовенство и простые жители называли себя Штатами Брабанта.[\[33\]](#) Бок о бок со штатами вырос Совет Брабанта, который первоначально был консультативным органом, судебным советом для оказания помощи герцогу в отправлении правосудия, но который постепенно стал заниматься управлением местными делами, в то время как штаты вели государственные дела герцогства.

Вскоре после инаугурации Жанны и Венцеласа ревнивый и амбициозный Людовик Маэльский, граф Фландрии, женившийся на сестре Жанны Маргарите, развязал войну против Брабанта, и борьба продолжалась годами. Венселас, которого Фруассар описывает как мудрого и галантного человека, в конце концов был совершенно измучен обрушившимися на него неприятностями. Он провел зиму и лето 1382-1383 годов в Брюсселе со своей женой и пытался забыть о своих горестях на охоте, балах и турнирах. Но его здоровье было подорвано, и, отправившись подышать родным воздухом в Люксембург, он умер там 3 декабря 1383 года.

Герцогиня Жанна, пережившая своего мужа на тринадцать лет, годы постоянных неприятностей, умерла 1 декабря 1406 года в возрасте восьмидесяти лет, после пятидесятилетнего правления, и была похоронена в старой церкви кармелиток в Брюсселе. После ее смерти герцогство Брабант перешло, по семейному соглашению, к Бургундскому дому.[\[34\]](#)

При Бургундском доме в пятнадцатом веке Брюссель стал более чем когда-либо городом помпезности, веселья и удовольствий. На протяжении почти полувека этого периода история Брабанта полна имен Филиппа Доброго и Карла Смелого. Филипп обычно жил в Брюсселе, и это привело в город так много французов, что французский стал языком двора и модным языком среди знати. Старый замок или дворец герцогов Брабантских на Куденберге был расширен и украшен за счет пристройки Большого зала, где рыцари Золотого руна, чей орден основал Филипп, проводили свои Собрания, и который позже стал свидетелем впечатляющего зрелища отречения Карла V. Границы парка расширили, вокруг него возвели стены, и он наполнился дичью. Епископы и знать построили себе великолепные особняки. Первый камень великолепного Отель-де-Виль был заложен в начале века, а в 1444 году Карл Смелый, которому тогда было всего десять лет, заложил фундамент высокого шпиля, на вершине которого десять лет спустя была установлена позолоченная статуя Святого Михаила, которая находится там и по сей день. До сих пор сохранилась Бургундская библиотека с ее богатством иллюминированных рукописей и редких книг; а картины Роджера ван дер Вейдена и его современников показывают, как процветало искусство в Брюсселе в пятнадцатом веке.

В отличие от Филиппа, Карл Смелый ненавидел жителей Брюсселя. Его отец, по его словам, увеличил их богатство и гордыню сверх всякой меры. Он напал на штаты Брабант и пригрозил разрушить стены и ворота Брюсселя.

И когда, пронесшись подобно буре над Европой, он умер под стенами Нанси в 1477 году, и мужской линии Бургундского дома пришел конец, стало ясно, что обширные владения, которыми так гордо правил его род и которые он оставил своей дочери Марии, были раздираемы внутренними раздорами, и что народы Брабанта и Фландрии страдали от посягательств на их древние привилегии.

БРЮССЕЛЬ

Вход в старую церковь Кармелиток.

Герцогиня Мария унаследовала великолепное наследство, но ее положение было трудным. Ее казна была пуста. В ее распоряжении не было армии. Народное недовольство росло. Ее отец заставил надменных бюргеров Гента склониться перед ним, но как только он умер, они восстали снова. Гент, Брюгге, Брюссель, весь Брабант кипели от недовольства. В уплате налогов было отказано, а правительственные чиновники подверглись жестокому обращению. И, более того, Ганнибал был у ворот в лице Людовика XI, который обрадовался, услышав о судьбе Карла Смелого. Инаугурация Марии состоялась в конце мая 1477 года,

через пять месяцев после смерти ее отца; и ее Праздничное блюдо не только восстановило общественные права, которые нарушили Филипп и Карл, но и наложило новые ограничения на власть будущих правителей Брабанта.

Брак молодой герцогини с кем-нибудь, кто мог бы защитить ее права, рассматривался как единственное средство сохранения мира в стране. Ее недоверие к Людовику XI. это заставило ее отказаться от союза с французским принцем. Она выбрала эрцгерцога Максимилиана Австрийского, и таким образом судьбы Брабанта и Фландрии соединились с судьбами Дома Габсбургов, а возможность мирного поглощения Бельгии была упущена Францией.

Свадьба была отпразднована в августе 1477 года. Пять лет спустя Мария умерла, оставив сына — мальчика, которому тогда было четыре года, впоследствии известного как Филипп Красивый. Он, в свою очередь, женился на Джоанне, дочери Фердинанда и Изабеллы Испанских; и отпрыском этого брака стал великий император Карл V. Во время правления которого столица Брабанта была более блистательной, чем когда-либо.

Нет истории более известной, чем история о том, как в злые дни, когда Филипп II. управлявшие "Испанскими Нидерландами" в интересах Церкви, Бредероде и его друзья, услышав о презрительных словах Берлаймона, приняли прозвище "Нищие", под которым впоследствии была известна их партия. Но как это типично! Как полны их поступки веселого духа Брабанта! Наступает весна, свежая и яркая, когда дворяне конфедерации покидают особняк графа Куилембурга,^[35] блестящая компания красивых, пылких светских людей высокого происхождения, все бородатые и одетые в изысканные наряды того времени, направляются ко дворцу, где их ждет Маргарита Пармская. Они проезжают по дороге, которая венчает горный хребет, обозревая множество остроконечных крыш под ними слева, со шпилем Ратуши, возвышающимся над тем местом, где проход между крышами домов указывает на расположение Гранд-Плас, где столь многим из них впоследствии суждено сложить свои жизни. Величественные башни Сент. Гудуле возвышаются над домами, которые группируются вокруг них на плато Святого Михаила. Перед ними находится дворец, а за ним зеленые поляны и прогулочные площадки парка. Толпа людей, поднявшихся из нижнего города по длинной крутой дороге, известной как Шоссе и гора ла-Кур, приветствует их радостными криками у входа во дворец. Двери этого великолепного жилища встречают сверкающую группу, которая с веселой беззаботностью отправляется на свое знаменательное собеседование и выходит из него в том же духе. Они идут по улицам и проходят мимо Берлаймонта, который разговаривает с Аренбергом. "Посмотрите на наших милых нищих!" - говорит Берлаймонт. "Как они бесчинствуют перед нами!" - Они ужинают у Куилембурга. Бредероде повторяет шутку Берлаймона в их адрес. Они подхватывают ее. Они поднимают тост "За нищих". Они переодеваются нищими, носят кожаные кошельки и деревянные миски. Они смеются, разливают вино, осушают бокалы за здоровье нищих, танцуют на столах и кричат "Да здравствует бог!"^[36] Даже серьезное лицо входящего Оранжа не может остановить веселье. А на следующий день они сбрасывают свои нарядные одежды, одевают себя, свои семьи и своих слуг как нищих, сбрасывают бороды и ходят с кошельками и чашами.

Таков был дух маскарада, карнавала, Кермессе; и тридцать лет спустя, когда на протяжении целого поколения страна страдала от беспрецедентных бедствий, а большинство нищих 1566 года погибли насильственной смертью, прибытие эрцгерцога Эрнеста в качестве губернатора Брабанта стало поводом для гротескного представления — "величественной процессии рыцарей и бюргеров в исторических и мифологических костюмах, за которыми следовали корабли, верблюды, слоны, киты, великаны, драконы". Станный народ.

Голландцы сражались со всем мужеством нервийцев и завоевали свою свободу. Бельгийцы, потомки нервиев, были убиты, побеждены, подвергнуты пыткам и превращены в рабов, они видели, как их страна была опустошена, а у них оптом отняли их дорогие свободы; и все же, когда все было потеряно и пята угнетателя крепко прижалась к их шее, они были ослеплены цирковым шествием.

Сноски

[30] Родился в Брюсселе 24 июня 1322 года.

[31] Текст первого блюда из жуайеза Жанны и Венсела приведен аббатом Намешем, том iv, стр. 671-679, а последнюю форму, которую он принял, можно найти в *"Истории первого блюда из Брабанта"* Пуле, стр. 339-350.

[32] Пуле, стр. 3.

[33] 'Mais bientôt les intérêts communs formèrent des Associations particulières dans le sein même de l'assemblée. Les nobles étaient unis par le droit de la féodalité; au treizième et au quatorzième siècle, les villes Brabançonnaises conclurent entre elles des traités d'alliance, et de là l'origine des ordres. On sentit alors l'inconvénient du vote individuel, et l'on admit que les individualités particulières seraient liées par la majorité des suffrages dans le même ordre': (Poullet, p. 45).

[34] У Венцеласа и Жанны не было детей. Жанна составила завещание, по которому герцогство Брабант переходило к ее племяннице Маргарите (дочери Людовика Маэльского и ее сестре), которая вышла замуж за Филиппа Смелого, герцога Бургундии. У Филиппа Смелого и Маргариты Маэльской было двое сыновей — Жан, который стал герцогом Бургундским и графом Фландрским после смерти своего отца; и Антуан, который стал герцогом Брабантским после смерти своей матери.

[35] На том месте, где сейчас находится улица Маленьких Кармес.

[36] "Тогда впервые с уст этих безрассудных дворян сорвался знаменитый клич, который так часто раздавался над сушей и морем, среди пылающих городов, на залитых кровью палубах, сквозь дым и резню на многих пораженных полях сражений".-Мотли: *Возвышение Голландской Республики*.

ГЛАВА XIV

БОМБАРДИРОВКА 1695 ГОДА—ГРАН-ПЛАС—ЦЕРКОВЬ СВЯТОЙ МАРИИ. ГУДУЛА—КАРЛ ЛОТАРИНСКИЙ

В шестнадцатом веке закрывается с передачи Филиппа II. в Испанские Нидерланды, чтобы его дочь Изабелла, как приданое на свадьбу с эрцгерцог Альберт Австрии. Король умер 13 сентября 1598 года, а год спустя инфанта и ее муж вступили в Брабант. Когда они проезжали по Брюсселю в составе государственной процессии, седло инфанты было украшено бриллиантами и рубинами стоимостью 200 000 флоринов. Магистраты подарили им великолепный сервиз из серебряной посуды. Были праздники, фейерверки и иллюминации, которые продолжались в течение трех дней. На медали, отчеканенной в ознаменование этого события, мы видим их сидящими в триумфальном кресле, окруженными солнечными лучами, с оливковыми ветвями в руках. Состояние страны было плачевным, но все беды того

времени, казалось, были забыты в разгар череды празднеств. Личные добродетели Изабеллы и ее мужа сделали их популярными, но, нет нужды говорить, что Бельгия была полем битвы Европы на протяжении большей части семнадцатого века.

Кульминацией этих почти непрекращающихся войн, что касалось Брюсселя, стала августовская бомбардировка 1695 года. В течение двадцати лет городу угрожали разрушения. Говорят, что Антуанетта Буриньон, известная авантюристка и прорицательница, умершая в 1681 году, предсказала, что столица Брабанта погибнет в огне, и об этом вспомнили, когда летом 1695 года Виллеруа, не сумев освободить Намюр, захватил Вильгельм III. затем находился в осаде, двинулся на Брюссель с 70-тысячной армией.

В первую неделю августа стало известно, что в Монсе заготовлен огромный запас бомб и что Виллеруа находится в Энгиене. Французы оставили это место 10-го числа и на следующий день расположились лагерем в Андерлехте, недалеко от Брюсселя. Велись приготовления к обороне. Гильдии снабжали людей; улицы между Порт-де-Намюр и Порт-де-Халь были укреплены; низменные территории были затоплены. Но французы подошли ближе; и 13-го Виллеруа прислал послание, в котором говорилось, что Наихристианнейший король приказал ему бомбардировать город в отместку за то, как английский и голландский флоты обошлись с морскими портами Франции; что, поскольку месть противоречит доброте его господина, ему было приказано сказать, что если союзники в будущем будут воздерживаться от подобных способов ведения войны, он поступит с ними так же и отступит от города, если в течение шести часов он получит определенный ответ такого характера, что он не будет участвовать в войне. мог бы принять это.

Получив этот ультиматум, магистраты попросили время для общения с курфюрстом и королем Англии. Было предоставлено полтора часа, но поскольку по истечении этого времени ответа отправлено не было, было сброшено несколько бомб, и один человек был убит на горе ла-Кур. Вскоре прибыло послание от курфюрста с просьбой об отсрочке на двадцать четыре часа, чтобы он мог запросить мнение короля Вильгельма. Ответом Виллеруа было немедленное начало бомбардировки, и тотчас же на город посыпались снаряды и раскаленная дробь.

Канонада началась в семь вечера и продолжалась всю ночь и часть следующего утра. Весь город был в диком смятении, люди разбегались в поисках убежища, так как их жилища были охвачены огнем. С запада дул сильный ветер, и пламя перекидывалось от одного дома к другому по узким улочкам, особенно в центре города, который вскоре запылал, как огромная печь. Говорят, что почти 4000 домов были сожжены дотла, и многие повреждены без возможности ремонта. На Гран-Плас Отель-де-Виль, Бродюи и другие старые здания были почти полностью разрушены. Церковь Святого Николая, башня которой была колокольной Брюсселя, превратилась в руины. Много больных погибло в горящих больницах. Монастыри и церкви были разрушены, а их украшения, картины и архивы исчезли. Старая церковь кармелиток была полностью разрушена, а от могилы Жанны, последней герцогини Брабантской, которая была похоронена на хорах, не осталось и следа. Когда разрушительная работа была закончена и французы отступили, стало видно, что большая часть города лежит в руинах.

До бомбардировки Отель де Виль находился почти в своем первоначальном состоянии; но теперь западная сторона была разрушена снарядами, крышу поглотило пламя, и все здание, за исключением шпиля и западного фасада, было почти полностью разрушено. Таким образом, брюссельский Ратуша в том виде, в каком мы видим ее сейчас, за исключением шпиля и фасада, обращенного к Гранд-Плас, сильно изменился по сравнению с тем, каким

он был до 1695 года.^[37] Таковы и дома гильдий - l'Étoile, первый дом рядом с Hôtel de Ville, смотрящий с Гранд—Плас, в четырнадцатом веке штаб-квартира Аммана, или главы ремесел, и когда-то таверна, окруженная садом; Le Cygne, рядом с l'Étoile, который был перестроен в 1523 году с деревянным фасадом; Maison des Брассеры, в семнадцатом веке здание гильдии пивоваров, а ныне кафе, увенчанное современной статуей Карла Лотарингского. Эти дома, как и многие другие, пострадали от выстрелов французов, и их пришлось практически перестраивать.

Самое интересное здание на Гран-Плас, за исключением Отель-де-Виль, находится в северо-восточном углу, напротив Отель-де-Виль. Сейчас он называется "Maison du Roi", но в истории известен как "Brodhuis", потому что там раньше висел список текущих цен на хлеб, когда это было *отделение* отеля De Ville. Он был настолько сильно поврежден бомбардировкой, что его пришлось полностью снести, но был восстановлен точно на прежнем месте во всех деталях. Именно в оригинальном Бродхейме Эгмонт и Хорн были заключены в тюрьму и приведены на казнь на Гранд-плас 5 июня 1568 года. Большая комната на третьем этаже, ныне Коммунальный музей, находится на месте комнаты, в которой Эгмонт провел свою последнюю ночь, и является точно такой же, за исключением того, что нынешняя крыша выше. Реставрация этого прекрасного здания была проведена настолько хорошо, что не требуется больших усилий воображения, чтобы представить последние сцены этой мрачной трагедии.

БРЮССЕЛЬ

Кафедральный собор Святой. Гудула.

От первой церкви Святого Петра ничего не осталось. Гудуле, который, как говорят, стоял на том месте, которое сейчас занимает неф, и был возведен там в начале одиннадцатого века, на месте еще более древней церкви. Нынешнее здание датируется тринадцатым веком. Оно пострадало от рук реформаторов во время религиозных смут шестнадцатого века, будучи разграбленным 6 июня 1579 года. Духовенство предусмотрительно унесло большую часть своих сокровищ до того, как разразилась буря, но многие гробницы и памятники были безжалостно разрушены.

Склеп герцогов Брабантских был осквернен; но в 1585 году, после возвращения испанцев, останки, которые были вырваны из их гробов и разбросаны повсюду, были собраны и помещены в большой деревянный сундук. В мае 1834 года, когда склеп был открыт для захоронения королевского принца, сына Леопольда I. и брата нынешнего короля Бельгии, на земле было найдено несколько костей — костей герцогов и принцев знатного Дома Брабант, сундук, в котором они хранились, истлел.

Во время французской оккупации Ste. Гудуле, которая не пострадала во время бомбардировки Виллеруа, была закрыта на два года, с 1798 по 1800 год, и было предложение снести ее, чтобы освободить место для театра.

Однако к тому времени в Брюсселе было несколько театров, и из них самым известным был Театр ла Монне. До тех пор, пока не были представлены произведения великих французских драматургов, единственными спектаклями подобного рода, известными в Брюсселе, были длинные, скучные пьесы в форме мистерий. Например, в шестнадцатом веке в монастыре Кармелиток ставили "Трагедию страстей господних". В этой пьесе, состоящей из трех актов, был хор детей, одетых ангелами. Жене Малха было принесено известие, что святой Петр отрезал ухо ее мужу, над которым ангелы пели:

À Malchus l'oreille

Le Seigneur lui dit,

Турелутуту ренгуэйн, ренгуэйн,

Турелутуту ренгуан, ренгуан тон кутьо,

Dans son fouriau.'

Это был большой переход от подобных монашеских доггерелей к французским драмам, которые после того, как их сначала ставили частным образом в домах некоторых представителей знати, вскоре достигли широкой публики и создали спрос на театр. В 1698 году старое здание Монетного двора, стоявшее на площади де ла Монне, в то время узкой улочке, застроенной деревянными зданиями, было куплено архитектором Жан-Полем Бомбардой. Он получил разрешение построить "Отель зрелищ" и получил монополию на постановку опер и комедий, а также на проведение балов в течение тридцати лет, начиная с января 1705 года. Но один менеджер за другим терпели неудачу, и казалось, что театру придется закрыть свои двери, когда сами актеры сформировали в 1766 году труппу по образцу "Комеди Франсез", которая впоследствии получила субсидию от города. С этого времени судьба Театра де ла Монне, ныне столь хорошо известного, начала улучшаться. Нынешнее здание было построено в 1817 году.

Именно во время мирного правления Марии Терезии — мирного, по крайней мере, в том, что касалось земли Бельгии, — театр стал таким популярным в Брюсселе. Брабант был тогда свободен от забот, которые так часто мешали прогрессу в более важных вещах, чем сцена; и жители столицы пребывали в хорошем настроении благодаря популярности герцога Карла Лотарингского, который стал губернатором австрийских Нидерландов в 1741 году.

В марте 1744 года он переехал на постоянное жительство в Брюссель в сопровождении своей жены, эрцгерцогини Марии, сестры Марии Терезии. Они въехали на Аллею Верт, затем и еще долгое время после фешенебельного брюссельского променада. Батальон английской

конной гвардии был выстроен на лугах сбоку от проспекта. Герцог произвел смотр этим войскам; и затем кавалькада двинулась по зеленой дороге от дворца Лакен, по которой проехало так много веселых оркестров. Процессию возглавляли конногвардейцы. Затем в карете прибыл Карл Лотарингский, за ним следовали государственные министры, лорды и джентльмены двора в сопровождении нескольких эскадронов английской кавалерии. У Лакенских ворот бургомистр, благоговейно преклонив колени, преподнес ключи от города в серебряном сосуде. Оттуда они направились по улицам к Ратуше и вверх по улице Монтань к церкви Св. Гудуле, где они были приняты кардиналом-архиепископом Малинским и его духовенством, которые отслужили мессу. Вечером каждая улица и площадь Брюсселя сияли иллюминацией.

Тот день стал началом долгого периода веселья для любящего развлечения города. Ни один правитель не подошел бы жителям Брюсселя лучше, чем Карл Лотарингский. Летописи его времени полны увеселений, рассказы о которых позволяют нам, возможно, лучше, чем более серьезные исторические источники, понять двор Австрийских Нидерландов в период долгого правления Марии Терезии.

В феврале 1752 года мы видим, как герцог устраивает "Венецианский праздник" во дворце герцога д'Аренберга, на котором присутствовали все гомосексуалисты Брюсселя. Было четыре кадрили: первая состояла из восьми дам и джентльменов, одетых садовниками, вторая - из паломников, третья и четвертая - из крестьян и матросов. За танцами последовал маскарадный ужин, и в полночь вся компания, все еще в масках, проехала в открытых экипажах по улицам. Кучера были в масках, как и грумы, которые ехали рядом с каждой каретой с факелами, как и музыканты, которые играли до и после них по пути в Театр де ла Монне, где они танцевали, пировали и играли в азартные игры до утра.

Карл Лотарингский обычно жил в замке Тервуэрен, где тратил большие суммы на то, чтобы пополнить леса и озера дичью и рыбой. "Что я должен посадить в своем парке в Тервуэрене, — отмечает он в своем личном дневнике, - 8 косуль, 150 зайцев, 100 фазанов, 4 лесных петуха, 6 серых кур, 10 цесарок, 50 куропаток, 20 красных куропаток, 100 диких уток. Из рыбы — 600 черепах, 300 крабов, 200 форелей, 100 осетровых".

Каждый день он записывал в свой дневник все свои поступки, все мелкие денежные выплаты, чем занимались члены его Двора и даже имена их любовниц. Герцог Аренбергский дарит драгоценности Ла Ножантель, танцовщице из Монне. Голландский министр губит себя из-за Ла Сентрэ, другой танцовщицы, а английский министр потерял голову из-за мадемуазель Дюранси. Принц де Линь и месье Андруэн проводили много времени и денег в компании сестер Эжени и Анжелики д'Аннетер. Месье д'Аннетер, отец этих молодых женщин, начинал жизнь комиком в Брюсселе, а теперь был менеджером Монпаиэ. У него было три дочери, которые принадлежали к *полусвету* под именем Трех граций и использовали дом своего отца как место свиданий для знатных джентльменов. Говорят, что д'Аннетер был удачливее большинства управляющих и сколотил большое состояние, большую его часть за столом для игры в фараон в фойе своего театра, где в то время каждый вечер шли азартные игры.

Герцог Чарльз был большим гурманом, устраивал знаменитые ужины и, конечно же, обращал внимание на вина. Бургундское, очевидно, было его любимым напитком. За каждым ужином он выпивал по меньшей мере бутылку; но для его гостей были рейнское вино, шампанское, бордо и токайское, не говоря уже о коньяке, мараскино и других ликерах, причем всех самых лучших. Ему прислали красных куропаток из Тироля, и в его кассовой книге записано: "114 ливров уплачено экспрессу из Венеции за бочку тунца в масле и за другой экспресс из

Гамбурга за бочку английских устриц и черных мидий". В официальном календаре этого жизнерадостного принца указаны имена всех, кто работал на его кухне, от главного повара до вертелов. Как ни странно, шеф-повара звали Рогнон. Граф де Сарт занимал важный пост главного повара кухни.

Он был любимцем Брюсселя и так сильно его любили, что в 1766 году, когда он был тяжело болен, церкви никогда не пустовали в течение всего дня, так много благочестивых людей ходили молиться за его выздоровление. Когда его здоровье восстановилось, были всевозможные празднества: из фонтанов било вино; половина города напилась; принц де Линь приказал зажарить быка целиком на улице перед своим особняком и раздать бедным; и когда герцог впервые появился в театре, было столько аплодисментов, что представление было остановлено, а его врачу, которого видели в ложе, снова и снова аплодировали за то, что он вылечил своего пациента.

Три года спустя, в двадцать пятую годовщину его приезда в Брабант, там были праздники, которые продолжались несколько дней. Ратуша, Бродюи и вся Гран-Плас сверкали разноцветными огнями. Граф де Сарт осветил свой дом 1000 красными и желтыми фонарями. В Отель де Виль был устроен грандиозный банкет, на котором 1400 гостей, леди сидели, а джентльмены стояли, обслуживали 200 гренадеров, и бесплатное представление в театре, где каждому зрителю было подано по два бокала пунша. В память об этом событии были отчеканены медали. Город Брюссель подарил герцогу 25 000 флоринов, а штаты Брабант присудили ему статую и 40 000 флоринов.

Ни до, ни после него в Брюсселе не было принца, столь популярного и уважаемого, а у него за плечами было тридцать шесть долгих лет. Но веселью пришел конец в июле 1780 года, когда он умер в своем замке в Тервуэрене и был похоронен в церкви Св. Гудула в склепе Альберта и Изабеллы.

Пять месяцев спустя в Брюссель пришла весть о том, что императрица Мария Терезия скончалась в Вене; а вечером 23 декабря в Сент-Луисе состоялась заупокойная служба. Гудуле. Когда месса закончилась, герольды, стоявшие у главного алтаря, провозгласили титулы покойной императрицы. Затем один из них торжественно произнес: "Она мертва; да смилуется Господь над ее душой". И когда духовенство пропело "*De Profundis*", рыдания раздались во всех углах темного огромного здания, среди которого Туазон д'Ор, король по оружию, взял государственный меч и, подняв его высоко над головой, громким голосом воскликнул: "Да здравствует Иосиф Второй, наш Государь!"

Сноски

[37] В "*Истории Брюссельского города*" Вотерса есть гравюра, изображающая руины Гранд-Плас в 1695 году, том ii., стр. 132.

ГЛАВА XV ИОСИФ II. И РЕВОЛЮЦИЯ В БРАБАНТЕ

Было трудно следовать примеру такой императрицы, как Мария Терезия, или найти преемника Карлу Лотарингскому в правительстве Австрийских Нидерландов. Но если когда-либо на трон взошел Монарх, полный благих намерений, то это был Иосиф II.; И все же, в то

время как покладистый Карл радовал жителей Брюсселя тридцать шесть лет, реформаторский Иосиф менее чем за десять вызвал революцию в Брабанте.

Было очевидно, что многие реформы были неотложными. В течение длительного времени дух, по крайней мере, конституции Брабанта, страдал от посягательств имперского правительства, и страна теряла свою моральную основу. Мирные и счастливые времена правления императрицы Марии Терезии также не спасли народ от полной деморализации, к которой привели длительные войны и их собственное подчинение Испании. Каждая сфера общественной жизни и каждый департамент правительства требовали капитального ремонта и активизации. Более того, австрийские Нидерланды были такими же католическими, как и прежде. Новый свет восемнадцатого века не достиг духовенства, которое все еще блуждало ощупью в средневековой темноте; и была очевидна необходимость в какой-то новой системе воспитания духовенства. Иосиф II. таким образом, его задача могла бы оказаться сравнительно легкой, если бы он подошел к ней правильным образом и посоветовался с представителями народа, прежде чем проводить реформы, к которым он стремился. К сожалению, он занял другую линию, заявил о своей личной власти и попытался сыграть двойную роль автократа и реформатора, что привело к катастрофическим результатам.

Церковь была быстро оскорблена, поскольку в ноябре 1782 года император издал указ, предоставляющий протестантам гражданскую свободу и позволяющий им строить церкви, пользоваться гражданскими привилегиями, получать университетские степени и занимать государственные должности. Епископы протестовали против всего этого, но их не послушали; и другой эдикт разрешал протестантам открывать школы в любом месте, где проживало сто семей, исповедующих их религию, и хоронить своих умерших по их собственным обрядам. За этими мерами терпимости последовал указ, обязывающий религиозные ассоциации регистрировать всю свою собственность в новом офисе, получившем название Caisse de Religion. Апелляция к папе была отменена, а разрешение споров, связанных с браками, было передано епископам, которые рассматривали свои решения с одобрения или неодобрения гражданских властей. Монастыри были упразднены и превращены в казармы или больницы. Император сделал все возможное, чтобы изменить католическую литургию. Он составил философский катехизис собственного изобретения. Он приказал носить новое облачение. Брак должен был рассматриваться как гражданский договор, и развод должен был быть разрешен.

Самые ревностные приверженцы Церкви признавали, что необходимы новые школы для подготовки молодых священников; но император пытался создать собственную систему вопреки взглядам духовенства. Главным яблоком раздора по этому вопросу стало учреждение Высшего учебного заведения для обучения молодежи, предназначенной для священства. Университет Лувена, старой столицы Брабанта, был одним из самых знаменитых центров образования в Европе; и там новая семинария была основана указом от октября 1786 года, в котором говорилось, что существующие епископальные школы должны быть упразднены, а духовенство будущего должно получать образование в семинарии Лувена. Целью императора, как было объявлено в официальном воззвании, было вернуть духовенство Нидерландов к "примитивному христианству" и заменить монашескую систему образования "энтузиазмом к родной земле и привязанностью к австрийской монархии", уничтожить "Ультрамонтанскую гидру", обучить их науке и философии, искусству и литературе, а также раскрыть им уроки и преимущества современной мысли и прогресса; одним словом, сделать из них полезных граждан и дать им либеральное образование. Но

Церковь не потерпела ничего из этого, а в католических Нидерландах влияние Церкви было подавляющим.

В Брюсселе, конечно, народ не был сильно тронут этими нападка на привилегии духовенства и не встревожен перспективой иметь образованное духовенство и начал роптать только тогда, когда была предпринята попытка помешать кермесам и национальным праздникам, которым они так восхищались; но император продолжал раздражать штаты и Совет Брабанта, которых граждане почитали как хранителей своей свободы, и с этого момента его предприятие было обречено на провал. Штаты заявили, что церковные реформы незаконны; но император проигнорировал их мнение. Собор заявил, что его привилегии были нарушены учреждением нового Апелляционного суда в Брюсселе. И как штаты, так и Совет протестовали против других изменений в системе правления, на которые положил свое сердце император. Совет продолжал заседать вопреки его воле; штаты встретились и отказались голосовать до тех пор, пока их жалобы не будут устранены. Они заявили, что основное блюдо Joyeuse было нарушено, и вскоре не только в Брабанте, но и во всех частях Бельгии люди заговорили о своих правах.[38]

Брабант не был бы Брабантом, если бы в такое время на политической сцене не разыгрывалась какая-нибудь комедия. "Именно в этот момент, - читаем мы, - на сцене появилась женщина, сыгравшая великую роль в Революции. Дама де Беллем, по фамилии Ла Пино, после того как побыла светской дамой в Брюсселе, начала ввязываться в политические дискуссии со всей порывистостью пылкого сердца. Ее близкие отношения с адвокатом Ван дер Нутом, без сомнения, во многом способствовали тому, что она встала на этот путь, по которому за ней последовала ее дочь Марианна, муза того периода, почти не поэтизированной. Обе они помогали врагам Австрии своими перами и своим влиянием на многочисленных молодых людей, посещавших их званые вечера; и улыбки этих двух дам, которые, как говорят, были очень хорошенькими, несомненно, привлекли больше сторонников революционного дела, чем памфлеты матери или стихи дочери".[39]

Анри Николас Ван дер Нут, адвокат и постоянный поверенный по торговым делам в совете Брабанта и возлюбленный дамы де Беллем, был назначен президентом Революционного комитета в Брюсселе и поставил свое красноречие, свойственное оратору толпы, на службу епископам, которые выступили в качестве защитников Конституции. Напрасно Иосиф II протестовал, говоря, что у него не было желания нарушать основное блюдо Joyeuse. Ван дер Нут гремел, Ла Пино писала, ее дочь агитировала, епископы проповедовали против него. Богослужение проходило в Ste. Гудуле, чтобы призвать на помощь Небеса в борьбе с Женерализмом и всеми новыми путями, а также от имени Joyeuse Entrée. Выходя из церкви, некоторые молодые люди надели трехцветные кокарды, и вскоре этот значок стал обычным явлением на улицах. Дела шли все хуже и хуже, и 18 мая 1789 года Брюссель был на грани революции.

Огромная толпа заполнила Гран-Плас, где Штаты заседали в Отель-де-Виль, чтобы обсудить ультиматум, поступивший из Вены, с требованием поставок и подавления Брабантского совета. Штаты отказались от поставок и приказали Совету заседать *на постоянной основе*. Министр императора, граф Траутмансдорф, по очереди умолял и угрожал. "Ваше сопротивление, - сказал он им, - погубит вас". "Император, - ответили они, - может уничтожить нас, но он не может принудить нашу совесть или нашу честь". Затем войска были введены на Гран-Плас. Эскадрон драгун был выстроен между Бродюи и Ратушей, и Штаты были проинформированы о том, что Брабантский джойез-Энтре был подавлен. При этих словах маркиз де Прюдомм д'Айе встал и сказал министру: "Поскольку нам здесь больше

нечего делать, я, сударь, ваш покорный слуга", - и покинул Ратушу, сопровождаемый всеми членами Правительства.

Новости из Парижа, где над головой его сестры Марии-Антуанетты сгущались темные тучи, могли бы заставить Иосифа II призадуматься; но, находясь далеко в Вене, он решил продолжать то, с чего начал. Так революция в Брабанте набрала силу, и Ван дер Нут стал народным кумиром, и весь Брюссель был у его ног. Когда он вернулся из агитационной поездки по провинциям, его приняли с королевскими почестями: на здании ратуши распахнулись красные занавеси, а у дверей Ste. В Гудуле его встретили каноники, которые воскурили перед ним благовония и поместили его на *скамью подсудимых* императора. Он пошел в Монне, где ставили "Смерть Сезара", и актер, игравший Брута, декламировал:

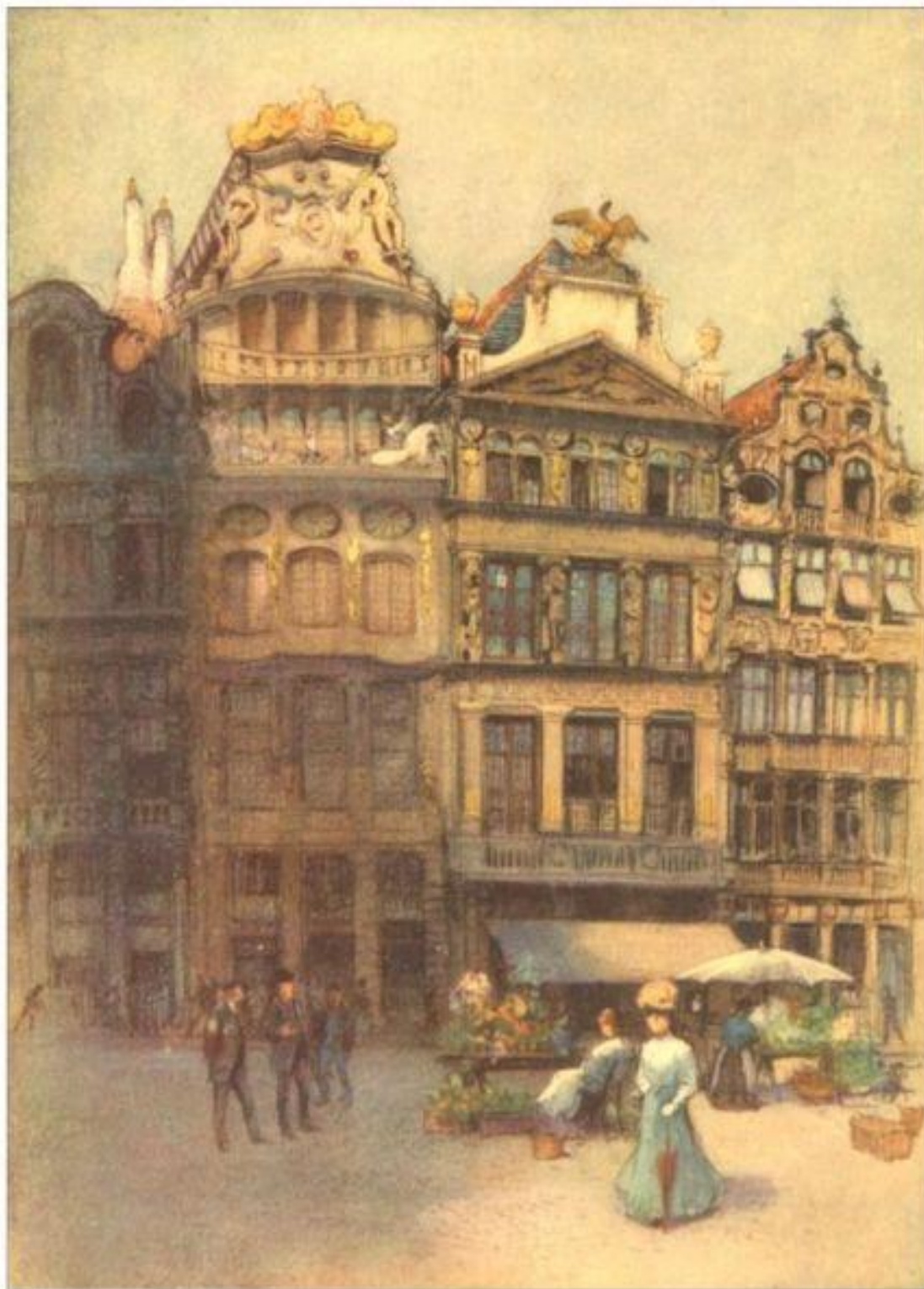
'Sur les débris du trône et de la tyrannie,

Du Belge indépendant s'élève le génie,'

после чего все зрители встали, размахивая шляпами и крича: "Да здравствует свобода! Да здравствует Ван дер Нут!", а игроки увенчали демагога лаврами и приветствовали его как "бельгийского лафайета".

БРЮССЕЛЬ

Старые дома на Гран-плас.

Революция казалась завершенной, когда провинциальные штаты по всей территории Австрийских Нидерландов провозгласили свою независимость и созвали Конгресс Соединенных Штатов Бельгии. Но им нужны были люди более суровые, чем те, кого можно было найти во Фландрии и Брабанте того времени; и конец не заставил себя долго ждать. Крайним клерикалам во главе с Ван дер Нутом противостояли последователи адвоката Вонка. Ван дер Нут всегда надеялся на иностранное вмешательство. Вонк пожелал

бельгийцам самим найти способ спасения. Ван дер Нут и партия Черча были упрямо консервативны. Вонк и его партия хотели, чтобы за изгнанием Габсбургов последовали меры по реформированию. Вонкистам досталось больше всех, потому что массы были против них и выражали свои чувства так, что те, кто знает Брюссель, поймут.^[40] Но лидерам другой стороны не хватило способности противостоять австрийским войскам, которые вошли в Брабант. Добровольческая армия католических Нидерландов, покинутая своим прусским командующим генералом Шенфельдтом, была распущена, и таким образом Брабантская революция сошла на нет.

Иосиф II. умер незадолго до конца и в разгар всех своих бед. Он многое отдал. Семинария в Лувене была закрыта, а закусочная Joyeuse Entrée восстановлена. Но эти уступки пришли слишком поздно, и 20 февраля 1790 года этот Государь с добрыми намерениями скончался, прошептав на ухо принцу де Линью: "Ваша страна стала причиной моей смерти".

Вместо него правил его брат Леопольд. Австрийцы вошли в Брюссель 2 декабря 1790 года; а неделю спустя министры Австрии, Великобритании, России и Голландии подписали Гаагскую конвенцию, которая подтвердила народу католических Нидерландов все права и привилегии, которыми они пользовались при императрице Марии Терезии. Но теперь занавес вот-вот должен был подняться над новой сценой в истории Брабанта и Фландрии.

Сноски

^[38] 'On se mit à exhumer et à méditer les textes de nos anciens privilèges. Nobles, clergé, savants, femmes, gens du peuple, tout le monde parla *joyeuse-entrée*' (De Gerlache, i. 331).

^[39] Ваутерс, ii. 321.

^[40] 'On donnait au Manneken'—the curious little statue in the Rue du Chêne—'un uniforme de volontaire, et chaque quartier de la Ville avait son arbre de la liberté chargé d'allégories patriotiques ou anti-Vonckistes' (Wauters, ii. 393).

ГЛАВА XVI БРЮССЕЛЬСКИЕ ЯКОБИНЦЫ—ВИЗИТ НАПОЛЕОНА—СТО ДНЕЙ

C'est la Belgique,' said Danton, 'qui comblera le déficit de la Révolution.' Парижский конвент видел в богатствах австрийских Нидерландов средство пополнения своей казны и поддержки падающего кредита Франции; и его эмиссары знали, как воздействовать на население Брабанта и Фландрии. "Никто не примет участия в войне, - гласил отчет, отправленный в Париж одним из них, - на улицах, в клубах, в питейных заведениях, в театрах.... Мы обвешали стены плакатами и заставили автострады оглашаться нашими гимнами свободы. Мы забавлялись их фанатизмом и пытались настроить низшие чины духовенства против высших, и таким образом уничтожать священничество за священничеством".

Тем временем армия Республики действовала, и на поле Флерюс-Журдан завершил завоевание, начатое Дюмурье при Жемапе.

Дюмурье, который понимал характер людей, с которыми имел дело, был полностью за примирение. Он не хотел приводить парижских якобинцев в Брюссель и возвышать таких людей, как Шабо и Марат. Он провозгласил, что французы прибыли как друзья и братья, и пообещал обеспечить независимость страны. Превыше всего он хотел примирить Церковь. Но большинство революционеров насмеялись над католицизмом австрийских Нидерландов. "Какая жалость, - сказал Камиль Демулен, - что священники так балуют бельгийцев. Нельзя не удивляться тому, как эти люди, желая сохранить свою свободу, пытаются также сохранить рясы своих монахов"; а Марат, которого не устраивала умеренность Дюмурье, заявил, что из войны ничего не выйдет, "пока нашей армией не будет командовать настоящий *санкюлот*". Итак, после Флерюса Австрийские Нидерланды стали частью Франции.

Умеренные демократы Брабанта были подавлены в первые дни Французской революции экстремистами, которые вели переписку с якобинцами в Париже; и некоторые странные сцены происходили на почтенной Гранд-плас в Брюсселе. Там было установлено Дерево Свободы, вокруг которого мужчины, женщины и дети танцевали карманьолу; а толпа направилась к Королевской площади, распевая "*Ça ira*" и выкрикивая "Марсельезу", привязала веревки к статуе Карла Лотарингского и стащила ее вниз. И, должно быть, это было любопытное зрелище, когда Дюмурье устраивал вечерние приемы, а ремесленники общались плечом к плечу с такими людьми, как герцог д'Урсель и герцог д'Аренберг, которые поначалу, как и другие представители знати, смешались с "красными шапками" и вступили в якобинские клубы, которые, похоже, были тогда в моде.

На собраниях якобинских клубов совершались нелепые вещи. Адвокат Шарль сжигает свой диплом и заявляет, что не хочет никакого титула, кроме *санкюлота*, а затем предлагает изменить названия всех площадей и улиц Брюсселя. Он сказал своим друзьям, что там должны быть площади Атен, Рима, Франции и Улицы Жан-Жака Руссо, Брута, Вольтера, Мнения, философии и Развода.

Один мудрец требует, чтобы древняя конституция Брабанта была сожжена в следующее воскресенье во время церемонии "Освящения флага *санкюлотов*". "Пусть также будет сожжен бюст Ван дер Нута", - добавил он; на что другой государственный деятель встает и восклицает: "Я требую, чтобы в день рождения мальчика Ван дер Нут обморок де ла Пино, *sa bonne amie*". Ясно, что без-Брюссельские *кюлоты* были всего лишь мишурной имитацией подлинного парижского изделия. В Париже все было трагедией; Брюссель развлекался бурлеском. Но время шло, и до этих потенциальных якобинцев и *санкюлотов* дошло, что Революция означает борьбу в армиях Франции и что все в Церкви и государстве должно быть перевернуто с ног на голову, они начали терять самообладание и задолго до октября 1795 года, когда произошло официальное присоединение к Франции, им порядком надоело маскироваться под якобинцев.

Пять лет спустя они так же устали от Директории, как и от Конвента; но когда в 1803 году Наполеон прибыл в Брюссель, его хорошо приняли. Однако по этому поводу было много притворного энтузиазма, и его самый успешный визит состоялся в 1811 году, когда он привез с собой императрицу Марию Луизу. Брюссель тогда показал, что, несмотря на Брабантскую революцию, Австрийский дом сильно пользовался симпатиями граждан. "Вуаля, Мария Луиза д'Отриш!" - раздавалось на улицах. Город устраивал праздники в ее честь; и однажды вечером, когда императрица была в Монне и привезла с собой букет тюльпанов из Гарлема, который выпал за край ее ложи, джентльмены сбежались со всех концов театра и подобрали осколки, которые они проделали в петлицы. "Императрица, очаровательная девушка Брюссельской галантереи", - говорится в местном отчете об этом инциденте.

Наполеон был в Лакене с Марией Луизой, когда решался вопрос о кампании в России. История гласит, что, получив известие о том, что царь отказался от Континентальной системы, он сразу же начал насвистывать песню "Мальборо с'эн ва-т-эн герре" и выбежал на территорию дворца в такой ярости, что чуть не сбил императрицу с ног. Именно в Лакене было подписано роковое объявление войны.

Как только союзники вошли в Нидерланды после поражений Франции в 1812 и 1813 годах, им был оказан радушный прием. Между четырьмя и пятью часами вечера 1 февраля 1814 года французский арьергард покинул Брюссель; и примерно через час первые казаки, отряд из полудюжины человек, въехали через Лувенские ворота, быстро проехали через город и продолжили преследование французской армии. За этими разведчиками следовали большие силы кавалерии и пехоты. Прусская пехота нашла заготовки, и казаки легли и заснули рядом со своими лошадьми на снегу на улице Фрипье,^[41] горожане стояли рядом и удивлялись их странной одежде и языку. Вскоре город был полон солдат, некоторые из которых остались там, в то время как другие устремились во Францию.

Весть о капитуляции Парижа достигла Брюсселя 3 марта. Звонили в колокола, палили из пушек, а дома были освещены. Затем, один за другим, города, которые все еще держались, сдавались. Один Карно, командовавший Антверпеном, не подавал никаких признаков уступки; но в середине апреля, когда делались последние приготовления к отправке Наполеона на Эльбу, он спустил триколор, и великая крепость на Шельде вместе с остальной Бельгией перешла в руки союзников.

Это было почти непреложным правилом международной политики в Европе, когда заканчивалась какая-нибудь большая война и готовился какой-нибудь мирный договор, что люди должны спрашивать друг друга, что делать дальше с католическими Нидерландами. Богатое наследство Бургундского дома переходило из рук в руки австрийцами, испанцами и французами, и ни один государственный деятель никогда не задумывался о желаниях жителей; и теперь, в 1814 году, Великие державы, сначала тайно, решили создать новое государство, состоящее из объединенных Голландии и Бельгии, и назвать его Королевством Нидерландов, с Вильгельмом Оранским-Нассауским на троне. Он прибыл в Брюссель в июле 1814 года, еще не как король, поскольку Венский конгресс должен был определить карту Европы и распределить добычу, но как губернатор от имени союзников; и в конце года его сын, королевский принц, принял командование армией союзников в Бельгии.

Той зимой 1814-15 года они весело провели время в Брюсселе, как всем известно. Но 1 марта Великий Человек высадился во Франции; а две недели спустя Оранжевый флаг был поднят в Брюсселе, и новый король объявил, что он не намеревался принимать на себя королевскую власть до завершения работы Конгресса в Вене, и все их решения могут быть выполнены совместно, но что недавние события во Франции заставили его решить больше не ждать.

5 апреля герцог Веллингтон в спешном порядке вернулся из Вены и поселился в доме по соседству с Отель де Франс, на углу улицы Монтань-дю-Паре и Королевской улицы.

И вот в течение этих замечательных Ста дней, о которых так много написано, взоры всей Европы были прикованы к Парижу и Брюсселю. Но в Генте жили несколько хороших людей, которые считали себя самыми важными людьми в мире, что вполне могло быть, учитывая, какие были предприняты усилия и какие океаны крови предстояло пролить, чтобы обеспечить им безопасный отъезд из Восточной Фландрии и возвращение во Францию, откуда они недавно бежали в большой спешке.

Louis XVIII. он лежал на диване в Тюильри, страдая от мучительных мук подагры, когда ему принесли депешу с известием, что Наполеон пробыл во Франции последние пять дней и в этот момент находится на пути в Париж. Немедленно были начаты приготовления к бегству с такой же секретностью, как и к тому ужасному путешествию в *Берлине*. Все держалось в секрете, и никому, кого можно было обмануть, не доверяли. В ночь, назначенную для отъезда, один из министров был во дворце. Король никак не намекнул ему, но, когда он уходил, капитан гвардии прошептал: "Мы выступаем через час; передача приказана; встречайте нас в Лилле". Они отправились в путь, и путешествие было крайне неприятным. Шел проливной дождь. Дороги были по уши в грязи. Королевский чемодан был украден вместе со всем королевским гардеробом. Королевская подагра была самой мучительной; и в Лилле гарнизон был угрюм. Со всех сторон были трехцветные значки. Орлов вытащили из рюкзаков, а лилии нигде не было видно. Было очевидно, что здесь нельзя оставаться надолго, и поэтому король пересек границу и направился в Гент, где ему предложили поселиться в великолепном особняке графа д'Ан-Стинхейза.^[42] Он оставался там с комфортом до окончания битвы при Ватерлоо.

Люди, приехавшие в Брюссель в первую неделю июня, были удивлены, обнаружив, каким мирным и веселым был город. Все читали рассказы о том, что произошло, и эта история рассказывалась снова и снова, и нигде лучше, чем в "*Ярмарке тщеславия*", которая представляет собой замаскированную историю в главах, где Амелия вторгается в Нидерланды. 14 Июня Наполеон, перейдя границу, был в Шарлеруа, по дороге в Брюссель, и весь Брюссель говорил о танце, который герцог и герцогиня Ричмондские давали на следующий день в своем доме на улице Бланшиссери, в бальном зале с газетой "узор из шпалер с розами".^[43]

Странной была ночь в Брюсселе, та ночь на 15 июня 1815 года. К восьми часам герцог отдал приказ войскам выступить на рассвете, поскольку он знает, что Наполеон пересек границу. Затем он отправляется на бал, чтобы дожидаться следующей депеши. В одиннадцать часов, когда танцы в самом разгаре, послание доходит до него. Он ускоряет марш на два часа, и по всему городу начинают звучать горны. "В бальном зале было слышно, - рассказывает генерал Бриальмон, - грохот пушек и ровный топот полков, марширующих к Суаньи". Герцог ложится в постель и засыпает к двум часам, но многие из его офицеров продолжают танцевать, пока не приходит время спешить к своим полкам

Было бы бесполезно повторять историю следующих трех дней. Ее рассказывали сотни раз. Ясный, освежающий рассвет; солдаты, собирающиеся по своим квартирам; расставания; марширующие полки, "Черный дозор" и 92-й горно-пехотный под аккомпанемент играющих на волынках, через парк и Королевскую площадь, удаляющиеся вверх по улице Намюр и по дороге за ней, туда, где мягкий свет раннего утра начинает разливаться среди полей Суаньи; звуки интенсивной стрельбы 16-го; тишина 17-го при известии о том, что Блюхер проиграл день при Линьи и что Веллингтон отступает назад. из Катр-Бра; повозки и материальное обеспечение армии весь день медленно продвигаются по улице Намюр; ужасное ожидание 18-го, когда никто не может успокоиться.

"Мы гуляли почти все утро, - рассказывает леди де Роз, - не в силах усидеть на месте, слыша стрельбу и не понимая, что происходит". Около трех часов наблюдательный мистер Криви отправился прогуляться за крепостной вал. "Я прошел около двух миль от города, - пишет он, - по направлению к армии, и это была самая любопытная, оживленная сцена, на дороге было полно всего, воскресное население Брюсселя было все в пригородах Порт-Намюр, сидело

за столами, пило пиво и веселилось, как будто происходили скачки или другие спортивные состязания, а не грандиозное сражение, которое тогда разыгрывалось". Примерно через час после этого Камберлендские гусары галопом пронеслись через Порт-де-Намюр, вниз по улице и через Королевскую площадь. , кричали, что французы наступают, и подняли такую панику. Только поздно ночью правда стала известна.

А в Генте? В целом у них там все было очень хорошо. Подагра доставляла много хлопот, но Людовик XVIII. обладал огромным аппетитом бурбонов и ел очень много. Однажды граф д'Ане устроил большой обед, на котором король умудрился съесть сотню устриц на десерт. Некоторые придворные обычно ходили в таверну в пригороде и ели маленькую белую рыбку, очень почитаемое в Генте лакомство, которое вылавливали там в реке. Шатобриан, который был одним из придворных в изгнании, присутствовал на обеде, где они сидели за столом с часу до восьми. "Они начали, - говорит он, - со сладостей, а закончили котлетами. Только французы умеют вкусно обедать. Они играли в вист и ходили в театр. Каталани пел для них на концертах, а также наедине, чтобы доставить удовольствие королю. Когда королевская подагра позволяла, король ходил на мессу в церковь Святого Бавона. Но в течение последних трех дней его величество очень нервничал и тайно готовил свою карету к очередному вылету.

BRUSSELS

Rue de Namur.

18-го Шатобриан прогуливался за городом у брюссельских ворот, когда подъехал курьер из Алоста с депешей от герцога де Берри. "Бонапарт, - говорилось в нем, - вступил в Брюссель вчера, 17 июня, после кровопролитного сражения. Сегодня сражение должно было начаться снова. Говорят, что союзники потерпели полное поражение, и отдан приказ к отступлению. "Весь Гент был в смятении. Прибыл граф д'Артуа и подтвердил плохие новости. Многие бельгийцы, служившие во французской армии, немедленно начали снова служить под началом Наполеона. Были сделаны приготовления к немедленному выступлению, но в час ночи следующего дня пришла депеша с известием о победе. 22 Июня король покинул Гент, чтобы снова взойти на трон, который был сохранен за ним такой ценой.

Место великой битвы удивительно мало изменилось с тех пор. Уровень земли в центре гребня, занятого союзниками, был понижен в результате вывоза земли для создания кургана Бельгийского Льва; деревья, под которым герцог Веллингтон и его штаб стояли с перерывами в течение дня, давно нет; трамвайная линия проходит мимо фермы Ла-Эй-Сент в направлении Катр-Бра и Шарлеруа; а на дороге между Ватерлоо и Мон-Сен-Жан построено несколько домов. Но общий вид полей, на которых происходил бой, остался прежним. Справа, если смотреть со стороны Мон-Сен-Жан, находится замок Угумон, наполовину разрушенный выстрелами, но все еще сохранившийся таким, каким он был после битвы, с его стенами фруктового сада и высокими темными деревьями. Фермерский дом Ла-Э-Сент, это место кровавой бойни, все еще стоит там, где он был, на обочине дороги, ведущей вниз по склону, а затем вверх из узкой долины к Ла-Бель-Альянс, рядом с которым сейчас находится памятник Раненому орлу, мемориал последним бойцам армии, сражавшимся и проигравшим с такой несравненной доблестью. Каждый ярд земли священен. Во всем мире нет места, где британец и француз могли бы встретиться с более глубокими чувствами взаимного уважения, чем на склонах близ Мон-Сен-Жан.

ВАТЕРЛОО

Ферма Ла Бель Альянс и курган, увенчанный бельгийским львом.

Сноски

[41] Улица, которая ведет от площади Монне к Бирже.

[42] Этот прекрасный дом сейчас находится под номером 63 на улице Шан, резиденции графа де Буизи, который женился на дочери мадам Борлуут, прямого потомка графа д'Анэ 1815 года рождения.

[43] *Воспоминания леди де Рос* (леди Джорджины Леннокс).

ГЛАВА XVII

ПРАВИТЕЛЬСТВО НИДЕРЛАНДОВ—РЕВОЛЮЦИЯ 1830 ГОДА

Однажды, вскоре после битвы при Ватерлоо, царь Александр был в La Belle Alliance с Вильгельмом, королем Нидерландов, и его сыном принцем Оранским. Он попросил бокал вина и выпил за *"прекрасный союз не только наций, но и семей"*.

Только что был улажен брак великой герцогини Анны Павловны с принцем Оранским, и все дворы Европы полагали, что тревожный вопрос о Нидерландах был наконец окончательно решен союзом Голландии и Бельгии при династии Нассау, которая теперь должна была вступить в союз посредством брака с одной из Великих держав, возводивших ее на трон нового Королевства.

Английское правительство устроило так, что принц Оранский, наследник Королевства Нидерланды, женился на принцессе Шарлотте, наследнице английского престола; и об их помолвке было объявлено Генеральным штатам в Гааге в марте 1814 года. Но этот план провалился по причинам, с которыми все знакомы: возражения принцессы Шарлотты, которая не желала покидать Англию, и чем больше она его видела, тем меньше ей нравился принц; ее пристрастие к безденежному принцу Леопольду Саксен—Кобургскому, за которого она впоследствии вышла замуж; и интриги великой герцогини Ольденбургской с целью расторгнуть брак, чтобы добиться заключения брака между ее сестрой, великой герцогиней Анной Павловной и принцем Оранским.

Соответственно, принц был женат на великой княгине. Его характер — беспечный, любящий удовольствия и экстравагантный - сделал его очень популярным в Брюсселе, и он проводил как можно больше времени в своем тамошнем дворце или в замке Тервуэрен. Он предпочитал бельгийцев своим соотечественникам - голландцам, чьи суровые манеры ему не подходили. Вскоре после женитьбы он отправил секретное послание герцогу Веллингтону, под началом которого служил во время войны на Пиренейском полуострове и во время Ста дней, с просьбой воспользоваться влиянием герцога, чтобы получить разрешение на размещение своего Двора в Брюсселе. Веллингтон отказался вмешиваться во внутренние дела и в ответ на предположение принца о том, что его присутствие в Брюсселе могло бы помочь сдержать недовольство бельгийцев, сказал, что он сомневается в заявлениях о недовольстве Бельгии, *поскольку многие люди и даже нации заинтересованы в расторжении союза Голландии и Бельгии*.

Королю и королеве Нидерландов было очень трудно убедить принца посетить их в Голландии. Общественный совет Брюсселя встретил их в Гааге с поздравительным адресом по случаю их вступления в должность. "Я не знаю, - сказала королева, - что вы делаете, чтобы удержать моего сына в Брюсселе; но он так любит вас, что мы его здесь почти не видим". Для стабильности его трона было бы лучше, если бы король проводил больше времени в Брюсселе, поскольку вскоре начали проявляться признаки того недовольства, о котором принц написал Веллингтону, и он, возможно, принял бы предупреждение, пока не стало слишком поздно, если бы знал правду.

Как и Иосиф II, Вильгельм взошел на трон с благими намерениями; как и он, он с самого начала оттолкнул духовенство; и, как и он, он пытался дать католическим Нидерландам либеральную конституцию на своих собственных условиях. Его целью было сделать их свободными и счастливыми, но "Я сделал это один" должно быть написано поверх всего. В его характере сочетались мудрые идеи и голландское упрямство; и одной из главных причин разногласий между ним и духовенством был тот нескончаемый вопрос образования, из-за

которого партии борются в Бельгии по сей день. Дело было не в том, что он хотел сделать южные провинции протестантскими. Но он был настроен на повышение интеллектуального уровня страны; и с этой целью он основал, среди прочих учреждений, Философский колледж в Лувене, где молодые священники должны были получать всестороннее образование в соответствии с духом времени — план, которому Церковь сопротивлялась так же, как она сопротивлялась Женералю Иосифа II, и с таким же успехом.

Король по-разному отчуждал как народ, так и священников. Хотя Генеральные штаты заседали попеременно в Гааге и Брюсселе, все крупные департаменты исполнительной власти находились в Голландии. Действительно, там они были бы в большей безопасности в случае войны; но было высказано недовольство тем, что некоторых из них не было в Брюсселе, Антверпене или Генте. Большинство официальных лиц были голландцами, что, как говорили, доказывало стремление к превосходству голландцев, хотя голландцы составляли меньшинство населения Соединенного Королевства. Пресса атаковала правительство и подвергалась суровому наказанию в соответствии с системой указов, исходящих от личной власти короля. Использование голландского в качестве официального языка было введено вопреки желанию большинства. Голландские методы налогообложения были распространены на Бельгию, и проблемы были вызваны тем фактом, что Голландия выступала за Свободную торговлю, а Бельгия - за защиту. И, конечно, южные провинции были католическими, а северные - протестантскими, что больше всего на свете поддерживало с ними плохие отношения. Наконец, у всех сложилось впечатление, что политика короля заключалась в принесении интересов бельгийских провинций в жертву интересам Голландии; и в результате две великие партии, или школы мысли, которые всегда яростно противостояли друг другу, католики и либералы, объединились, чтобы выступить против правительства.^[44] Это было в 1829 году. В следующем году июльское восстание в Париже, в результате которого был свергнут Карл X и на трон Франции взошел Луи Филипп, показало бельгийцам, как легко может быть избавиться от правителя, которым они были недовольны; и когда новости из Парижа дошли до Брюсселя, улицы и кафе были полны людей, читавших газеты и говоривших друг другу: "Вот способ восстания! Да здравствуют баррикады! Да здравствует народ!"

В Брюсселе проходили дни, беспокойство населения росло. 24 августа был день рождения короля, и велись приготовления к празднованию его с необычайной пышностью. Парк должен был быть иллюминирован, а в Порт-де-Намюр должен был состояться фейерверк. Но жители Брюсселя тем летом 1830 года не могли успокоиться празднествами. На стенах были обнаружены вывешенные плакаты со зловещими словами: "23 июля - Художественная ложа; 24 июля - Иллюминация; 25 июля - Революция". До королевского прокурора также дошли предупреждения о том, что назревает беда, и празднества были отменены по той причине, что ожидалась плохая погода!

Вечером 25-го числа в театре Монне должны были сыграть "Мюэтт де Портичи" Обера. Эту оперу не раз запрещали, чтобы она не вызвала беспорядки; но теперь было получено разрешение на ее исполнение, и театр был полон. Каждую песню о восстании приветствовали, и кульминацией стали слова дуэта из 4-го акта:

'Amour sacré de la Patrié,

Rends-nous l'audace et la fierté?'

Публика встала и выбежала на площадь Монне, разгоряченная песнями, которые они только что услышали, и кричащая: "Свобода! свобода!" Затем собралась толпа, и начались

беспорядки. На Ратуше был поднят старый флаг Брабанта, и следующие два дня в городе царил смятение.

Из Гааги был послан приказ подавить "восстание" силой, и голландские войска под командованием принца Фредерика, второго сына короля, двинулись маршем на Брюссель. В течение почти месяца предпринимались попытки угроз, обещаний, переговоров. Но повстанцы отказались сдаваться. Среди народа бродили платные агитаторы; люди высокого положения возглавили организацию восстания; были возведены баррикады; отовсюду прибывали добровольцы; епископы дергали за ниточки, а сельские священнослужители подстрекали своих прихожан к восстанию; вся Фландрия и Брабант вскоре были вооружены, и 23 сентября голландцы двинулись на Брюссель.

Последовали три дня отчаянных уличных боев. Голландцы удерживали парк, но не смогли проникнуть на Королевскую площадь, которая была защищена мощной баррикадой. Каждый дом на улице Руаяль был полон повстанцев, которые стреляли из окон по голландцам. В других частях города было такое же упорное сопротивление. Борьба продолжалась три дня. На закате стрельба прекратилась, и рабочие в одних блузах сидели, выпивая и хвастаясь своими подвигами в кафе, в то время как их лидеры встречались в Ратуше и совещались о завтрашнем дне, а голландцы расположились бивуаками в парке и на бульварах. Каждое утро на рассвете со стороны Сент-Луиса звучал набат. Гудула, и люди бросались на баррикады.

На рассвете 27 сентября все было тихо, когда небольшая группа повстанцев прокралась в парк и двинулась вперед под прикрытием деревьев. Они обнаружили, что парк пуст. Ночь была очень темной, и на рассвете голландцы молча ушли и теперь маршировали прочь от Брюсселя.

Это был ослепительный солнечный день, и пока с башен Сент-Луиса доносились звуки бурдона. Гудула, и всадники разъезжали по стране с новостями, население стекалось ко дворцу. Мужчины в блузах, с черными от пороха руками и лицами, торговцы, священники, адвокаты, хорошо одетые дамы и оборванные ведьмы, юноши и девушки, молодые и старые, входили, толкаясь, смеясь, распевая песни. Они нанесли небольшой ущерб, но изрубили портреты короля — бедного короля, который так хорошо относился к своему королевству. Были осмотрены личные покои королевы, вскрыты ее гардеробные. Один юноша нашел богатое платье, "великолепную церемониальную мантию из белого бархата, расшитую золотом". Он вытащил ее, надел, а поверх нее мантию оранжевого цвета. Со шляпой "*в стиле Марии Стюарт*" на голове он совершил вылазку. Толпа с криками "Королева в плену!" окружила его со смехом, а затем сорвала с себя наряд и растерла его в пыли. Был вынесен мраморный бюст короля. Они положили на него корону голландского сыра и носили ее повсюду с криками "Долой первого и последнего короля Нидерландов!" Во время боев погибло много жизней, но это был Брюссель. Все это сильно отличалось от Парижа и падения Людовика и Марии-Антуанетты.

Основная работа Венского конгресса была провалена, и король Вильгельм поручил барону Фальку, своему послу при Сент-Джеймском дворе, просить о вмешательстве от его имени. Британское правительство ответило, что войска не могут быть отправлены; что Пять Великих держав должны встретиться в Лондоне; и что политика Великобритании будет заключаться в предотвращении беспорядков в Нидерландах, ведущих к нарушению мира в Европе.

Как полномочные представители Великобритании, Франции, России, Австрии и Пруссии встретились на конклаве по утомительному вопросу о Нидерландах; как Лондонская конференция признала независимость католических Нидерландов, определила их границы и сделала их нейтральными; как в то же время Национальный конгресс в Брюсселе объявил, что Дом Нассау отказался от трона, избрал первым королем независимой Бельгии принца Леопольда Саксен-Кобургского и разработал, под влиянием Ламенне и его учеников, Конституцию, демократические принципы которой дышат духом Жуайеза. Брабантское блюдо - это события, которые составляют часть общей истории современной Европы.

Сноски

[44] Вопрос о тарифах был одним из скреп союза. На политическом обеде 9 июля 1829 года, когда был произнесен тост за союз католиков и либералов, на стенах было написано одно из нескольких изречений: "Нотр-индустриэ, агриколь и мануфактура, единая система управления защитой пондере; без всякой защиты, труд чужеземцев в прекрасном месте, где процветает нотр-Марчелла, место национального труда" (К. Роденбах: *Отчеты о революции во Фландрии*, стр. 82).

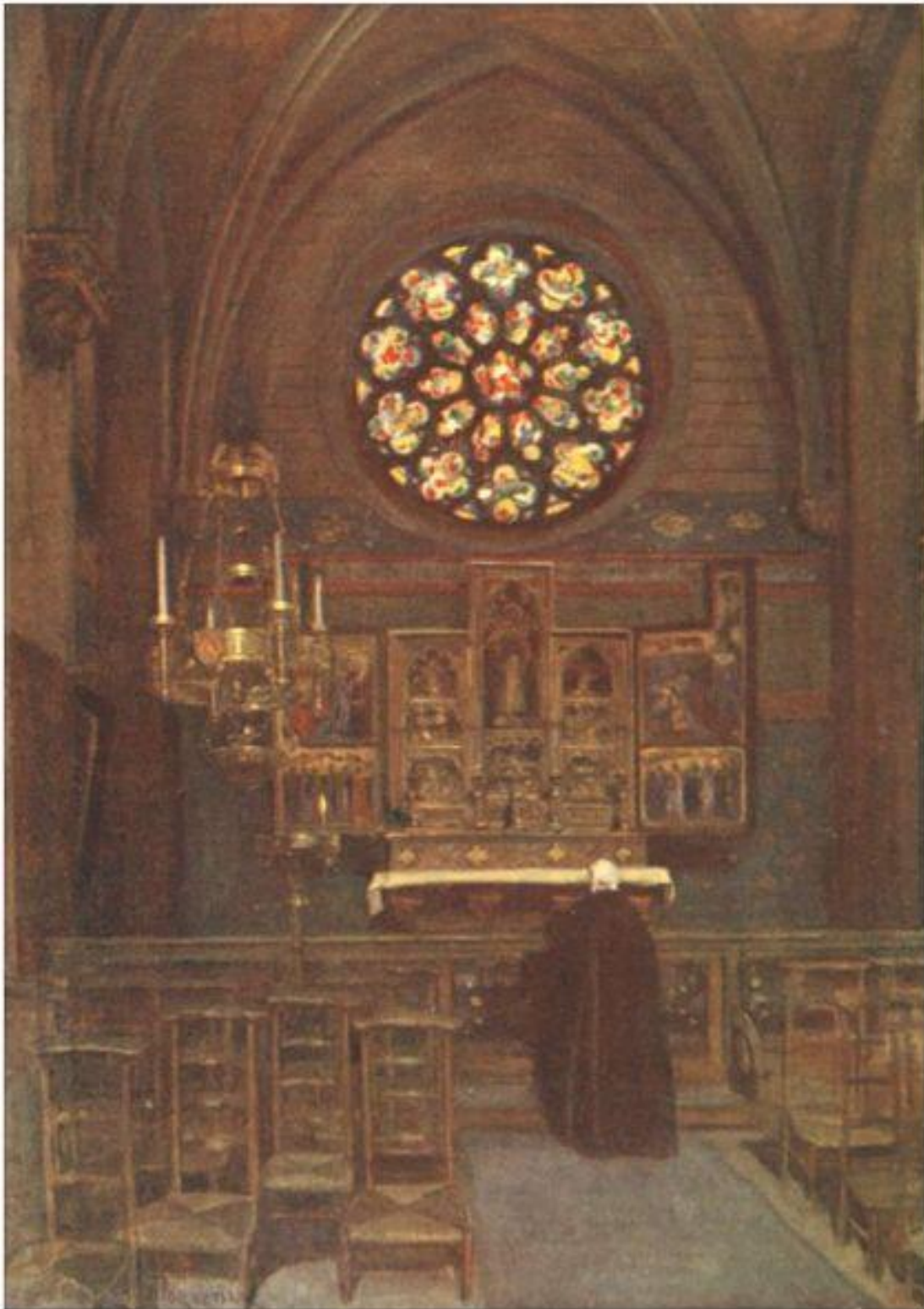
ГЛАВА XVIII ПРЕВРАТНОСТИ АНТВЕРПЕНА

Когда Наполеон был в Антверпене в 1803 году, он говорил в Общинном совете о плачевном состоянии этого места. "Это немногим лучше, - сказал он, - чем груды развалин. Это едва ли похоже на европейский город. Я почти мог поверить, что этим утром нахожусь в каком-нибудь африканском городке. Все должно быть построено — гавани, набережные, доки; и все будет построено, ибо Антверпен должен воспользоваться огромными преимуществами своего центрального положения между Севером и Югом и своей великолепной и глубокой рекой".

Антверпен действительно представлял собой жалкое зрелище. Его торговля сошла на нет. Ряды убогих домов с деревянными фронтонами 300-летней давности смотрели вниз на каналы, забитые тиной и отбросами. Причалы на берегах благородной реки Шельда представляли собой всего лишь груды гнилых бревен. Половина церквей, из которых давно исчезли витражи и богатые украшения прежних времен, были закрыты. На пустынных улицах росла трава, а за стенами этого пустынного города жило население, насчитывавшее всего около 40 000 душ. Таковым в начале девятнадцатого века было государство Антверпен, которое когда-то было центром европейской торговли и крупнейшим морским портом в мире.

АНТВЕРПЕН

Кафедральный собор—часовня святого Иосифа.

Расположение Антверпена недалеко от устья могучей реки, которая делала его доступным для рынков не только Фландрии, но и всех частей света, куда можно было добраться по воде, с давних времен сделало его одним из главных городов Брабанта. Но долгое время Брюгге и Гент, после того как их грозный соперник Ипр канул в лету, поглощали большую часть торговли Нидерландов. Эти великолепные города пали; торговля, сделавшая их великими,

нашла свой путь в Антверпен; и к середине шестнадцатого века, когда воды Цвейна, доставлявшие в Брюгге столько дорогих тюков, иссякли, широкие просторы Шельды были покрыты бесчисленными кораблями, прокладывавшими свой путь туда, где обосновались купеческие князья Италии, Германии и Англии, в город, который теперь был больше даже Венеции или Генуи. Каждую неделю в антверпен въезжало 2000 тяжело груженных повозок. Шелк, атлас, бархат и гобелены; золото, серебро и драгоценные камни; специи и сахар из Португалии и Испании, обогатившиеся теперь благодаря завоеванию ими Индии; вина из Франции и Германии — все попадало в Антверпен. Мануфактуры фламандских городов отправлялись по тракту Шельды в самые отдаленные части света; но Англия, Испания и Португалия были странами, куда вывозилась большая часть грузов, и они были настолько богаты, что однажды содержимое тринадцати кораблей, захваченных пиратами, было оценено в 500 000 *золотых экю*.^[45]

Уже при герцогах Брабанта и Бургундии город разросся далеко за свои первоначальные пределы; но богатство, великолепие и значительно возросшее население, которые принесло с собой замечательное процветание шестнадцатого века, побудили Карла V. издать указ о том, что стены должны быть расширены, и границы теперь стали теми, которые окружали его до недавнего времени.

Кафедральный собор Нотр-Дам, до сих пор являющийся славой Антверпена, был самым большим и богатым церковным зданием в Нидерландах. Недалеко от собора находился Вличюи, ныне известный как Вьей Бушери, солидное здание из красного кирпича, отделанное рядами белого камня, с пятью шестиугольными башенками, возведенное Гильдией мясников, интерьер которого в те дни был украшен искусной резьбой, картинами и мраморными статуями. Сейчас он окружен убогими домами в самой убогой части города; но его массивный вид, даже в упадке, дает представление о могуществе и богатстве той, что не была ни самой могущественной, ни самой богатой из гильдий.

На Гран-Плас, как и на Гран-плас Брюсселя, были и другие здания гильдий, отличавшиеся причудливыми фронтонами и высокими фасадами, каждое из которых принадлежало какой-нибудь крупной корпорации. Там же находился Отель де Виль, построенный из мрамора и называемый "чудом света", недавно возведенный на месте более раннего здания, которое больше не считалось достойным Антверпена, который, свергнув с престола своего соперника Брюгге, теперь гордые жители называли "Королевой Севера". Во всех частях этого богатого города банкиры и коммерсанты — Фуггеры, Грешемы, Стеттенсы, Спинолы и многие другие — построили для себя роскошные дома и ежедневно встречались на бирже, где совершалось больше сделок, чем где-либо еще в Европе. .

АНТВЕРПЕН
Старая Бушери.

Но в течение десяти лет произошли два события, первое из которых разрушило внутреннюю красоту собора, а второе положило начало падению коммерческого процветания города.

В 1566 году ежегодный Оммеганг был назначен на воскресенье, 18 августа. Те, кто видел толпы, которые в наше время собираются в городах Бельгии, когда по улицам проходят процессии, которые все еще так привлекательны для жителей католических Нидерландов, могут составить некоторое представление о сильной враждебности, которую возбудило в сердцах реформаторов суеверное почитание украшенного драгоценными камнями образа Богородицы, который в тот день пронесли по улицам Антверпена. Ибо инквизиция действовала уже пятнадцать лет, и тысячи людей уже отправились на эшафот или погибли на костре, и жизнь ни одного человека не была в безопасности, если он не преклонял колена по приказу мрачного деспота, который преследовал страну во имя католической церкви. Образ Пресвятой Девы, великолепные облачения священников, украшения церквей, знамена религиозных обществ, благовония, наполнявшие воздух, более того, само Воинство - все это было так много символов угнетения. Поэтому неудивительно, что после того, как процессия вернулась в собор, боевой клич "Да здравствуют нищие!" прозвучал подобно спичке, поднесенной к пороху, и ярость простых людей вырвалась наружу. Семьдесят мраморных алтарей, среди которых алтарь Святого Причастия, строительство которого длилось сорок лет, были разрушены. Три органа, лучшие в христианском мире, были разнесены в щепки. Деревянные конструкции церкви, киоски, исповедадьни, кафедры, резные стулья были сломаны. Статуи святых были сброшены. Великолепные сосуды из золота и серебра, богато расшитые одежды и знамена были растоптаны. Красиво затемненные окна были разбиты. Образ Пресвятой Богородицы был разорван на куски. Когда вандализм подошел к концу, было замечательно, что само здание избежало разрушений.

При разрушении кафедрального собора Антверпена протестантами не было пролито крови, даже ни одного священника; ни одна женщина не была оскорблена, и бунтовщики не унесли никакой добычи.[\[46\]](#) Но через десять лет началась оргия грабежей, убийств и изнасилований, известная как "Испанская фурия".

АНТВЕРПЕН

Старые дома на улице Императора.

Цитадель, построенная Альвой, чтобы внушить страх городу, была занята в 1576 году гарнизоном испанцев, которым не выплачивали жалованье и которые с тоской смотрели на Эльдорадо, лежащее в их руках. Защитниками были немцы и валлоны, только что прибывшие из Брюсселя. Это были наемники, на которых нельзя было положиться, да и сами бюргеры были не так выносливы, как раньше. Утром 4 ноября испанцы, подкрепленные отрядом мятежников из Алоста, прорвались сквозь густой туман, нависший над болотами

Шельды, и ворвались в город. В течение трех долгих дней по улицам лилась кровь. Мужчины, женщины и дети были безжалостно преданы мечу. Общественные здания и частные жилища были разграблены. Весь город был подожжен. Женщины подвергались насилию; были жестокие пытки; и были совершены все возможные преступления. Многие утонули в реке при попытке к бегству. Груды мертвых лежали на Гранд-Плас. От ратуши, где бургомистр и большинство магистратов встретили свою смерть, не осталось ничего, кроме голых стен. Городские архивы погибли в огне. Восемь тысяч трупов лежали среди тлеющих руин — ибо эта резня была более смертоносной, чем резня в День Святого Варфоломея. "Город, который раньше был миром богатства и великолепия, превратился в склеп, и с того времени его коммерческое превосходство было подорвано".^[47] В течение четырех лет испанской ярости почти вся торговля Антверпена была переведена в Амстердам, и время окончательной катастрофы было уже близко.

Умиротворение Гента, объединившее все провинции Нидерландов в союз против Испании, сильно повлияло на ярость испанцев в Антверпене; но северная и южная провинции быстро отделились друг от друга и через три года были разделены надвое. Дипломатия принца Пармского была столь же роковой для дела свободы, как и пожары Алвы. Голландия выстояла и была спасена в долгой, изнурительной борьбе. Бельгия остановилась между двумя мнениями и была потеряна. Брюссель, политическая столица, держался до тех пор, пока его не заставили сдаться голодом; Брюгге капитулировал; и большинство известных городов рано или поздно были взяты или смиренно заключили мир с Испанией. Но овладение Антверпеном было делом гораздо большей важности, чем судьба любого другого города, и осада, которую Парма вела с такой энергией и мастерством, была самой серьезной военной операцией во время сражения в Нидерландах. Ибо Антверпен, хотя и был обречен на разрушение испанской яростью и быстро тонул, все еще оставался торговой столицей Нидерландов. "Антверпен был стержнем, от которого должна была зависеть судьба всей страны, возможно, всего христианского мира. "Если мы возьмем Антверпен", — говорили испанские солдаты — так часто, что это выражение вошло в пословицу, - "вы пойдете с нами на мессу; если вы спасете Антверпен, мы все пойдем с вами на собрание"."^[48] Население было большим, около ста тысяч человек. Ратуша, центр гражданской жизни, была уже отстроена; город, несмотря на ужасающую потерю торговли, еще не оставил надежды восстановить свое положение; и Вильгельм Молчаливый перед своей смертью в 1584 году указал средства обороны — разрушить дамбы, удерживавшие Шельду в ее русле, и затопить все луга вокруг города, чтобы помешать испанцам перекрыть реку, возведя мост, который преградил бы проход кораблям, от которых город — в случае осады — зависел бы в течение многих лет. запасы продовольствия. Этот совет не был принят. Гильдия мясников, чьи стада паслись на лугах, которые предлагалось затопить, возразила, собралась во Вличейсе и послала депутацию к магистратам, которые дрогнули перед ними. Другие гильдии вместе с большинством горожан отказались верить, что через Шельду можно перебросить мост, и магистраты решили не следовать плану принца Оранского. Таким образом, Парма смогла занять берега реки и построить форты, которые угрожали городу и защищали армию рабочих, которые вскоре были усердно заняты строительством моста, который должен был перекрыть канал. В то же время, хотя его собственная позиция оставалась сухой, дамбы на некотором расстоянии были открыты, и равнины на многие мили вокруг превратились в пустошь с мелководьем.

АНТВЕРПЕН

Арка под Вьей Бушери.

Осада длилась семь месяцев. Некоторое время продовольствие доставлялось в город на кораблях, которым удавалось пробиться из Флашинга мимо испанцев; но блокадники рассчитывали на большую отдачу за свой риск, и когда магистраты оказались настолько глупы, что ввели ограничение на цены на пшеницу, поставкам извне пришел конец. Строительство моста шло медленно, но верно. Погода была холодной и ненастной. Река во время зимнего разлива делала задачу почти невыполнимой; но испанцы трудились с удивительным терпением и отвагой, и, наконец, 25 февраля 1585 года их работа была завершена, и Шельда была закрыта. Гарнизон предпринимал отчаянные попытки с помощью вылазок, брандеров - всего, что они могли придумать, — уничтожить работу Пармы, но все было напрасно. Горожане дрожали от перспективы голода. Англия и Голландия присылали помощь, но в Антверпене нельзя было найти таких мужественных сердец, как те, которые столетием позже поддерживали оборону Лондондерри до тех пор, пока не был подавлен бум. Начались переговоры, и после долгого обсуждения условий капитуляция была подписана 17 августа 1585 года. Условия капитуляции не были жесткими. Была объявлена амнистия, и гарнизон получил боевые почести; но в одном Филипп был неумолим — не должно быть ни свободы совести, ни религии, кроме Римской.

Что это значило для Антверпена, вскоре стало очевидно. У Реформации там было много учеников.^[49] Им было предложено сделать выбор между отказом от своей религии или отъездом из страны. Был установлен двухлетний период, в течение которого протестантские торговцы и протестантские рабочие Антверпена, от деловых способностей и труда которых зависело процветание города, могли оставить свои предприятия и покинуть свои дома; и для того, чтобы подрастающее поколение с самых ранних дней дышало чисто православной

атмосферой, Парме было поручено следить за тем, чтобы подбор учителей оставался в руках иезуитов, чтобы ни один протестант не имел права голоса в воспитании молодежи. Антверпен пострадал от этой политики нетерпимости точно так же, как ровно сто лет спустя Франция пострадала от отмены Нантского эдикта. Цвет населения уехал, унося с собой то, что осталось от их богатства, и, что было еще большей потерей, их навыки и привычки к труду. "Бедный город самый заброшенный и нищий, все еретики покинули его", - таковы были собственные слова Пармы.[\[50\]](#)

АНТВЕРПЕН

Консьерж музея Плантен-Моретус.

Жители Антверпена вполне могли бы применить к себе слова, сказанные Жераром Трюхзесом из Кельна, когда он сетовал на пассивность немецких князей во время смертельной борьбы против Рима и Эскуриала: "Мы найдем нашу погибель в нашем неумеренном желании мира". Мира они добились, но мира, который не принес им

облегчения и оставил их лицом к лицу с голодом; ибо Сидни — тот Сидни, о котором предание повествует хорошо известную историю о том, как он напоил водой раненого солдата, - позаботился о том, чтобы ни один бушель пшеницы не был съеден. пронесся вверх по Шельде мимо Флашинга, который он занимал в качестве губернатора английской королевы, к тому месту, которое сейчас является испанским городом.[51]

В течение двадцати четырех лет Шельда была строго блокирована голландским флотом, а торговля с Антверпеном, которую Парма хотела бы восстановить, совершенно прекратилась. Проблеск надежды появился, когда в 1609 году в Антверпене представителями эрцгерцогов Альберта и Изабеллы и Генеральных штатов Голландии было подписано Двенадцатилетнее перемирие. Но город пал так низко, что многих лет едва ли хватило бы, чтобы поднять его; и какой бы прогресс ни последовал за перемирием, он закончился Мюнстерским мирным договором. Закрытие Шельды стало политической догмой для голландцев; и четырнадцатая статья договора закрывала ее для торговли с Брабантом и Фландрией, к большой выгоде морских портов Голландии.[52]

Примерно в 1590 году среди учеников одной из школ, основанных иезуитами в Антверпене после великой осады, был мальчик, родители которого дали ему апостольское имя Питер Павел. Его отцом был Джоаннес Рубенс, выдающийся юрист, который был мировым судьей Антверпена во время разрушения статуи в соборе и чье имя было в списке лиц, подозреваемых в кальвинизме. Бургомистр и магистраты торжественно заверили правительство, что он вне подозрений; но Рубенс, который, несомненно, был кальвинистом, опасаясь инквизиции, покинул город и уехал со своей женой в Германию. Там он был вовлечен в интригу с Анной, дочерью курфюрста Мориса и второй женой Вильгельма Молчаливого. Рубенс был отправлен в тюрьму, а затем сослан в Зиген, где к нему присоединилась его жена. Принцесса, проведя несколько лет в тесном заключении, умерла в 1577 году. В тот год, за год до Испанской ярости, 28 июня, в канун праздника Святых Петра и Павла, родился мальчик, который впоследствии стал знаменитым художником. Через десять лет после рождения сына Иоанн Рубенс умер в Кельне, и его вдова, вернувшись в Антверпен, поселилась в доме, где раньше жила со своим мужем, на площади Меир. Там юный Рубенс провел свои школьные годы. Если в то время в Антверпене шкафы были пусты, то исповедальни были полны, и вдова, отрекшись от заблуждений кальвинизма, отправила своего сына в школы, которые с момента сдачи Пармы находились в руках католического духовенства.

Когда его образование было закончено, он пошел учиться живописи у Вениуса, чья студия находилась тогда на улице под названием Rue Sale,[53] из-за, как говорят, крайней грязи, а также у Ван Ноорта, который преподавал на улице дю Жарден. После этого он восемь лет путешествовал по Италии и Испании, находил друзей и рисовал, всегда рисовал и изучал искусство. До него дошла весть, что его мать заболела, и он поспешил обратно в Антверпен, но по прибытии обнаружил, что она уже мертва. Не имея больше никаких родственных связей, он собирался вернуться в Италию, и Антверпен едва не потерял его, когда эрцгерцоги Альберт и Изабелла убедили его остаться. Это было в 1608 году. В следующем году он женился на Изабель, дочери Жана Бранта, городского клерка Антверпена, и поселился на улице дю Куван, где были написаны многие из его самых известных работ.

Вскоре, однако, он построил особняк, в котором прожил до конца своей жизни, на том, что сейчас называется улицей Рубенса,[54] к югу от площади де Меир. Он сам нарисовал планы по образцу какого-то дворца, который знал в Италии, расписал стены фресками и наполнил его диковинками, которые собрал во время своих путешествий. В своем большом саду он воздвиг "Пантеон" с куполом, где расставил картины, античные статуи и бюсты, камеи,

медали, порфиновые вазы и другие сокровища, которые присылали ему друзья из Италии. Его студия представляла собой огромную комнату, из которой самые большие полотна легко спускались по лестнице, которая, по описанию одного из его биографов, была похожа на лестницу королевского дворца.

Мы много знаем о его образе жизни в Антверпене и о том, как Двор Альберта и Изабеллы отправлял его с дипломатическими поручениями во Францию, Испанию, Голландию, Англию, и везде его принимали с почестями. Дома, ранним утром (летом он вставал в четыре), уже побывав к мессе, он работает в своей мастерской и любит слушать, как он рисует какому-нибудь другу, который прочтет ему из Цицерона или Плутарха, или с кистью в руке с бесконечной живостью беседует с гостями, которые пришли навестить его. После прогулки в своем саду он ужинает скромно и очень трезво, поскольку, по словам Ван Хассельта, опасается воздействия вина на свое воображение; а затем работает в своей студии до позднего вечера, после чего садится на одну из своих прекрасных лошадей и скачет до заката. Вечером он ужинает так же скромно, как и обедал, и заканчивает день дома, в кругу своих самых близких друзей, единственного общества, о котором он заботился. Эта насыщенная, счастливая жизнь величайшего гражданина Антверпена закончилась 30 мая 1640 года. Статуя на площади Верте[55] была установлена в ознаменование двухсотлетия со дня его смерти; но плод его трудолюбия - лучший памятник его славы.

Недалеко от площади Верте находится Торговая площадь Вендреди, где в 1578 году Кристофер Плантен, "Рубенс печатного станка", выставил свои работы. История жизни Плантена - это роман о труде. Он родился в Туре в 1514 году в богатой семье по фамилии Терселен; но так как его отец потерял свое состояние, он сменил фамилию на Плантен и нашел работу переплетчика в Кане. Женившись там, он уехал в Антверпен и открыл небольшой магазинчик, в котором занимался своим собственным ремеслом, пока его жена продавала ткани. История гласит, что однажды ночью во время карнавала он был ранен какими-то маскарадистами, которые приняли его за другого человека. Чтобы замаять это дело, они заплатили ему определенную сумму денег, на которые он купил пресс и шрифты, начал печатать альманахи и книги для детей, и делал это так хорошо, что вскоре у него был процветающий бизнес.

АНТВЕРПЕН

Верная площадь.

Первой важной работой, выпущенной в издательстве Plantin Press, была "Инструкция единственной дочери благородного дома", перевод с итальянского, появившийся в 1555 году. Его репутация росла, и через тринадцать лет он смог приобрести участок на рынке Вендреди. Его имя, как и имя Джоаннеса Рубенса, было внесено в список подозреваемых кальвинистов после взлома имиджа, и в его типографии был проведен обыск. Но не было найдено ничего, что подтверждало бы обвинение в ереси, и его ортодоксальность, должно

быть, была установлена вне всяких сомнений, поскольку Филипп не только нанял его для изготовления знаменитой полиглотской Библии, но и передал ему монополию на печатание молитвенников для всей Испанской империи.

После его смерти в 1589 году бизнес, который теперь имел филиалы в Париже, Лейдене и Франкфурте, продолжил его зять Жан Муренторфф, семья которого впоследствии сменила свою фамилию, в соответствии с педантичной модой того времени, на Моретус. Музей Плантен-Моретус с жилыми комнатами и их мебелью эпохи Возрождения; шрифты и прессы шестнадцатого века; старые корректурные листы, выглядящие так, словно печатник только что оставил их; гобелены и картины; и причудливый внутренний дворик со старой виноградной лозой, которую, по преданию, посадил там сам Плантен, — вот место, где 300 лет назад можно составить некоторое представление о семейной жизни и окружении богатого бизнесмена в Нидерландах.

Но хотя Рубенс писал картины, а фирма Плантена печатала и разбогатела, Шельда все это время скатывалась к морю, на ней почти не было ни одного паруса; и судоходная торговля Антверпена все еще находилась во власти голландцев, когда наступил восемнадцатый век. Утрехтский мирный договор передал католические Нидерланды Австрии, но не освободил Шельду. Напротив, положения Мюнстерского мирного договора были подтверждены, и когда в 1785 году, спустя столетие после взятия Пармой Антверпена, Иосиф II. потребовал вскрытия великой реки, этот же Мюнстерский мирный договор был развернут в качестве ответа. Таким образом, когда грянула Французская революция и армия Республики захватила Австрийские Нидерланды, Шельда была блокирована, а судоходство Антверпена было разрушено более чем на 200 лет.

АНТВЕРПЕН

Музей Плантена-Моретуса (бутик Arrière).

В ноябре 1792 года Конвенция объявила Шельду свободной рекой и приказала ее генералам осуществить это заявление силой оружия против голландцев. мистер Питт был готов сохранять нейтралитет в войне между Францией и Австрией; но с этим нарушением Мюнстерского и Утрехтского договоров, которые предоставляли голландцам исключительное судоходство по Шельде, он не согласился. Помимо вопроса о правах по договору, тот факт, что береговая линия от Шельды на запад, с Антверпеном на одном конце и Дюнкерком на другом, и от Шельды на север до Тексея, находилась в руках Франции, предполагал постоянную опасность вторжения; не говоря уже о возможном ущербе для торговли Англии из-за ограничений, которые недружественная держава могла бы наложить на английскую торговлю с Антверпеном, если бы Антверпен, как это было несомненно, снова стал крупным морским портом, когда Шельда была свободна. Англия была готова признать Республику, когда вопрос о Голландии и Шельде сделал войну неизбежной. Таким образом, Антверпен снова стал стержнем, от которого зависел мир в Европе.

Хотя Шельда стала французской рекой в 1797 году, после Кампо-Формио, и хотя Гаагская конвенция уже отменила судоходные сборы, Антверпен не продвинулся в восстановлении, когда Наполеон прибыл туда в 1803 году. Он углубил гавань, усилил укрепления, потратил огромные суммы на улучшение сообщения с Амстердамом и другими местами в Нидерландах и намеревался сделать большой морской порт напротив устья Темзы своей главной военно-морской базой. Он даже планировал строительство нового города. Англия в равной степени осознавала ценность Антверпена. Экспедиция Вальхерена, этот дорогостоящий провал,[56] была предпринята, чтобы нанести удар по этому жизненно важному месту; и Шатийонская конференция 1814 года сорвалась, потому что Наполеон не захотел сдавать Антверпен. Он не мог решиться отпустить это. Много времени спустя он сказал: "Антверпен был для меня провинцией сам по себе. Это было главной причиной моего изгнания на остров Святой Елены, ибо именно необходимая сдача этой крепости заставила меня отказаться от условий, предложенных в Шатийоне. Если бы они оставили это мне, мир был бы заключен". И это все еще было у него, когда наступил конец. Карно был там — "железный Карно, дальновидный, невозмутимый" - и удерживал крепость, пока император не отрекся от престола.

Торговля возродилась с созданием Королевства Нидерландов. К 1830 году население увеличилось до 70 000-80 000 человек. Во время бельгийской революции в городе была сильная оранжевая партия, поскольку Шельда для Антверпена — то же, что Нил для Египта, - его жизнь; а союз с Голландией гарантировал свободу реки.

Однако в то время Антверпен пострадал от голландцев больше, чем Брюссель. Генерал Шассе, старый солдат Империи, проживший там несколько лет, командовал войсками в цитадели.[57] Под его началом находилось от 2000 до 3000 человек. Форты и крепостные валы были вооружены почти 300 тяжелыми орудиями, а в Шельде, недалеко от города, стояли девять боевых кораблей. За перестрелкой между некоторыми бельгийскими повстанцами и голландцами последовала яростная бомбардировка. В течение семи часов цитадель, форты на другом берегу реки и корабли продолжали вести огонь. Дома сотрясались от грохота больших пушек и треска мушкетной пальбы. Ужас и смятение были неопишуты на улицах, которые после наступления темноты были освещены пламенем, вырывавшимся из церкви Святого Михаила, сгоревшей дотла. Был нанесен большой ущерб, но, к счастью, корабли находились так близко к берегу, что их снаряды прошли над крышами домов, иначе весь Антверпен мог бы быть разрушен. Шпиль собора был заметным объектом, возвышавшимся высоко над площадью Верте в самой многолюдной части города. Снаряды

пролетели мимо него и над ним, но только три причинили какой-либо вред: один обрушил башню, а два пробили крышу и разорвались в нефе.

Ветер донес звуки канонады до Брюсселя, где после захода солнца люди увидели, как небо на востоке окрасилось красным; и некоторые члены Революционного правительства были отправлены в Антверпен, где заключили перемирие. Голландцы по-прежнему владели цитаделью, но эта бомбардировка, произошедшая 27 октября 1830 года, положила конец последним надеждам на примирение между бельгийскими провинциями и Домом Оранских-Нассау.

АНТВЕРПЕН

Рейд у Тет-де-Фландрии.

С 1830 года торговля Антверпена значительно возросла, и не так давно Шельда была настолько перегружена судоходством, что туда не допускались никакие суда, кроме регулярных лайнеров, поскольку в доках не было свободных мест. Этот факт говорит сам за себя. В настоящее время Антверпен является крупнейшим портом на европейском континенте. В мире Лондон занимает первое место, Нью-Йорк - второе, но Антверпен занимает третье место; и для удовлетворения этого огромного товарооборота в течение следующих нескольких лет планируется построить три мили дополнительных набережных. В прошлом году бургомистр города сказал, что торговый флот Великобритании был там настолько выдающимся, что Антверпен был, "с коммерческой точки зрения, одним из самых важных британских портов в мире". Германия и Англия, однако, ведут борьбу за превосходство. Они опережают всех конкурентов; но судоходные компании Гамбурга и Бремена являются самыми могущественными в городе, и, хотя в течение последних двадцати

лет британская торговля в Антверпене неуклонно росла, торговля Германии увеличилась еще больше и, кажется, быстро обгоняет торговлю Англии.

Присутствие немецкого элемента на берегах Шельды - самая яркая черта современного Антверпена. Была обеспечена чрезвычайная власть над его торговлей и промышленностью, а также над общественной жизнью города. Торговая палата полна немецких членов. Существует многотысячная немецкая колония. Существуют немецкие клубы и школы, а в деловых домах можно найти бесчисленное количество клерков со всех концов Германии. Эти факты придают некоторую окраску столь часто звучащему предсказанию о том, что приближается время, когда Антверпен окажется под властью немецкого Цольферайна, и что это будет первым шагом к реализации тех амбиций, которые, начавшись с торгового союза с Голландией и Бельгией, должны одержать победу в поглощении этих стран или, по крайней мере, Голландии и Антверпена Германской империей. Хорошо известно, что Нидерланды считают, что их независимость находится в опасности. Бельгийское правительство намерено потратить миллионы на расширение укреплений Антверпена. Со всех сторон ставится под сомнение долговечность соглашения, принятого Лондонской конференцией 1830-1831 годов.

Речь идет о больших интересах; и именно в рамках возможностей будущего Антверпен может снова стать стержнем, от которого зависит мир в Европе. Устье Шельды все еще находится там, где оно было во времена Наполеона, — напротив устья Темзы.

Сноски

[45] Моке, стр. 390 (3-е издание).

[46] Смотрите Motley, *Восстание Голландской Республики*, часть ii., глава ii., доказательства этого.

[47] Мотли, *Расцвет Голландской Республики*, часть iv., глава vi.

[48] Мотли, *История Соединенных Нидерландов*, глава v.

[49] 'Nulle part en Belgique les nouvelles croyances n'avaient jeté des racines aussi profondes' (Моке, 426). Улица Турне была кварталом, где проживало большинство кальвинистов. Из списка подозреваемых лиц, составленного в 1567 году, следует, что едва ли полдюжины семей, живших там, были свободны от обвинения в ереси.— Thys: *Historique des Rues et Places Publiques de la ville d'Anvers*, p. 77.

[50] "Через несколько лет после покорения Антверпена статистические документы показали, что почти все производства льна, грубых и тонких тканей, саржи, фустианов, гобеленов, золотого шитья, arrasских изделий, шелка и бархата были перенесены в города Голландии и Зеландии, которые процветали, в то время как Фламандские и брабантские города были просто притонами воров и попрошайек". - Мотли: *История Соединенных Нидерландов*, Приложение к главе V.

[51] Битва при Зютфене, в которой сэр Филип Сидни получил ранение, от которого скончался, произошла 2 октября 1586 года, через тринадцать месяцев после сдачи Антверпена.

[52] Правильное прочтение статьи XIV. часть Мюнстерского мирного договора была оспорена. See De Gerlache, i. 70. However, 'Quoi qu'il en soit,' says Baron De Gerlache, 'l'Escant demeura fermé; les Hollandais en tenaient les deux rives; le commerce d'Anvers

et de la Belgique fut ruiné par la faiblesse et la lâcheté de l'Espagne, et par la connivence égoïste des autres puissances.'

[53] Теперь улица Отто Вениуса.

[54] Затем улица Баскюль, или "Ваппер", широкая улица с каналом посередине, заполняющая, по-видимому, пространство между восточной стороной современной улицы Рубенса и западной стороной современной улицы Вапперс. В 1611 году, когда Рубенс строил свой дом, канал, который раньше проходил посередине площади Меир, некоторое время был перекрыт.

[55] Кладбище собора до 1784 года.

[56] Наполеон считал, что экспедиция была мудро задумана и что, если бы она не была так глупо выполнена, Антверпен мог быть взят в результате *государственного переворота*. Что касается тактики английских генералов, то, по его словам, "это битва за жизнь и за человечность" (О'Мира, *Наполеон на острове Святой Елены*, i., 238).

[57] 'Il commandait depuis quelques années à Anvers, où ses aventures amoureuses lui avaient donné une terrible réputation. C'était une sorte de Lovelace en cheveux blancs, forte redouté des mères de famille.'—De Leutre, ii. 81.

ЛЬЕЖ И АРДЕННЫ

ЛЬЕЖ И АРДЕННЫ

ГЛАВА XIX

ЛЬЕЖСКОЕ КНЯЖЕСТВО

На карте Бельгии периода средневековья и вплоть до периода Французской революции показаны очертания обширной территории, лежащей к югу от Брабанта. На западе она простирается до французских владений; на востоке - Германия и герцогство Лимбург; герцогство Люксембург ограничивает ее с юга. Эта территория была известна как Льежское княжество.

Внешний вид этой части Бельгии полностью отличается от других провинций. Река Семуа, берущая начало недалеко от Арлона, столицы бельгийского Люксембурга, течет по тихим лугам медленным и спокойным ручейком, окаймленным камышом и ивами, пока не достигает западной оконечности горных лесов Арденн. Там она впадает в узкую извилистую долину, поросшую густым лесом, со скалистыми лощинами и берегами, такими крутыми, что в некоторых местах нет даже пешеходной тропинки, и путешественникам приходится перебираться с борта на борт в лодках, когда они пробираются вдоль берега ручья. Выйдя из этого ущелья, она пересекает французскую границу и впадает в Маас близ Монтерме. Оттуда Маас течет на север, пока не впадает в Бельгию недалеко от города Живе.

Романтическая долина Мааса простирается на многие мили мимо Хастьера с его аббатством одиннадцатого века, мирного Вальсорта, некогда бенедиктинского поселения, а ныне

любимого летнего курорта, и живописного замка Фрейр с его ухоженными садами. По обе стороны тянутся крутые склоны, поросшие деревьями и кое-где прерываемые смелыми, выдающимися скальными вершинами. Милая деревушка Ансеремме раскинулась вдоль дороги вдоль реки, а рядом с ней Лессе устремляется вниз, между нависающими деревьями и высокими утесами, навстречу Маасу. Затем следует Динан, расположенный на правом берегу реки, ниже крепости, возвышающейся на крутом склоне холма. От Динана Маас петляет до того места, где Самбр впадает в него в Намюре, и так далее до Льежа и Маэстрихта.

ЗАМОК ВУЛЬСОР На МААСЕ

К югу от этой долины Мааса, на протяжении мили за милей, широкое холмистое плоскогорье покрыто густыми лесами, где водятся олени и дикие кабаны, или переходит в широкую холмистую местность, усеянную деревьями, фермерскими домами, церковными шпилями, современными замками и руинами феодальных крепостей, примостившихся на неприступных скалах.

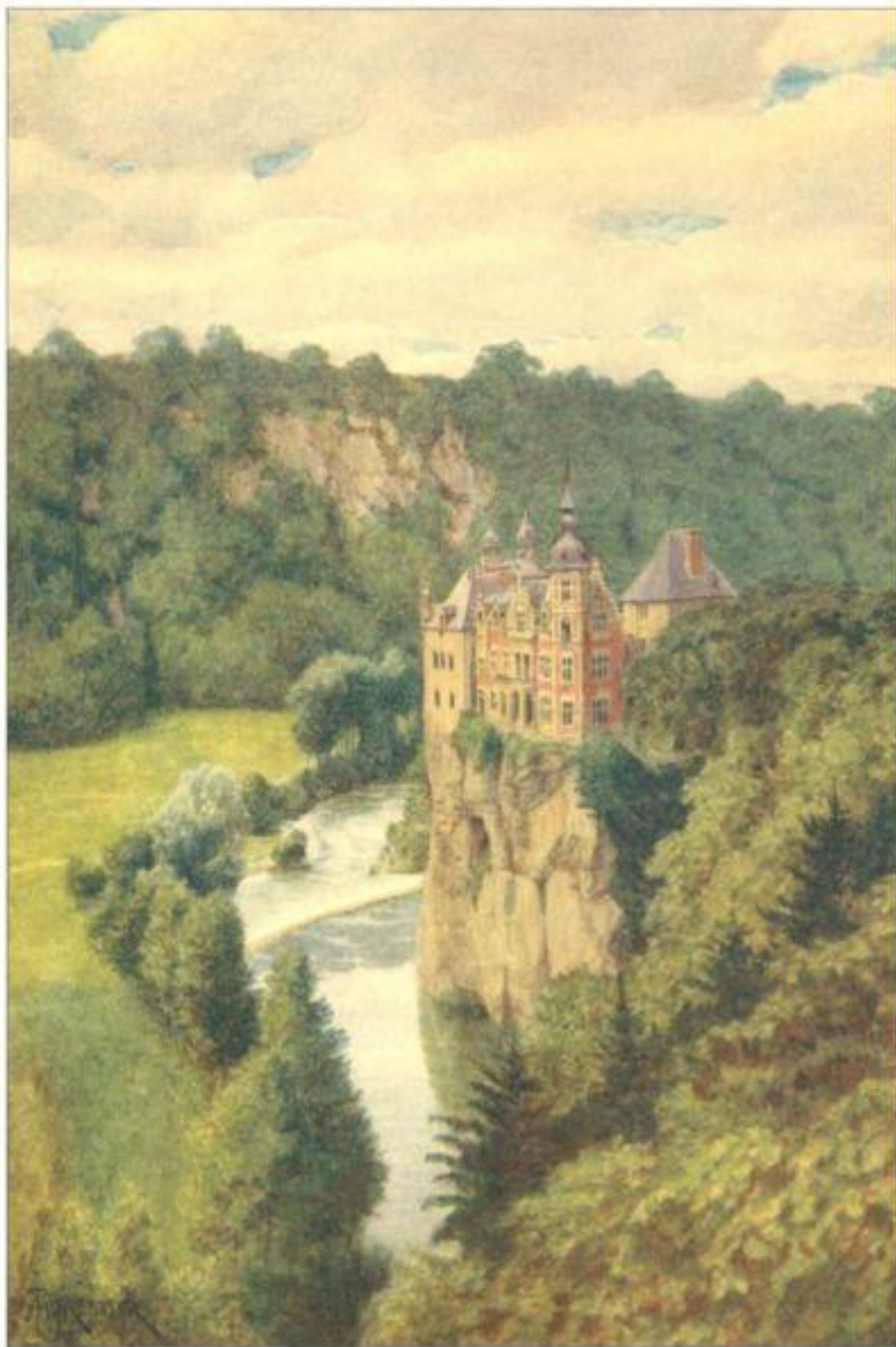
Таким образом, внешний вид этого региона не имеет ничего общего ни с какой другой частью Бельгии, с плоской, густонаселенной равниной, которая простирается к югу от побережья Фландрии. Люди тоже другие — совсем другого типа, и большинство из них говорит на другом языке. Ибо это страна валлонов, этой трудолюбивой расы, чья склонность к напряженному труду отличает их от беззаботных людей Фландрии и Брабанта, и чей язык представляет собой разновидность старофранцузского, смешанного со словами, происходящими от немецких корней.

В то время как, более того, древняя история северной Бельгии - это история великих торговых городов, разбогатевших и торговавших со всеми частями света, с торговыми князьями и членами гильдий в качестве великих людей, история этих южных провинций - это длинная

история о том, как Льежское княжество возникло из хаоса мелких владений, существовавших в шестом веке, и управлялось не мирянами, а династией священников, которые воевали и заключали союзы на равных условиях с окружающими князьями. Это история о феодальных баронах, о рыцарской романтике, об ужасных деяниях, о свирепых бандитах, о епископах, которые вели армии в поле боя и проливали кровь, как воду, часто по очень пустяковым причинам.

Когда в конце XV века Бельгия была самой богатой страной Европы, долина Мааса и обширные Арденнские леса оставались пустынными. Когда при Бургундском доме Фландрия и Брабант процветали и богатели, Льежское княжество обнищало и погрязло в нищете. Оно оставалось отдельным и независимым и, следовательно, имело свою собственную историю — историю государства, управляемого духовенством, знатью и народом; где налоги не могли взиматься без согласия этих трех сословий; где ни один человек не мог быть осужден иначе, как судьями и в соответствии с законами; где такая вещь, как произвольный арест, была неизвестна, по крайней мере в теории; где дом самого бедного подданного был неприкосновенен; но где, несмотря на все эти привилегии, год за годом происходили одна революция за другой, все ужасы внешней и внутренней войны и бесчисленные акты жестокости, угнетения и предательства.

ЗАМОК ВАЛЬЗИН В ДОЛИНЕ ЛЕСС

Такое положение вещей продолжалось, почти без перерыва, до конца семнадцатого века, после чего страна, хотя и истощенная, продлила свою независимость еще на сто лет, пока вместе с остальной Бельгией не была присоединена к Франции и разделена на несколько

департаментов. В более поздние времена, начиная с падения Наполеона и Венского конгресса и вплоть до настоящего времени, он разделил судьбу современного королевства Бельгия.

Всю историю невозможно рассказать в рамках нескольких страниц, но можно изложить достаточно, чтобы, возможно, заинтересовать тех, кому посчастливится путешествовать по этой части Европы.

ГЛАВА XX РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЛЬЕЖА—ЕПИСКОП НОТГЕР—МИРОВОЙ СУД

Что касается города Льеж в прежние времена, то история гласит, что однажды святой Монульф, епископ Тонгрский, путешествуя из Местрихта в Динан, поднялся на возвышенность, откуда увидел несколько деревянных домов, приютившихся под горой, возвышавшейся над Маасом. Спустившись, он подошел к ручью, впадавшему в реку. Он спросил его название, и ему сказали, что оно называется Легия. Тогда епископ сказал своим спутникам, что на этом месте возникнет великий город, прославленный в летописях христианской церкви. Он построил там небольшую часовню, которая в последующие годы была заменена великолепным собором, посвященным святому Ламберу, и заложил основы светской власти епископов Льежа, наделив церковь в долине Мааса землями, которыми он владел в окрестностях Динана.

Но в то время и на долгие годы вперед Льеж был незначительной деревней, населенной несколькими людьми; и только в конце VII века он стал резиденцией епископства, которое было основано там святым Губертом около 697 года.

Святой Губерт был сыном герцога Аквитании. Покинув родную страну по политическим причинам, он нашел убежище при дворе Пепина д'Эрсталя, отца Карла Мартелла и деда Карла Великого. Дворец Пипина находился тогда в Жюпиле, ныне маленьком городке на правом берегу Мааса, примерно в трех милях от современного Льежа, но в те дни это была резиденция двора и любимый дом Пипина, который обладал королевской властью над всей окрестной страной.

ЕПИСКОПСКИЙ ДВОРЕЦ—ВНЕШНИЙ ДВОР, ЛЬЕЖ

Хорошо известна легенда о том, что Хьюберт был настолько предан охоте, что охотился даже по церковным праздникам, и как к его обращению привело то, что в одну Страстную пятницу он увидел оленя со сверкающим крестом между рогами. Более трезвая история приписывает перемену в жизни, превратившую могучего охотника в священника, благочестивым советам святого Ламберта, епископа Местрихтского, который убедил его отправиться в паломничество в Рим, где он, наконец, решил посвятить себя делу религии. Он был в Риме, когда пришло известие, что Ламберт был убит в отместку за то, что публично осудил порочную жизнь любовницы Пипина Альпаиды. Узнав об этой трагедии, папа сделал Хьюберта епископом Мейстрихта и перенес епископство в Льеж, который под его правлением превратился из простой деревни в большой город, окруженный стенами, построенный на земле, подаренной Карлом Мартеллом, впоследствии прославившимся как великий защитник христианского мира в битве при Туре, и сыном того Альпаида, который был ответственен за смерть Ламберта. Были созданы муниципальные законы и суды для отправления правосудия, и вскоре последовала регулярная система правления. Епископ Хьюберт проводил большую часть своего времени среди лесов и гор, уже не как охотник, а как миссионер; и мощи святого покровителя охотников, скончавшегося в мае 727 года, до сих пор хранятся в часовне в городе Сент-Хьюберт, который находится посреди обширного леса на южном плоскогорье Арденн.

Льеж процветал при императоре Карле Великом, который даровал городу важные привилегии и обогатил епископов, которые постепенно приобрели ту светскую власть, которой они обладали так долго, после того, как огромная империя Карла Великого распалась на куски в девятом веке.

Настоящим основателем светской власти князей-епископов Льежского княжества, по-видимому, был Нотгер, которого Отон Великий поставил епископом в 971 году. Он укрепил стены города и дал понять, что в епархии должны поддерживаться закон и порядок. Но у знати были свои феодальные замки, из которых они совершали вылазки, чтобы грабить и угнетать своих более слабых соседей, а недалеко от Льежа находился замок Шевремон. Эта крепость стояла на холме недалеко от места современного водопоя Шодфонтен и была окружена коттеджами вассалов барона, а также несколькими часовнями и религиозными домами, основанными беглецами, нашедшими там убежище в годы нормандского нашествия, когда были опустошены Льеж, Местрихт, Тонгрес и богатые аббатства Мальмеди и Ставело.

Когда Нотгер приехал в Льежский престол, Иммон, шатлен Шевремона, наводил ужас на всю страну на многие мили вокруг. Он совершал набеги на деревни, забирал урожай с немногих обработанных полей, а иногда въезжал в пригороды Льежа, брал жителей в плен и требовал за них выкуп. Люди умоляли Нотгера защитить их, но он долгое время не мог найти никаких средств подчинить себе своего грозного соседа или заключить с ним соглашение. Наконец, однако, он увидел возможность. Леди де Шевремон родила сына, и ее муж, решив, что только какой-нибудь высокопоставленный сановник Церкви должен иметь честь крестить его наследника, попросил епископа Льежского совершить церемонию. Нотгер колебался, но в конце концов отправил сообщение, что сделает то, что от него требуется.

В назначенный день сеньор Шевремон со своей сторожевой башни увидел епископа, приближавшегося к замку во главе длинной процессии священников, облаченных в великолепные облачения и распевających псалмы. Похвалив усердие прелата, который приехал крестить своего сына с такой необычной пышностью, он приказал опустить подъемный мост и открыть ворота замка. Процессия вошла, и, когда все собрались во внутреннем дворе, епископ Нотгер обратился к Иммону.

- Сеньор, - сказал он, - этот замок больше не ваш, он мой.

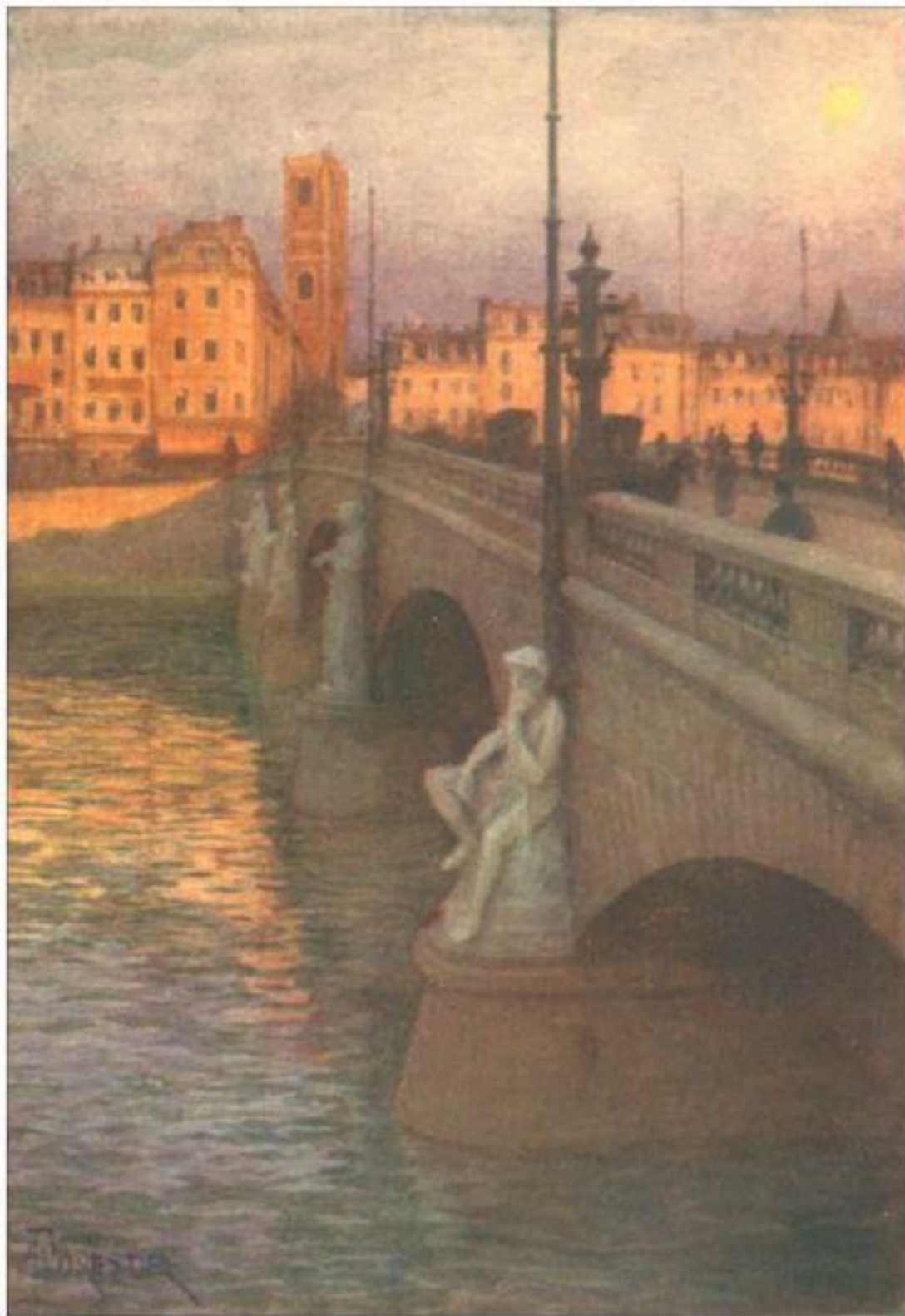
- Что ты имеешь в виду? - спросил Иммон.

"Я говорю, - ответил епископ, - что это место принадлежит мне, единственному властелину страны. Иммон, подчинись необходимости и уходи. Я обещаю выплатить вам полную компенсацию.

- Вам повезло, - в ярости воскликнул шатлен, - что вы вошли в мой замок под обещанием безопасности, потому что в противном случае вы оставляете его разорванным на куски! Негодяй! Жалкий священник! Беги, чтобы тебя не постигло какое-нибудь зло!"

Нотгер немедленно подал сигнал своим сторонникам, которые, сбросив стихари, альбы и другие церковные облачения, скрывавшие их доспехи, и обнажив мечи, которые были спрятаны при них, бросились на обитателей замка и безжалостно перебили их. Говорят, что Иммон в отчаянии бросился со стен, а его жена трагически погибла вместе со своим маленьким сыном. Замок был стерт с лица земли; религиозные дома, которые теснились вокруг него, были разрушены; а доходы от часовен, которые также лежали в руинах, служили обогащению церковью Льежа и Экс-ла-Шапель.

PONT DES ARCHES, LIÉGE

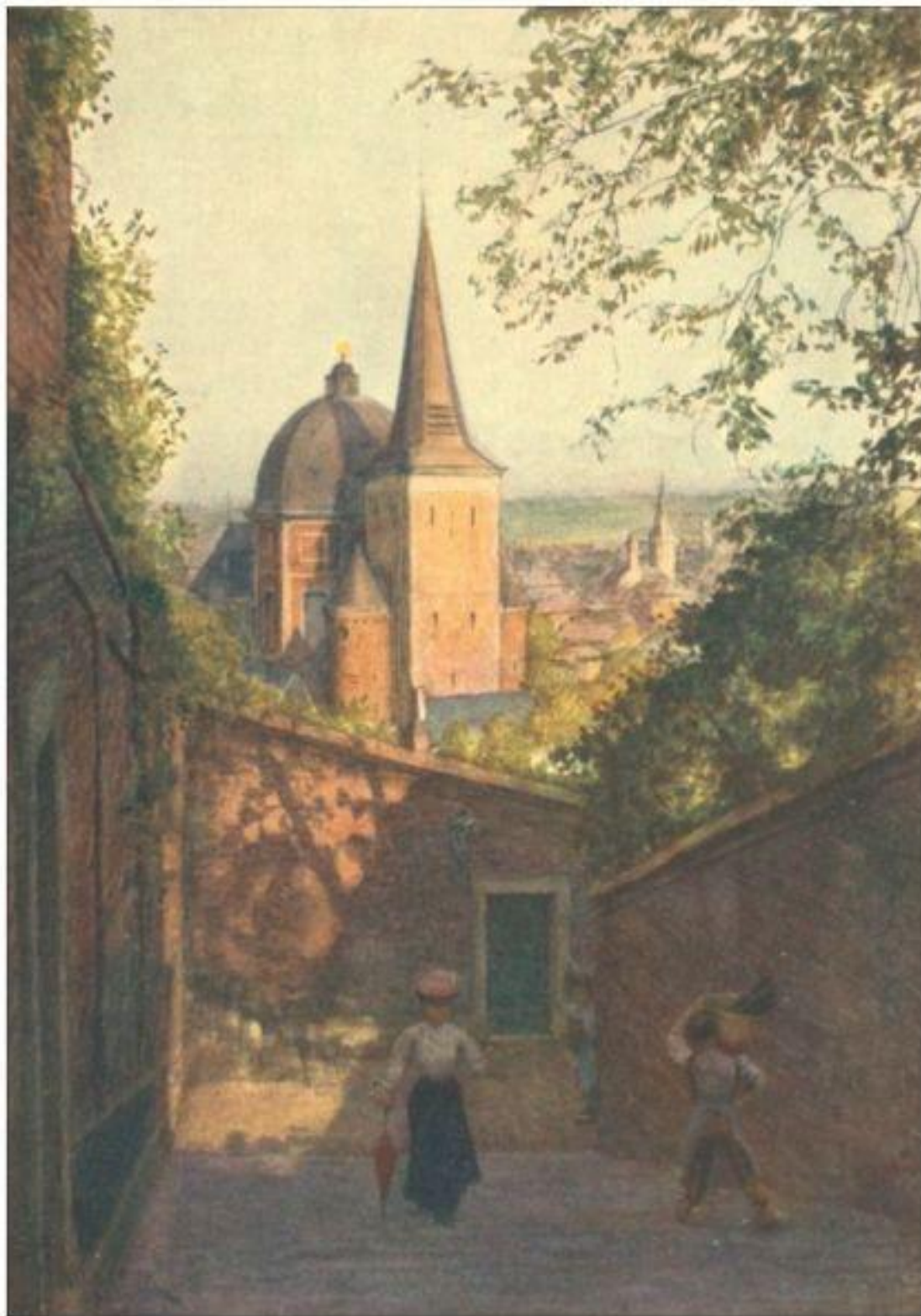
Что бы сейчас ни думали об этом эпизоде в истории церкви, он сделал епископа Нотгера более популярным, чем когда-либо. Отон Великий и его преемники пополнили дары, которыми Карл Великий обогатил епископство, а в 1006 году, за два года до смерти Нотгера, император Генрих II. подтвердил все эти пожертвования хартией, в которой Намюр, Динан,

Тонгр, Местрихт, Малин, Жамблу, Сент-Юбер и другие важные места названы как относящиеся к епархии Льежа. Таким образом, в начале XI века епископ княжества уже обладал необычайной властью. Несколько лет спустя графиня Эно, находившаяся в то время в состоянии войны с Фландрией, заключила союз с епископом Льежским и, в обмен на его помощь, признала его своим феодальным начальником; а графы Эно, сами принадлежавшие к числу самых гордых дворян того времени, были вассалами Льежа до времен Карла Смелого.

Страшная анархия феодального периода нигде не была хуже, чем в этой части Европы. Убийства, акты мести, грабежи происходили без конца. Состояние войны было нормальным состоянием общества в долине Мааса и во всех Арденнах. Благородные сражались против благородных, вассал против вассала. По закону или обычаю тех дней феодальные бароны имели право разрешать свои споры силой оружия, и их князь не мог им этого запретить. Но, хотя он не мог вмешиваться в силу своего светского характера, он мог делать это как епископ; и влияние Церкви, хотя сами епископы часто были высокомерны и амбициозны, было использовано для продвижения дела мира путем объявления перемирия на сорок дней, в течение которых возносились молитвы за души тех, кто пал в битве. "Карантин", как его называли, назначался на случай смерти каждого рыцаря, и иногда наступал целый мирный год, в течение которого враги встречались внешне дружелюбно, посещали замки друг друга и вместе ходили на турниры или деревенские праздники. Иногда, в эти периоды покоя, семьи, находившиеся в состоянии смертельной вражды, вступали в смешанные браки, и женщины, ставшие вдовами, или дочери, ставшие сиротами, выходили замуж за тех самых воинов, которые убили их мужей или отцов. Но чаще всего, как только "карантин" заканчивался, все снова принималось за работу, сжигая дома и убивая друг друга, как и раньше.

Наконец Анри де Верден, ставший епископом Льежа в 1075 году, решил прекратить, по возможности, частные войны, которые были бичом общества. Он собрал знать княжества и прилегающих округов и убедил их в необходимости хотя бы приложить усилия, чтобы положить конец непрекращающейся борьбе, в которой они жили. "Единственное средство, которое я могу придумать, - сказал он, - это выбрать верховного судью, наделенного властью наказывать тех, кто виновен в злоупотреблениях". Знать согласилась с этим предложением. Он сам был назначен на новую должность, а его преемники в епископстве Льеж были объявлены на все времена судьями "Мирового суда".

ESCALIER DE LA FONTAINE, LIÈGE

Правила "Трибунала мира Льежа" постановляли, что в определенные дни ношение оружия запрещено, и что любой свободный человек, совершивший убийство или акты насилия, должен быть лишен своего имущества и изгнан из княжества, в то время как раб должен быть наказан потерей всего, что у него может быть, и отсечением правой руки. Со среды по понедельник, во время церковных праздников, должно было строго соблюдаться

Богослужение. Мировой трибунал должен был рассматривать дела об убийствах, изнасилованиях, поджогах, грабежах и других преступлениях, которые могли привести к нарушению общественного порядка. Любой, кто не явился в суд после того, как был должным образом процитирован, должен был быть объявлен позорным и подлежал отлучению от церкви. Но обвиняемый мог — таков был воинственный дух того времени — всегда заявить, что его дело было решено судебным путем.

Герцоги Бульонский и Лимбургский вместе с графами Люксембурга, Лувена, Намюра, Эно, Монтегю, Клермона и Ла Роша подписали Акт, учредивший "Международный трибунал"; и все они поклялись подчиняться его решениям, за исключением графа де Ла Рош, который отказался приносить какую бы то ни было присягу.

Из-за этого другие бароны объявили ему войну и разгромили его в жестоком сражении. Он бежал в свой замок и выдержал семимесячную осаду, пока его провизия не иссякла, и он не увидел перед собой ничего, кроме капитуляции или голодной смерти. Внезапно он придумал хитрость. Он накормил свинью, единственное животное, оставшееся в живых в замке, своей последней мерой пшеницы и позволил ей убежать. Осаждающие убили его и, обнаружив, что он только что сытно поел, пришли к выводу, что продолжать осаду бесполезно, так как гарнизон, по-видимому, был хорошо снабжен продовольствием. Поэтому они заключили мир с графом Ла-Рошем, который, таким образом, оставался свободным от юрисдикции Трибунала Мира. Другие бароны также извинились; то же самое сделало духовенство; и, в конце концов, льежские бюргеры отказались подчиниться решениям суда, когда в начале XIII века они получили значительное расширение своих привилегий в соответствии с хартией, предоставленной Альбертом де Кюиком, вступившим на епископский престол в 1195 году.

Всякий раз, когда в Льежском престоле появлялась вакансия, все принцы Бельгии, а часто и других стран, пытались добиться назначения кого-нибудь из своих родственников. В 1193 году Альбер де Лувен, избранный вопреки желанию императора Генриха IV, был убит в Реймсе бандой немецких рыцарей, вероятно, по секретному приказу императора, который немедленно выдвинул Симона де Лимбура, которому тогда было всего шестнадцать лет, епископом княжества. Герцог Брабантский поддержал Симона де Лимбура, но графы Фландрии, Намюра и Эно отказались принять его. Папа приостановил свое избрание, и Альбер де Кюик, поддержанный графом Эно, вступил во владение епископством и отправился в Рим, чтобы предъявить свои претензии к Симону де Лимбуру, которые все еще оставались в силе перед Святым Престолом. Симон де Лимбур умер или с ним расправились в Риме, и де Кейк стал епископом.

Теперь он был по уши в долгах, заняв крупную сумму у графа Фландрии, и потратил ее в Риме на подкуп, чтобы добиться своего избрания епископом. От этого долга он избавился, продав гражданские должности и церковные бенефиции; но Льежу требовалось больше денег, чтобы отремонтировать городские стены. С этой целью указом епископа и гражданских магистратов был наложен налог на народ и духовенство. Последние отказались платить на том основании, что с ними не посоветовались. Магистраты и миряне настаивали на том, что духовенство должно нести свою долю общего бремени. Епископ встал на сторону народа против духовенства и, чтобы сделать себя популярным, даровал хартию, которая была подтверждена императором Филиппом II в 1208 году.

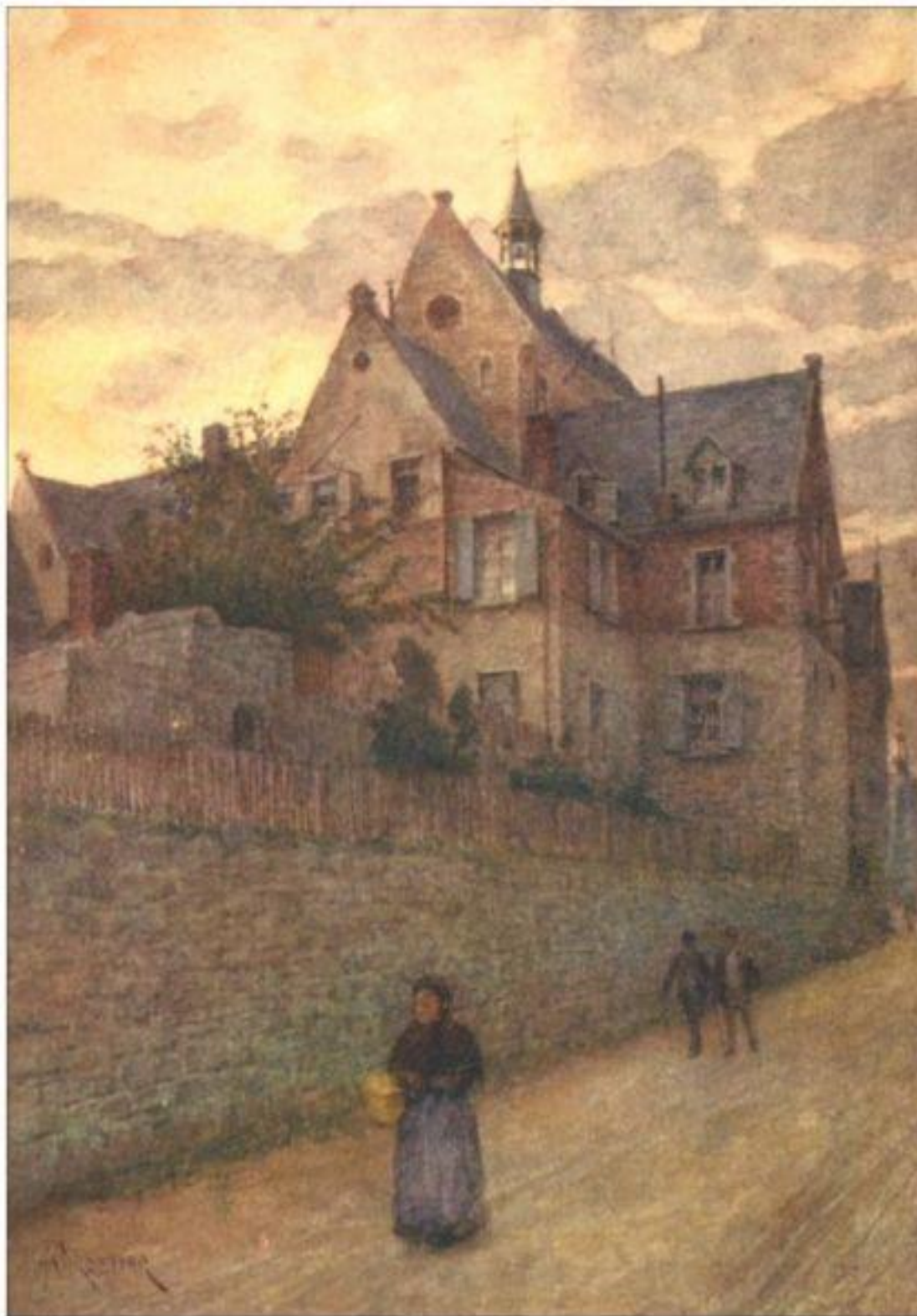
Эта хартия Альбера де Кюика является важной вехой в конституционной истории княжества Льеж. В нем говорилось, что люди не могут облагаться налогами без их собственного

согласия. Это освобождало их от бремени размещения и кормления вооруженных людей, что было постоянным источником недовольства в то время; и это освобождало их от необходимости следовать за епископом в бой, если только он не вел войну в защиту княжества, да и то не раньше, чем через пятнадцать дней после того, как он собрал своих ближайших вассалов. Он предусматривал, что ни один представитель закона не может войти в дом для поиска вора или украденного имущества без разрешения владельца дома. Ни один свободный человек не может быть арестован или заключен в тюрьму иначе, как на основании законного ордера. Городские судьи должны были быть единственными судьями на процессе по любому преступлению, совершенному в этих стенах. Никто посторонний не может вызвать льежского бюргера на поединок, но обязан предъявить ему обвинение перед судьями. В течение восьми дней перед Рождеством и Пасхой арест за долги не разрешался, хотя в другое время должник, в отношении которого было вынесено судебное решение, должен был либо заплатить сразу, либо получить гарантию до захода солнца, либо отправиться в тюрьму.

Эти и другие положения аналогичного характера были положениями, изложенными в хартии Альберта де Кайка, принципы которой впоследствии время от времени воплощались в других публичных актах. Это было, как и основное блюдо Joyeuse из Брабанта, всего лишь декларацией прав, многие из которых существовали ранее; но оно придавало этим правам санкцию и авторитет писаного закона. С тех пор народ начал заявлять о себе, и на долгие годы вперед история Льежа - это летопись революций и междоусобных войн, когда население восстало либо против епископов, либо против баронов, а также междоусобиц между епископами и баронами, в которых население принимало участие, иногда на одной стороне, иногда на другой. Народ княжества, как только он получил хартию, отказался признать юрисдикцию Мирового трибунала. Споры не были урегулированы, и одна частная война следовала за другой.

Самый незначительный инцидент часто становился причиной кровопролитной борьбы; но, возможно, самым глупым из всех был так называемый *военный переворот в Синее*.

БОЛЬНИЦА, ДИНАНТ

Крестьянин из провинции Намюр по имени Джаллет отправился на ярмарку в Синей, главный город округа Кондроз, в Арденнском лесу, и там украл корову, принадлежащую одному из горожан. Он отвез животное в Анденну, на Маасе между Льежем и Юи, где герцог Брабантский, графы Намюр и Люксембург со многими рыцарями и дамами встретились на турнире. Одним из них был Жан де Халлуа, управляющий Кондроза, и ему пожаловался владелец коровы, который последовал за вором. Судебный пристав пообещал Джаллету

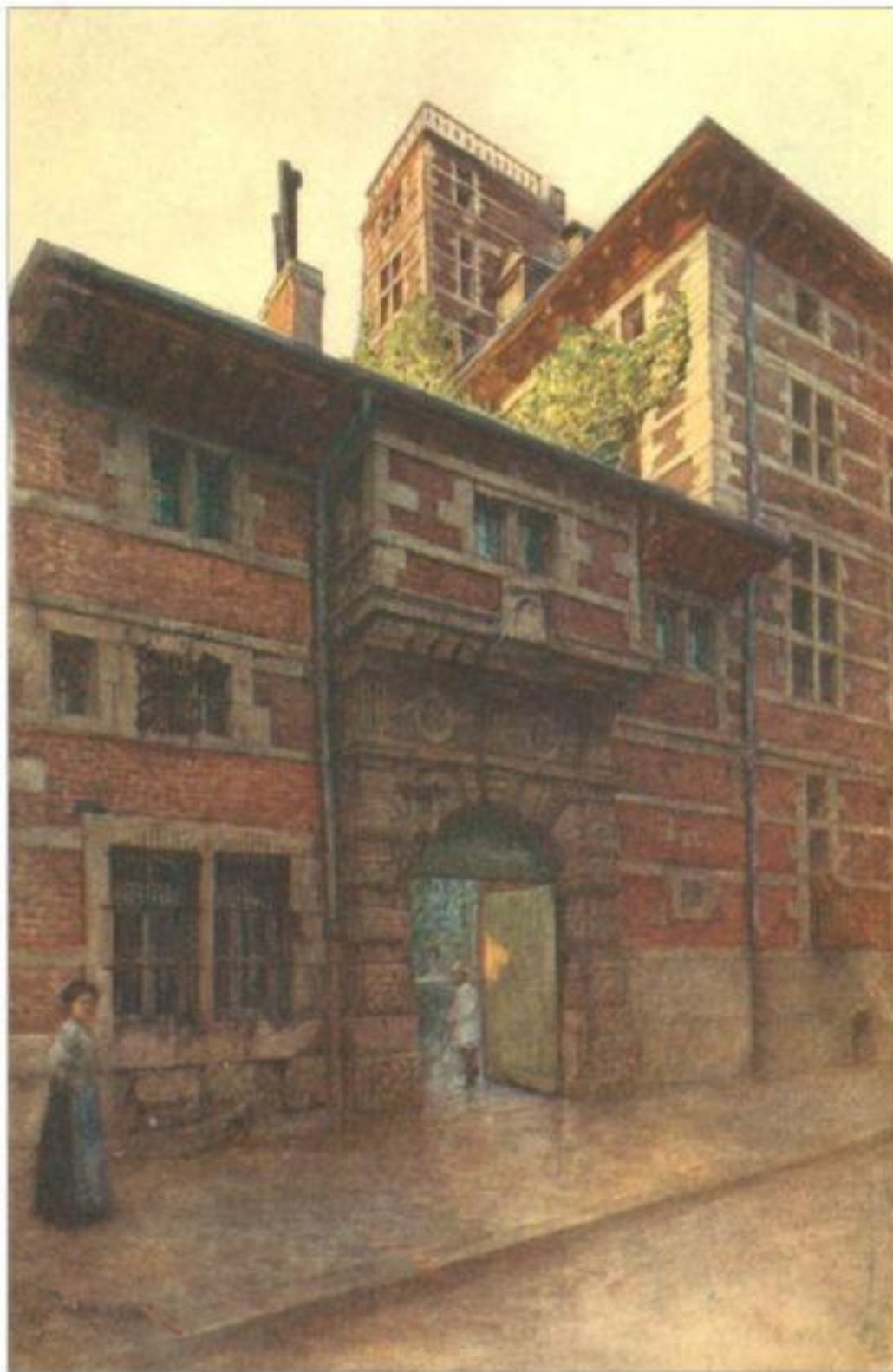
помилование при условии, что он вернет корову Сини. Джаллет двинулся в путь, погоняя несчастное животное перед собой, но как только он въехал в район Кондроз, бейли приказал арестовать его и повесить. В этот день Жан де Бофор, феодал Гена, деревни, в которой жил Жалле, собрал своих друзей и двинулся на Кондроза. Тогда жители Хая схватились за оружие и сожгли замок Ген. Тотчас же герцог Брабантский вместе с графами Фландрии, Намюра и Люксембурга вступил в бой, сжег город Синей и пригрозил опустошить всю местность вокруг Льежа. Затем на сцену вышли жители Динана, вторглись в Намюр и Люксембург, сожгли множество деревень в Арденнах и вырезали жителей деревни. Война продолжалась три года, пока, наконец, когда, как говорят, было убито не менее 20 000 человек и вся страна Арденны, от Люксембурга до Мааса, была опустошена, воюющие стороны не пришли в себя. Было решено прекратить борьбу путем арбитража. Филипп Харди, король Франции, согласился выступить в роли миротворца и, придерживаясь мнения, что обе стороны в равной степени виноваты, решил, что каждая должна нести свои потери! История ничего не говорит о том, что стало с коровой.

ГЛАВА XXI ГЕРЦОГИ БУРГУНДИИ—РАЗРУШЕНИЕ ЛЬЕЖА КАРЛОМ СМЕЛЫМ

Вся история Льежа и Арденн полна эпизодов, подобных войне коров из Синей. Было бы легко заполнить тома рассказами о приключениях в долине Мааса и под стенами Льежа — о том, как замки брались стратегическим путем или открытым штурмом; как женщин похищали и спасали в результате какого-нибудь отважного военного подвига; как происходили отчаянные столкновения в глубине леса; как бродили бандиты, убивая и грабя, как им заблагорассудится; как почти единственным местом, где женщина чувствовала себя в безопасности, был монастырь; как угнетались крестьяне; и как простые люди в городах жили в состоянии хронического мятежа. Все это составляет историю о том, как мужчины и женщины жили в том, что сейчас является одним из самых мирных регионов Европы. Очарование рыцарства не скрывает свирепого и мстительного духа каждого класса. История этой части Бельгии, написанная так, как сэр Вальтер Скотт написал историю Шотландии, была бы не менее занимательной, чем "Рассказы дедушки".

Нигде нельзя было найти более богатого поля для сюжетов исторической фантастики; и нет ничего странного в том, что автор "Айвенго" выбрал именно его в качестве места действия своего романа. В "Квентине Дорварде" история, конечно, подчинена вымыслу. Убийство епископа Льежского представлено как произошедшее за пятнадцать лет до его реальной даты. Описание трагедии не имеет никакого сходства с тем, что произошло на самом деле. Жителей княжества заставляют говорить на фламандском, а не на французском или их родном валлонском. Но такая сухая критика была бы абсурдной, а "истинный король романтиков" с неподражаемым мастерством воспроизвел дух долгой кровавой драмы, главными действующими лицами которой были Людовик Французский и Карл Бургундский.

LA MAISON CURTIUS, LIÉGE

Примерно в середине пятнадцатого века Бургундский дом находился на вершине своего могущества и господствовал над Фландрией и Брабантом, Эно, Намюром и Люксембургом. Но церковное княжество Льеж, хотя и было зажато между Брабантом, Люксембургом и Намюром, оставалось отдельным государством. Со времени принятия хартии Альберта де Кейка власть общин росла, а вместе с ней и их решимость сохранить свою свободу и независимость. Знать также не была более склонна менять епископов на других правителей,

особенно если это должны были быть герцоги Бургундии. Ибо Бургундский дом ненавидели в Льеже с зимы 1408 года, когда епископ Иоанн Баварский — *Жан безжалостный*, как его называли подданные, — подавил революцию, вызванную его тиранией, призвав к себе на помощь герцога Бургундского и графов Эно и Намюра. 24 ноября 1408 года в битве при Оте, близ Тонгра, революционная армия Льежа численностью 30 000 человек была разбита, и последовала резня, ужасы которой никогда не были забыты. Триумф Иоанна Баварского и его беспощадные репрессии были обусловлены поддержкой, которую он получил от бургундского оружия, и результатом стало то, что впоследствии, во время борьбы между Филиппом Добрым, герцогом Бургундским, и Францией, симпатии Льежа всегда были на стороне Франции.

В 1430 году, когда Жан де Хайнсберг был епископом Льежа, бургундский губернатор Намюра запретил городу Динан ремонтировать его стены. Жители Льежа двинулись маршем на Динан, сжигая замки и деревни на своем пути. Еще одна война казалась неизбежной; но епископ, который сопровождал армию, очевидно, против своей воли, предотвратил это бедствие, упав на колени перед Филиппом и смиренно прося прощения за бесчинства, совершенные его вассалами. Однако жители Льежа, возмущенные этим унижением, пришли в такое смятение, что епископ несколько раз был на грани отставки. Тем не менее, похоже, что его отставка была вынуждена герцогом Бургундским.

Хайнсберг пообещал определенное пособие Луи де Бурбону, племяннику герцога, но передал его другому претенденту. Филипп отправил посланника потребовать объяснений, епископ сказал: "Пусть его высочество наберется терпения. Я желаю ему большего благодеяния, чем это". "Какое?" - спросили его. "Ту, которую держу я сам", - ответил он. Вскоре он раскаялся в своем опрометчивом обещании и уже собирался отправиться во Францию и просить защиты у короля, когда Филипп пригласил его в Гаагу. Там к нему относились со всем почетом до самого дня его отъезда, когда герцог внезапно спросил его, намерен ли он выполнить свое обещание относительно епископства. Хайнсберг заявил, что он непременно сдержит свое слово, но, несмотря на то, что он сказал, его отвели в темную комнату, где он обнаружил францисканца и палача, одетых в черное и вооруженных обнаженным мечом, ожидавших его. - Достопочтенный сеньор, - сказал францисканец, - вы дважды нарушили верность герцогу. Немедленно подайте в отставку или готовьтесь умереть.

Как гласит история, при этих словах епископ Хайнсберг пришел в такой ужас, что тут же подписал заявление об отставке в пользу Луи де Бурбона, который еще не был посвящен в священный сан и действительно был всего лишь восемнадцатилетним юношей, студентом Лувенского университета, куда отправил его получать образование его дядя. Капитул Святого Ламберта, которым всегда избирались епископы, подал жалобу; но назначение было подтверждено Святым Престолом, и все духовное и светское управление княжеством перешло в руки молодого прелата.

Это был триумф Бургундского дома, который долгое время стремился распространить свое влияние на Льежское княжество; но через несколько лет духовенство, знать и народ объединились против племянника герцога и объединились, чтобы отстранить его от управления их делами. Чтобы защититься от Филиппа, который мог вмешаться от имени своего племянника, они назначили регентом Марка Баденского, шурина императора Фридриха III., который прибыл в Льеж в сопровождении отряда немецких войск.

Перспектива войны в бельгийских провинциях, которая вынудила бы герцога Бургундского вывести часть своей армии из Франции, была с радостью встречена Людовиком XI. Он пообещал помощь, как людьми, так и деньгами, жителям Льежа, которые немедленно

собрались с оружием в руках. Карл Смелый, сын Филиппа, в то время известный как граф де Шароле, сражался тогда во Франции; но отряд бургундцев, посланный его отцом, без труда разгромил необстрелянную льежскую армию, которая, предоставленная немцами своим собственным ресурсам, была разбита наголову на поле Монтенака осенью 1465 года. Людовик XI, вместо того чтобы прийти на помощь льежанам, отправил письмо, в котором советовал им заключить мир с Филиппом до того, как грозный граф де Шароле появится на их территории; и была подписана конвенция, которая положила льежан к ногам герцога Бургундского, который стал регентом княжества. Мир был должным образом провозглашен в "Перроне" на рыночной площади Льежа. Но правящая партия в Динане была настолько безрассудна, что объявила войну Намюру. После этого Карл Смелый осадил Динан.

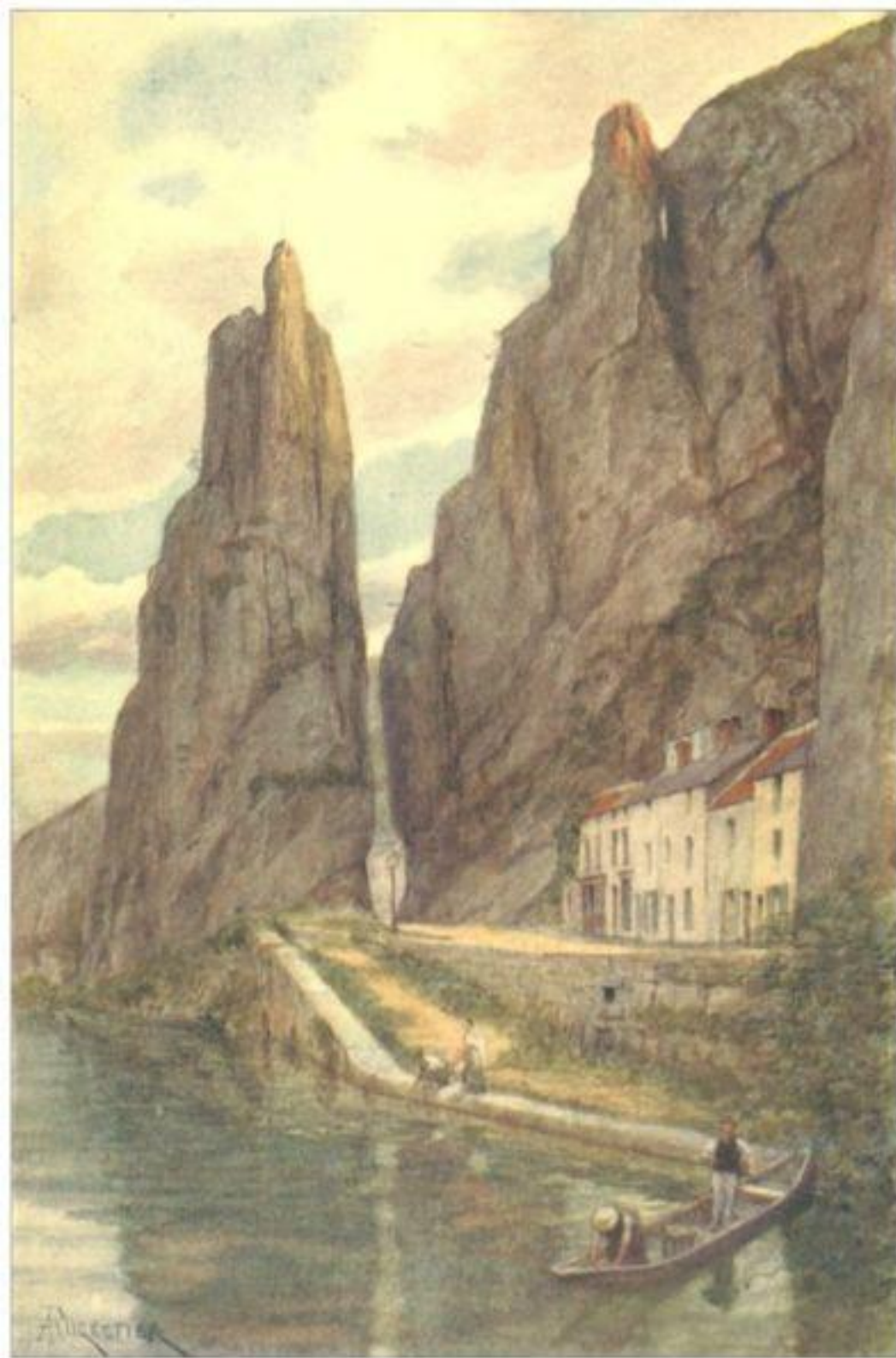
Гонцы, отправленные из бургундского лагеря с призывом сдаваться, были убиты горожанами, которые вскоре увидели, как их стены были проломлены тяжелыми орудиями, привезенными из арсеналов Брабанта. Затем они предложили провести переговоры о капитуляции, но предложение было отклонено. Динан был взят, разграблен и сожжен. ОТЕЛЬ де Виль был взорван в результате взрыва пороха. Собор был почти полностью разрушен. Несколько богатых граждан, которые были взяты в плен и заключены в здании, примыкающем к собору, были сожжены заживо. Восемьсот человек, связанных попарно, были брошены в реку Маас и утонули. Дело возмездия не было закончено до тех пор, пока не были разрушены все дома, ибо Карл Бургундский объявил, что настанет день, когда путешественники, проезжающие по долине Мааса, спросят, где когда-то стоял Динан.

Филипп Добрый умер в Брюгге в июне 1467 года, и Карл Смелый стал герцогом Бургундии. Новое правление началось с волнений во Фландрии и Брабанте, и едва они были преодолены, как в Льеже вспыхнуло новое восстание, настолько недовольными были люди условиями мира, которые, заключенные после ужасной битвы при Монтенаке, оставили их в подчинении Бургундского дома. Французы, посланные королем под предлогом посредничества между Луи де Бурбоном и его вассалами, поощряли народное недовольство, которое поднялось до такой степени, что город Юи, где жил епископ, подвергся нападению и разграблению. Епископ бежал в Намюр, но некоторые из его слуг и несколько сторонников Бургундии были убиты. Карл, вне себя от гнева, выступил против Льежа. По его прибытии 300 бюргеров вышли вперед, умоляя о пощаде и предлагая ему ключи от города. Он пощадил их жизни, но только при условии, что войдет в город и там продиктует свои условия. Это условие было принято, и Чарльз въехал. С ним были епископ Льежский и кардинал Ла Балю, посол Людовика XI. На одной стороне улицы стояли горожане, а на другой - священники, все как кающиеся, с непокрытыми головами и факелами в руках. Карл спешил к епископскому дворцу, где несколько дней спустя в присутствии огромного стечения народа произнес приговор городу и княжеству Льеж.

Большинство привилегий, которые время от времени предоставлялись со времен хартии Альберта де Кейка, были отменены. Было принято решение о подаче апелляции гражданскими судьями епископу и его совету. Резиденция епископства была перенесена из Льежа, и было решено, что духовный суд будет заседать в Местрихте, Лувене или Намюре. Епископу было запрещено взимать налоги с продуктов, перевозимых вверх или вниз по Маасу, без разрешения герцога Брабантского и графов Эно и Намюра. Было постановлено, что жители княжества никогда не должны поднимать оружие против Бургундии, вступать в войну или заключать союзы без разрешения герцога. Стены и ворота Льежа и всех других городов княжества должны были быть разрушены; производство оружия было запрещено;

Перрон должен был быть снят, и герцог должен был делать с ним все, что ему заблагорассудится.

LE ROCHER BAYARD, DINANT

Эти и многие другие статьи, составленные с целью обуздания духа льежцев, были воплощены в акте, который был зачитан вслух во дворце епископа 26 ноября 1467 года.

Епископ и все знатные люди поклялись повиноваться ему, и Карл сказал им, что, если они будут верны своей клятве, он, в свою очередь, защитит их. Вынесенный таким образом приговор был неукоснительно приведен в исполнение. Многие из народной фракции бежали во Францию; другие укрылись в Арденнах; некоторые были казнены. Перрон был перевезен в Брюгге, и там на нем была выгравирована надпись, полная оскорблений в адрес жителей Льежа; городские стены были разрушены; шпионы разъезжали по окрестностям, наблюдая за жителями деревни и собирая информацию. Столь повсеместным было чувство подозрительности и страха, и столь тяжелыми были налоги, взимаемые с богатых, что многие семьи бросили все свое имущество и отправились в изгнание.

За этими действиями наблюдали в Риме; и вскоре папский легат, епископ Трикарский, прибыл в Льеж и посоветовал Людовику де Бурбону противостоять насилию агентов герцога и постепенно отзывать тех, кто бежал или был изгнан из страны. Но молодой епископ предпочел жить в Брюсселе, где блистательная и роскошная жизнь бургундского двора была в самом разгаре. Он получал такое удовольствие от праздников, которыми славилась веселая столица Брабанта, что даже попытался воспроизвести их в своем собственном пустынном княжестве, и однажды приплыл вверх по Маасу из Местрихта на барже, раскрашенной во все цвета радуги, и появился перед разрушенными стенами Льежа в окружении музыкантов и шутов.

Тем временем в темных глубинах Арденн бродила банда изгнанников, которые спали на голой земле под открытым небом, одетые в лохмотья, умирающие от голода и готовые проказничать. Эти люди под предводительством Жана де Вилля, услышав, что Льеж не охраняется и что между Бургундией и Францией, вероятно, снова вспыхнет война, выступили из леса в Льеж и пожаловались папскому легату. Он отправился к епископу, который в то время находился в Местрихте, и изложил ему плачевное положение страны. Епископ пообещал, что вернется в Льеж; но Карл Смелый, от которого ничего не скрывалось, написал ему и сообщил, что, как только он уладит свои дела с королем Франции, он прибудет в княжество, чтобы наказать этих новых мятежников против его власти. После этого епископ, вместо того чтобы отправиться в Льеж, отправился с легатом в Тонгр.

Это дезертирство привело Жана де Вилля и его последователей в отчаяние. Они совершили ночной марш к Тонгру, застали врасплох охрану епископа, некоторых из которых убили, и убедили или, скорее, вынудили Людовика и папского легата отправиться с ними в Льеж. Война, на которую рассчитывали повстанцы, захватив таким образом епископа, так и не разразилась. Напротив, начались переговоры, и послы Франции обсуждали условия мира с Карлом в то самое время, когда был совершен набег на Тонгр.

Лето 1468 года было временем великолепия при Бургундском дворе. 25 июня Маргарита Йоркская в сопровождении блестящей компании английских лордов и леди вошла в гавань Слуиса, где ее встретил Карл Смелый. Неделью спустя они отправились по каналу в старинный город Дамм, где в пять часов утра 3 июля была отпразднована их свадьба. В тот же день они торжественно въехали в Брюгге, сопровождаемые кортежем из шестидесяти дам из величайших семейств Англии и Бургундии и окруженные дворянами и принцами, носившими орден Золотого руна. Знаменитый турнир Золотого древа был проведен после брачного пира на рыночной площади, и веселье продолжалось еще восемь дней. Во Фландрии все было ярко и весело, но вдали, в Арденнах, над долиной Мааса собирались темные тучи.

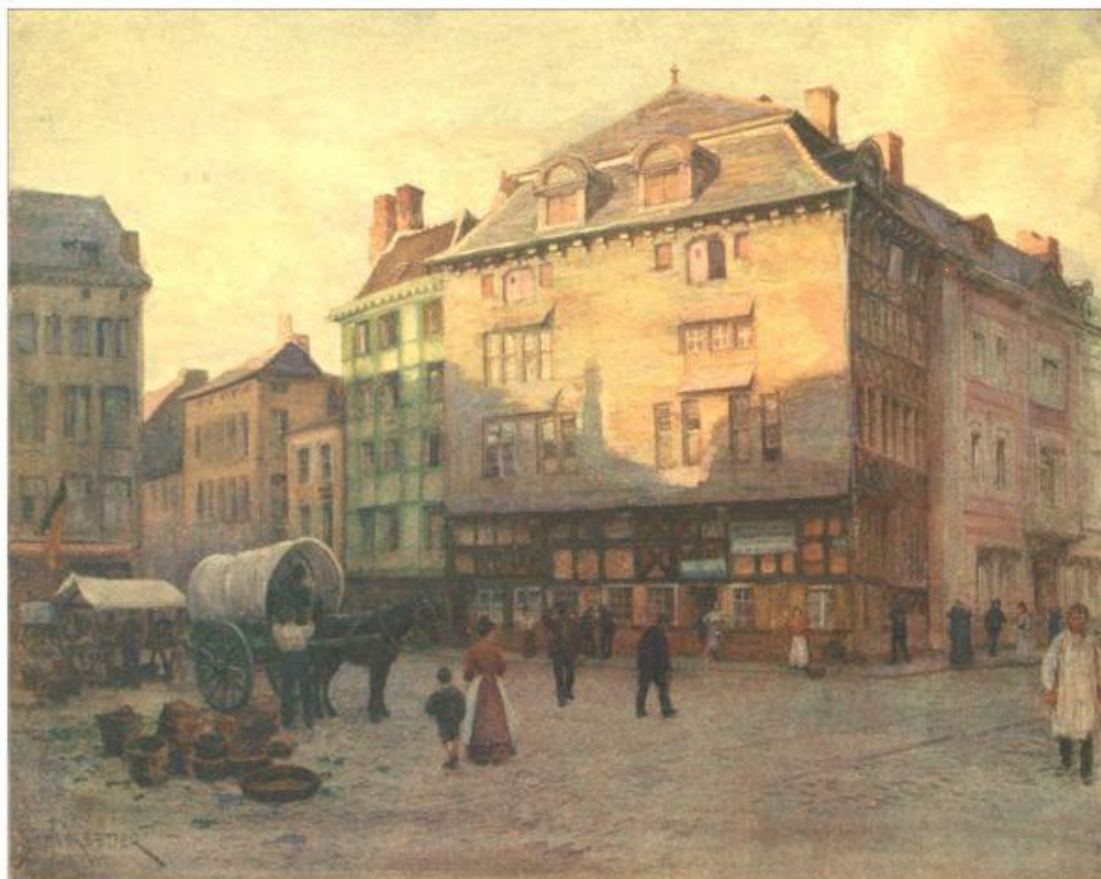
В начале октября штаб бургундской армии находился в Перонне на Сомме. Людовик XI. отправился туда лишь с небольшим эскортом и добился свидания с Чарльзом. Какими бы ни были его мотивы отдать себя во власть своего соперника, вскоре у него появились веские

причины раскаяться в своей опрометчивости. Отряд бургундцев из Льежа прибыл в Перонну, обвинил повстанцев в грубой жестокости по отношению к епископу и друзьям герцога и утверждал, что некоторые французы принимали участие в событиях в Тонгре. Чарльз, услышав их заявления, разразился одним из своих приступов неконтролируемого гнева. "Я знаю, - воскликнул он, - кто стоит за всем этим", - и немедленно запер короля Франции в цитадели Перонна. Через три дня, в течение которых Людовик пребывал в страхе за свою жизнь, а Карл обдумывал всевозможные способы мести, король был освобожден и дал торжественную клятву, что поможет Карлу наказать льежцев.

Затем союзные войска Франции и Бургундии вступили в княжество. Когда они приблизились к Льежу, епископ и папский легат встретили их и попытались договориться с народом, упав на колени перед Карлом и умоляя его не наказывать одинаково невинных и виновных. Было указано, что епископ простил нанесенное ему оскорбление, но герцог запретил им говорить о помиловании. Он сказал, что является хозяином жизнью и имущества этих неисправимых мятежников и поступит с ними, как ему заблагорассудится. После этого говорить больше было не о чем. Гибель Льежа была предрешена.

Вылазка, предпринятая ночью Жаном де Виллем и его людьми, хотя и привела в замешательство бургундские аванпосты, не имела никакого эффекта, кроме усиления гнева герцога; и в воскресенье, 30 октября, он вошел в город во главе своей армии, миновав развалины старых стен. Сопротивления не было. Улицы были пусты. Более состоятельные жители и все, кто проявил себя во время недавних беспорядков, бежали в Арденны со своими семьями, забрав столько своего имущества, сколько могли унести. Великое множество бедняков, женщин, детей и стариков, спрятались в подвалах своих домов. Карл и король ехали по пустынному городу, пока не добрались до Ратуши. Тут герцог высоко взмахнул шпагой и крикнул: "Да здравствует Бургойна!" Король Франции обнажил свой меч и тоже крикнул: "Да здравствует Бургойна!" и по этому сигналу были выпущены 40 000 солдат.

СТАРЫЙ ДОМ На НАБЕРЕЖНОЙ ГОФФ, ЛЬЕЖ

Людей вытаскивали из их укрытий и убивали. Многие, избежавшие немедленной смерти, бежали в церкви в поисках убежища. Священники с распятиями в руках подошли к дверям и умоляли солдат не входить. Их рубили, а те, кого они пытались защитить, были убиты даже на ступенях алтарей. Старики и дети были растоптаны ногами. Молодых девушек оскорбляли на глазах у их матерей или казнили, они кричали и молили о пощаде. Церкви, монастыри, частные дома подвергались одинаковому разграблению. В поисках добычи вскрывали гробницы и выбрасывали кости мертвых. Тех, кого подозревали в хранении ценностей, пытали, чтобы заставить признаться, где спрятаны их сокровища. День шел за днем, и каждая улица Льежа была залита кровью, как на бойне, пока, наконец, солдатам не надоело убивать своих жертв одну за другой, и, связав их в связки по дюжине или более человек, они бросили их в реку Маас, где мужчины и женщины, старые и молодые, гибли единой борющейся массой. Говорят, что погибло около 50 000 человек, большинство из них в городе или утонули в реке, но многие от холода и голода в Арденнах.

Ужасы разграбления Динана были превзойдены. Чарльз, однако, еще не был удовлетворен. Его истинным желанием было стереть Льеж с лица земли — уничтожить его полностью; но прежде чем сделать это, он сделал вид, что консультируется с Людовиком Французским. Король, который прекрасно понимал его, ответил: "Напротив спальни моего отца росло дерево, на котором какие-то надоедливые птицы свили свое гнездо и производили такой шум, что он не мог заснуть. Он трижды разрушал гнездо, но они всегда возвращались. Наконец, по совету друга, он срубил дерево и после этого смог упокоиться с миром".

Карл понял этот намек так, как он подразумевался, и отдал приказ предать Льеж огню, а все каменные здания, за исключением церквей и домов духовенства, снести. Эти приказы были выполнены в точности. Пламя пожирало ряд за рядом домов, и любое здание, построенное

не из дерева, было подорвано кирками армии рабочих, которые трудились в течение семи недель, пока, наконец, от Льежа не осталось ничего, кроме церквей и жилищ священников, одиноко стоящих среди груды дымящихся руин. Пока шла разрушительная работа, Карл отплыл в Местрихт, отправил папского легата обратно в Рим с известием о том, что случилось с Льежским епископством, и, опустошив всю страну на многие мили вокруг, отбыл в свои владения.

Шли годы, и, наконец, наступило время, когда голос, кричавший в Льеже "Да здравствует Бургойна!", смолк, меч выпал из руки, размахивавшей им в знак начала резни, и гордая голова завоевателя была низко опущена. Во вторник, 7 января 1477 года, через два дня после битвы при Нанси, в которой герцог Рене Лотарингский разгромил бургундскую армию, молодой паж Жан Батист Колонна, сын знатного римского дома, вел отряд, который искал тело Карла Смелого, туда, где, как ему показалось, он видел, как его хозяин пал во время битвы. Недалеко от города, недалеко от часовни Сен-Жан-де-л'Атр, они нашли груды мертвецов, лежащих обнаженными среди снега, льда и замерзшей крови в русле небольшого ручья. Одна из искателей, бедная прачка, служившая в доме герцога, увидела кольцо, которое она узнала на пальце одного из трупов, и воскликнула: "Ах! Мой принц!" Когда они подняли голову со льда, к которому она была приморожена, кожа на одной щеке содралась. Волки или собаки грызли другую. Удар какого-то боевого топора раскрыл голову до подбородка. Но когда с изуродованного лица смыли кровь, в нем, вне всякого сомнения, узнали Карла Смелого.

Они похоронили его перед алтарем святого Себастьяна в церкви Святого Георгия в Нанси, где тело великого воина оставалось до 1550 года. когда в царствование Карла V. его перевезли во Фландрию и положили рядом с телом его дочери Марии в хоре Собора Парижской Богоматери в Брюгге.

ГЛАВА XXII

ДИКИЙ КАБАН ИЗ АРДЕНН

Хотя церкви и дома духовенства остались стоять, в соответствии с приказами Карла Смелого в 1468 году город Льеж был разрушен. Однако через некоторое время те, кому удалось спастись, начали возвращаться, и постепенно возник новый Льеж. Княжество также в некоторой степени восстановилось; но его престиж в глазах Европы был настолько подорван, что союз с епископами уже не был, как прежде, предметом притязаний других государств.

После смерти Карла Смелого Луи де Бурбон, который все еще был епископом, решил в будущем посвятить себя управлению своим княжеством. Как дядя молодой герцогини Марии, которая была единственной дочерью Карла от его второй жены, Изабеллы де Бурбон, он обладал достаточным влиянием при Бургундском дворе, чтобы добиться важных уступок в пользу Льежа. Ежегодная дань в размере 30 000 флоринов, которую взимал покойный герцог, была возвращена, а льежанам было обещано восстановление их древних хартий и привилегий. Перрон, обладанию которым народ придавал большое значение, был отправлен обратно из Брюгге, и горожане выразили свою благодарность епископу, выделив ему значительную сумму денег.

Когда он приехал в Льеж, одним из первых, кто поприветствовал его, был Уильям де ла Марк, глава старинного дома Аренбергов. Двое из его предков были епископами Льежа, и семья была одной из величайших в княжестве. Этот Уильям де ла Марк с юности был воином. Он был одним из красивейших мужчин своего времени, но, чтобы внушить страх своим врагам, он носил длинную косматую бороду и подражал свирепым манерам разбойников, которые с незапамятных времен населяли самую труднодоступную часть Арденн. На его гербе была изображена голова дикого кабана, и то ли по этой причине, то ли из-за его свирепого характера его прозвали Арденнским кабаном.

КРЕСТЬЯНКА Из АРДЕНН

После разрушения Льежа Людовик XI, стремясь вызвать новые волнения в княжестве, чтобы поставить в неловкое положение Карла Бургундского и епископа, нанял в качестве своего агента де ла Марка, который с целью поссориться с епископом хладнокровно убил одного из викариев, на которого у него не было причин жаловаться. Его любимым пристанищем был замок Эгрмон, крепость, расположенная на холме над левым берегом Мааса, к западу от Льежа. Это место епископ разрушил. Вслед за этим де ла Марк, давший понять, что он действует заодно с королем Франции и таким образом приобрел многочисленных сторонников среди изгнанных Карлом Бургундским преступников, объявил открытую войну как Луи де Бурбону, так и герцогу.

Но когда епископ вернулся в Льеж после смерти Карла и восшествия на престол герцогини Марии, де ла Марк поспешил заключить мир. Епископ даровал ему помилование, назначил капитаном гвардии и губернатором Франшимона, перестроил замок Эгрмон и осыпал его милостями. Но вскоре стало очевидно, что Дикий Кабан был неприручен. Он пренебрегал церковными правилами, отказывался ходить на мессу или исповедь, настаивал на том, чтобы есть в Великий пост все, что ему заблагорассудится, управлял всеми, кто находился под его властью, железным жезлом, вызвал всеобщую ненависть знати и, наконец, оскорбленный протестами епископа, сложил с себя полномочия и покинул Двор. Когда выяснилось, что он состоял в переписке с Людовиком XI, который замышлял аннексию княжества, ему был вынесен приговор об изгнании как предателю. Он удалился в Арденны, где с помощью подарков оружием и золотом из Франции собрал сильный отряд французских, немецких и швейцарских авантюристов.

Внезапно, в августе 1482 года, в Льеж пришло известие, что Дикий Кабан выступил в поход во главе 4000 конных и пеших воинов. Епископ выступил вперед, чтобы дать ему сражение на склонах Шартреза, на правом берегу реки напротив города. Де ла Марк, узнав от своих шпионов, что епископ движется впереди своих основных сил в сопровождении лишь слабого эскорта, подстерег его на трудном участке подъема. Внезапность была полной, и эскорт был изрублен в куски. Епископ, оставшийся один в руках своего врага, закричал: "Грация! Grâce! Seigneur d'Arenberg, je suis votre prisonnier!" Но один из последователей де ла Марка ударил его по лицу. Сам де ла Марк выхватил шпагу, ранил его в шею и, повернувшись к своим людям, приказал им покончить с этим. В одно мгновение епископ упал с своей лошади мертвым человеком. Они раздели его тело и оставили его лежать в грязи на несколько часов; и духовенству с трудом удалось добиться разрешения похоронить его с почестями, подобающими его положению.^[58]

Де ла Марк, теперь уже хозяин положения, созвал духовенство епархии и настоял на том, чтобы они выбрали нового епископа, предложив своего собственного сына, Жана д'Аренберга, молодого человека, который еще не был священником, как наиболее подходящего человека. Некоторые каноники, от которых зависели выборы, покинули Льеж, чтобы избежать голосования. Те, кто остался, были запуганы и повиновались, и сын Дикого Кабана был провозглашен епископом. Де ла Марк в то же время назначил себя губернатором княжества.

Убийство епископа и избрание сына убийцы его преемником привели к новым волнениям. В Намюре состоялась встреча каноников, бежавших из Льежа, и их братьев, которых принудили к голосованию. В этом городе, вне "сферы влияния" "Дикого кабана", объявив выборы Жана д'Аренберга недействительными, они снова приступили к голосованию. На этот раз они разделились на две партии. Некоторые поддерживали Жака де Леруа, брата

графа Шимэ, в то время как другие были за Жана де Хоума, знатного дворянина, который был взят в плен в Шартрезе, но впоследствии сбежал.

Таким образом, было избрано три епископа, и разразилась еще одна гражданская война. Эрцгерцог Максимилиан[59] послал армию из Брабанта в княжество под командованием Филиппа Клевского, чтобы отомстить за смерть Луи де Бурбона. Де ла Марк опустошил земли Жана де Хорна, захватил Тонгр и другие города и выступил во главе 16 000 льежцев и нескольких наемников против Филиппа Клевского. Но его войска не могли сравниться с обученными ветеранами Брабанта. Наемники были отброшены льежцами, которые сломались и обратились в бегство. Это поражение не сломило дух де ла Марка, но Людовик XI, на которого он полагался, умер в следующем году, и папа высказался в пользу Жана де Хорна. Тогда де ла Марк понял, что самое мудрое для него - заключить мир, и в июне 1484 года в Сент-Тронде была подписана конвенция, условия которой показывают, что Арденнский Вепрь был не просто главарем бандитов, но проницательным дипломатом и человеком большого влияния в княжестве. Город Льеж должен был выплатить ему контрибуцию в размере 30 000 ливров, в обеспечение чего в его пользу были переданы земли Франшимона и герцогство Бульонское. Если на него нападет кто-нибудь, кто почувствует себя оскорбленным его недавним поведением, епископ должен был помочь ему любой ценой. Превышения, совершенные любой из сторон, подлежали прощению, а те, чье имущество было повреждено, не должны были претендовать на компенсацию.

РЕКА САМБР, ВИДИМАЯ С МОСТА САМБР, НАМЮР

Когда Жан де Хорн, теперь должным образом принятый в качестве епископа, совершил свой государственный въезд в Льеж, де ла Марк ехал рядом с ним, и вскоре они стали неразлучны. Обычно они обедали вместе за епископским столом. Они дарили друг другу подарки. Если устраивался праздник, они присутствовали на нем в компании. Говорят, они даже спали в одной постели, что в то время было излюбленным признаком дружбы среди великих. Но, хотя казалось, что они стремились показать людям пример взаимного прощения и братской любви, были некоторые, кто качал головами и намекал, что дружба великих людей, которые отдалились друг от друга, редко бывает искренней.

В следующем году в Сент-Тронде был устроен праздник в честь епископа Льежского, на который собрались все дворяне княжества со своими женами и дочерьми. Де ла Марк, конечно же, был там. Пир и танцы продолжались до позднего вечера, когда братья епископа, Жак де Хорн и Фредерик де Монтиньи, подали им лошадей, сказав, что им пора отправляться в Лувен. Епископ предложил де ла Марку проехать часть пути вместе, и тот согласился. Итак, епископ, два его брата и де ла Марк ехали вместе, пока не достигли ровной равнины, где де Монтиньи предложил де ла Марку догнать его до леса, который был на некотором расстоянии от них. Они тронулись в путь, оставив остальных позади. Де ла Марк, сидевший верхом на очень быстрой лошади, вскоре оказался впереди и скакал галопом, пока не достиг леса. В тот момент, когда он натянул поводья, группа солдат, которые до этого сидели в засаде, выбежала и окружила его. Затем подъехал де Монтиньи и сказал: "Ты мой пленник". Де ла Марк, который не был вооружен, спросил, что он имеет в виду, на что де Монтиньи предъявил приказ о его аресте, подписанный эрцгерцогом Максимилианом, и сказал ему, что теперь они должны ехать в Мейстрихт. "Тогда, - тут же сказал де ла Марк, - это на мою смерть".

Вечером они добрались до Местрихта, и вскоре де ла Марку сказали, что жить ему осталось всего несколько часов. Ночью его посетил доминиканский приор, от которого, исповедавшись, он получил отпущение грехов. Рано утром следующего дня его повели на эшафот на рыночной площади. Вокруг него собралась огромная толпа, а в окне неподалеку, открыто радуясь происходящему, стоял епископ Льежский. Де ла Марк громким голосом окликнул его, упрекая в предательстве, и торжественно предупредил, что голова Дикого кабана, которая вот-вот упадет, "будет кровоточить много дней". Он попросил ближайшего зрителя передать его последние слова прощания жене и детям. Своим братьям и друзьям он оставил дело отмщения за свою смерть. Он сам снял свой плащ и бросил его толпе. Затем, приподняв свою длинную бороду так, что она закрыла его лицо, он наклонился, и палач одним ударом отсек ему голову.

Эрцгерцог Максимилиан приказал арестовать де ла Марка на том основании, что он был вовлечен в какой-то новый заговор с Францией; но поведение епископа и его братьев громко осуждалось даже в тот век вероломства. Семья де ла Марк поклялась отомстить, и Льежское княжество снова залилось кровью.

Призвав к себе на помощь простых людей, которые всегда любили Дикого Кабана, и при негласной поддержке короля Франции, желавшего настроить льежцев против эрцгерцога Максимилиана, Эверард де ла Марк, брат Вильгельма, начал войну против Жана де Хорна. Кровопролитная борьба, в которой не было пощады ни с одной из сторон, продолжалась семь лет, но, наконец, епископ и его друзья решили просить о помиловании.

Была достигнута договоренность о конференции, которая состоялась на лугу близ Хаккура, на Маасе между Льежем и Местрихтом. В назначенный день принц-епископ в сопровождении своей знати, но сам безоружный, встретился с братом человека, которого он так вероломно заманил в ловушку. Спешившись с лошади, он подошел к Эверарду де ла Марку и сказал: "Я прошу у вас прощения за смерть вашего брата Уильяма".

Эверард холодно посмотрел на него и ничего не сказал, после чего епископ разразился слезами и всхлипнул: "Сеньор Эверард, простите меня. Простите меня, я умоляю вас смертью и страстями Господа нашего Иисуса Христа!" Тогда Эверард, тоже плача, ответил: "Вы просите прощения за смерть моего брата во имя Бога, который умер за всех нас? Что ж, я

прощаю тебя". С этими словами он протянул руку епископу, и они поклялись жить в мире друг с другом.

ЛА-ГЛЕЙЗ, ДЕРЕВНЯ В АРДЕННАХ

Это странное примирение, произошедшее в 1492 году, вскоре было подтверждено браком племянницы епископа с сыном Эверарда де ла Марка, и с тех пор вражда между семьями де Хорн и Аренберг прекратилась.

Три года спустя, в 1495 году, Вормсский сейм учредил Императорскую палату и положил конец системе частных войн.

Сноски

[58] Епископу Луи де Бурбону на момент убийства было всего сорок пять.

[59] Герцогиня Мария Бургундская, вышедшая замуж за эрцгерцога Максимилиана Австрийского, впоследствии императора, умерла в Брюгге в марте 1482 года; и затем Максимилиан стал регентом Австрийских Нидерландов во время совершеннолетия своих детей.

ГЛАВА XXIII

ЭРАРД ДЕ ЛА МАРК —КНЯЖЕСТВО В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Жан де Хорн был епископом Льежа в течение двадцати трех лет, в течение которых епархия редко была свободна от партийных распрей. На момент его смерти, в 1506 году, семья Аренберг была настолько сильной и популярной, что капитул Святого Ламбера избрал епископом Эрарда де ла Марка, племянника Дикого Кабана.^[60] Он взошел на епископский престол с твердым намерением положить конец раздорам фракций и семейной вражде, которые были источниками таких страданий. Он запретил своим подданным под страхом изгнания ворошить старые причины разногласий. Он отказывался слушать тех, кто приходил к нему с рассказами о своих соседях. Он выбирал должностных лиц своего Двора, не интересуясь их политическими взглядами, и давал понять, что до тех пор, пока соблюдался закон и поддерживался общественный порядок, никто не должен подвергаться сомнению ни за что, что могло произойти в прошлом.

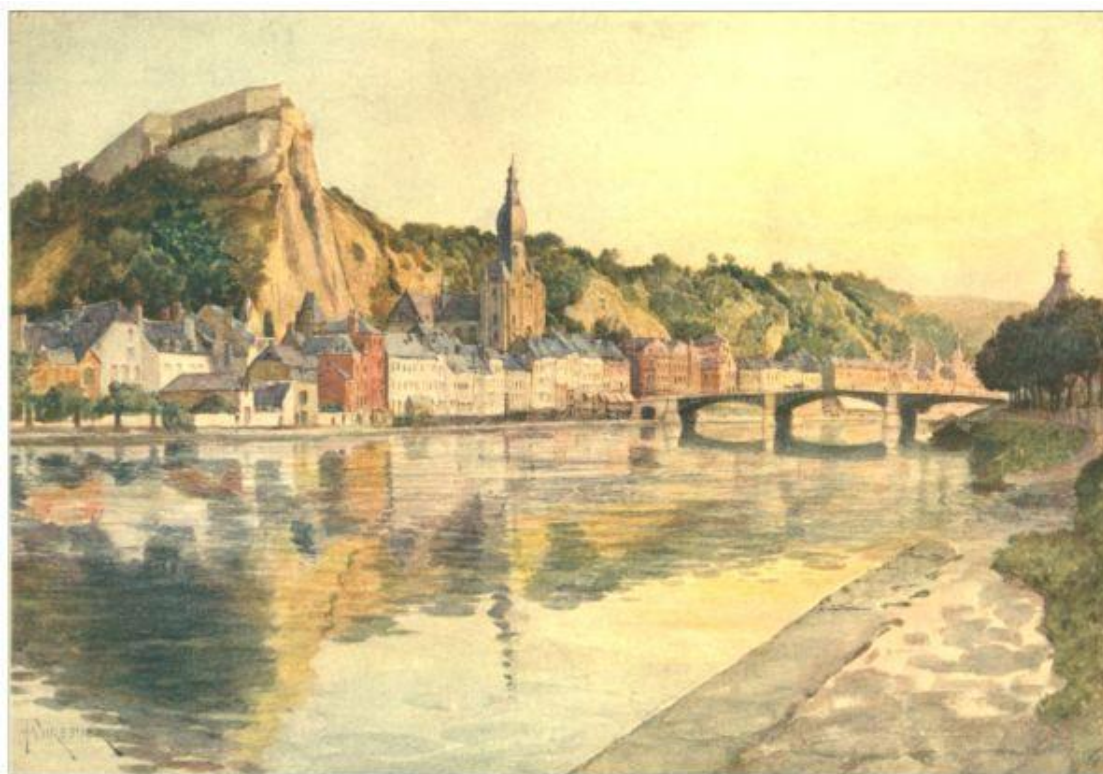
Его внешняя политика была столь же мудрой. Льежское княжество находилось между двумя могущественными соседями, и поначалу целью епископа было сохранять нейтралитет в любых спорах, которые могли возникнуть между императором и королем Франции. Но когда после смерти Максимилиана Карл V и Франциск I. стали соперниками за императорскую корону, он отправился на сейм во Франкфурт и поддержал притязания Карла. С этого времени княжество, хотя и было независимым от остальной Бельгии, входившей в состав владений Карла V., находилось в таких же тесных отношениях с Германской империей, как Кельнское курфюршество и другие церковные владения.^[61] Епископы, выбранные капитулом Льежа и утвержденные Папой Римским, были облечены императором светской властью и принадлежали к вестфальскому кругу Германской конфедерации.

В сильных руках епископа Эрарда в княжестве наступил один из редких периодов мира. Он обнаружил, что город Льеж погряз в долгах, а государственная служба пришла в негодность из-за нехватки денег. Перед ним было разработано множество планов по сбору средств. Он осмотрел их всех, а затем сказал своему совету: "Если вы оставите все мне на четыре года, я обещаю выплатить все ваши долги и привести в порядок ваши финансы, никого не притесняя и не налагая новых налогов". Это предложение было принято, и, настолько велик был его талант к бизнесу, через два года Льеж был свободен от всех обязательств. Во время его правления исчезли почти все следы разрушений, произведенных Карлом Смелым. Цитадель Динана была восстановлена. Хай и другие места восстали из пепла, и был построен Епископский дворец, который стоит на площади Сен-Ламбер в Льеже (современный *Дворец правосудия*). Он умер в 1538 году, тридцать лет сохраняя спокойствие в беспокойном сообществе Льежа.

Когда в шестнадцатом веке только начались религиозные смуты, реформатские доктрины быстро распространились, и гонители были заняты в Эно, Артуа и других валлонских округах на юго-западе Бельгии и вдоль французской границы. Почти все население Турне в Эно было кальвинистами. Но Льежское княжество, управляемое князьями-епископами независимое от Испании, не пострадало, как остальные Нидерланды, во время борьбы. Тем не менее, еще до смерти Эрарда де ла Марка дух восстания против Римской церкви коснулся долины Мааса, и в 1532 году Жан Камоле, отец-кармелит, прибыл в Льеж, уполномоченный папой проводить инквизицию. Требование Святого Престола вмешиваться в деятельность гражданского правительства было известно народу; и магистраты опубликовали заявление о том, что судьи страны являются единственными лицами, которые имеют право

рассматривать преступления любого рода, совершенные гражданами. Епископ сказал им, что инквизитор был послан Папой только для того, чтобы провести расследование убеждений тех, кто подозревался в ереси, а не для вмешательства в обычные суды, и что не было никакого намерения создавать испанскую инквизицию в епархии. Но судьи ответили: "У нас свои законы. Наши собственные судьи могут рассматривать гражданские и уголовные дела. В вопросах религии наши собственные церковные суды являются единственными компетентными трибуналами, и мы не допустим никакого нарушения наших древних привилегий". Эрард де ла Марк, который был слишком мудрым человеком, чтобы рисковать опасностями революции, взял на себя ответственность за расследование случаев ереси и таким образом спас княжество от гражданской войны.

ОБЩИЙ ВИД ДИНАНТА

Но в более поздний период, когда Нидерланды были охвачены восстанием из конца в конец, а Вильгельм Оранский был занят своим грандиозным соперничеством с Филиппом II, Жерар де Гройсбек, который был епископом с 1565 по 1580 год, оказался в особенно трудном положении. Княжество находилось во власти обеих сторон. Реформаторы разграбили аббатства Хастьер и Сен-Юбер и провели грандиозный митинг в Сен-Тронде, где прозвучал знаменитый боевой клич "Да здравствует бог!", и буйное собрание под предводительством Бредерода бросило вызов Филиппу и Риму. Сам принц Оранский, изгнанный из Брабанта, потребовал свободного прохода для своей армии и попытался овладеть Льежем. В этом ему это не удалось, но гарнизон испанских войск был послан занять город, и епископу пришлось рискнуть навлечь на себя враждебность Альвы, отказавшись впустить их. При умиротворении Гента в 1576 году Льежскому княжеству было предложено присоединиться к Соединенным провинциям Нидерландов; но жители были, как и валлоны в других частях Бельгии, убежденными католиками, и приглашение было отклонено. Епископ де Гройсбек был полон решимости сохранять нейтралитет своих владений. Льеж, объявил он с согласия трех сословий, должен был оставаться нейтральным государством и не принимать участия в

распрях своих соседей. Таким образом он надеялся защитить его от разрушительных последствий войны, и в целом ему это удалось, хотя время от времени в долине Мааса происходили бои, а осада Мейстрихта со всеми ужасами, последовавшими за взятием этого города, происходила почти у его дверей. Однако о его представлениях о нейтралитете можно судить по тому факту, что он отправил 4000 шахтеров со своих угольных шахт на помощь осаждающим Маэстрихт. Но валлоны в то время были католиками больше, чем любая другая бельгийская раса, и если бы "крик агонии, который был отчетливо слышен на расстоянии лиги", вырвавшийся у героических защитников, когда испанцы ворвались в город, мог достичь Льежа, он, вероятно, не тронул бы сердца многих льежцев. Во всяком случае, политика епископа была вознаграждена сравнительно спокойным правлением, нарушенным лишь серией мелких ссор с магистратами Льежа, которые претендовали на право владения ключами от города, право, которое, по утверждению епископа, принадлежало ему. Жерар де Гройсбек умер в 1580 году. Часто возникал вопрос, не было бы лучше для жителей Льежа, если бы епископы избирались без учета их семейных связей. Говорили, что люди высокого положения, рожденные во дворцах и с рождения привыкшие к лести и уважению к социальному рангу, с большей вероятностью будут властными и честолюбивыми, чем люди более скромного положения. С другой стороны, утверждалось, что маленькому беспокойному государству, окруженному могущественными соседями, требовался правитель, который мог бы как заручиться полезными союзами против иностранных агрессоров, так и добиться уважения и повиновения своих собственных подданных. Де Гройсбек всегда считал, что епископ Льежский должен быть избран из какой-нибудь королевской семьи; и на смертном одре он рекомендовал в качестве своего преемника принца Эрнеста Баварского, внука императора Фердинанда.

Когда пришло время избрания нового епископа, Генеральные штаты Соединенных Нидерландов и суды Испании и Франции выдвинули по одному кандидату, но капитул Льежа, желая сохранять нейтралитет между этими соперничающими интересами, принял решение в пользу принца Эрнеста Баварского.

Описание его приезда в Льеж может дать некоторое представление о церемониях, сопровождавших возведение на престол князей-епископов. 15 июня, в день его прибытия, магистраты вышли встретить его на окраине города и вручили ему копию клятвы, которой всегда клялись его предшественники: что он будет соблюдать все привилегии горожан и их муниципальные законы и никогда не будет посягать на их свободы и не допустит, чтобы на них посягали другие. Принц принес эту клятву, и ему были вручены ключи от города. Он вернул их бургомистрам со словами: "До сих пор вы верно охраняли их, и я оставляю их в ваших руках". Затем лошадь епископа подвели к воротам, но когда он приблизился, один из отряда арбалетчиков выступил вперед и закрыл их. Слуги закричали: "Откройте для принца!" но ворота оставались закрытыми до тех пор, пока городской слуга трижды не потребовал от имени бургомистров, чтобы их открыли, когда эта причудливая формальность подошла к концу, и принц въехал под арку. Внутри стен его встретила гильдия арбалетчиков, которым он пообещал сохранение всех их прав, привилегий и вольностей, после чего процессия двинулась дальше во главе с членом Конного ордена, несущим государственный меч. Далее следовал отряд конных алебардчиков, ехавших перед губернаторами главных городов, которые были одеты в мантии из расшитого шелка. За ними следовали лорды и знать княжества. Филипп де Крой, принц Шимейский, был там во главе 150 всадников вместе с принцем Аренбергским, герцогом Жюльерским, герцогом Баварским и длинной колонной дворян из других частей Бельгии и из других стран, каждый с многочисленной свитой кавалеров. Последним прибыл сам князь-епископ, ехавший между бургомистрами Льежа в сопровождении 800 вооруженных джентльменов. На улице была воздвигнута триумфальная

арка, на которой стояло множество нарядно одетых девушек. Когда принц добрался до нее, процессия остановилась, и с вершины арки под звуки музыки на проезжую часть был спущен большой деревянный ананас, изображающий герб города. Она открылась, и вышла красивая молодая девушка, которая прочитала несколько стихов в честь этого дня и преподнесла принцу позолоченную корзину, полную украшений из драгоценных камней, и серебряные кубки. На рыночной площади было три сцены. На первой стояли четверо мальчиков, представлявших духовное сословие, которые подарили золотую статую как символ христианской веры. На втором почетный меч, украшенный золотом и драгоценными камнями, был подарен дворянским сословием. Золотое сердце было подарком третьего сословия. Совсем рядом находился помост, на котором человек из простого народа преклонил колени перед судьей, держа в руках свиток, на котором были слова: "Да будут услышаны обе стороны".

У дверей собора Святого Ламбера руководитель хора положил руку на седло принца в знак того, что, по древнему обычаю, он считает лошадь и ее сбрую необходимыми для своей должности. Когда процессия вошла в здание, каноники приветствовали епископа от имени Капитула, облачили его в богатую сутану и проводили к главному алтарю, где епископ преклонил колени, а все собравшиеся дворяне и церковники стояли вокруг, и вслух была зачитана клятва, данная каждым епископом Льежа.

Этой клятвой он обязал себя сохранять неизменными все права епархии. Если он станет кардиналом, он должен будет защищать эти права перед Святым Престолом в Риме и, прежде всего, право Капитула избирать епископов Льежа. Он не должен отчуждать какую-либо часть Княжества без согласия Капитула и не должен позволять стране становиться данником какого-либо иностранного государства. Его обычное место жительства должно находиться в пределах княжества, и если ему пришлось покинуть его на какое-то время, он должен вернуться, когда его присутствие будет сочтено необходимым в интересах народа. Он не должен вводить никаких налогов без согласия трех сословий. Он не должен покидать ни одну из национальных цитаделей, и командиры в таких местах, как замки Бульон, Гюи и Динан, должны быть уроженцами этой страны. Ни один иностранец не мог занимать какую-либо государственную должность, а Тайный совет должен был состоять из каноников и других лиц, принесших присягу на верность Капитулу. Нельзя заключать никаких союзов, объявлять войну и вступать в какие-либо соглашения с иностранными принцами без разрешения Капитула.

Это лишь некоторые из многочисленных обязательств, которые были возложены на князей Льежа. Эрнест Баварский поклялся им всем, но вскоре стало очевидно, что княжество не может оставаться в стороне от любых связей с внешней политикой. К этому времени Реформация восторжествовала в большей части Германии; но Баварский дом оставался прочно привязанным к католической церкви, и когда Жерар Трюхсес, архиепископ Кельнский, и Вильгельм де Мерс, епископ Мюнстерский, отказались от старой веры, вакантные престолы были переданы принцу Эрнесту, который, таким образом, не только владел тремя епископствами одновременно, но и был вынужден защищать свое положение силой оружия против протестантских князей. Большую часть своего времени он провел в Германии, в то время как в Льежское княжество вошли испанские и голландские войска, которые вели себя с равной жестокостью по отношению к жителям. Небольшой отряд голландцев напал врасплох на замок Хай и захватил его, хотя ни с одной из сторон никто не погиб. Принц Эрнест жаловался на то, что княжество соблюдает нейтралитет, но голландцы ответили, и совершенно справедливо, что нейтралитет Льежа был всего лишь притворством, поскольку епископ был активным сторонником на стороне их врагов. Поэтому он обратился

за помощью к испанцам, которые взяли Хай штурмом и отбили после упорного сопротивления. Но в целом, похоже, что, несмотря на строгую ортодоксальность льежцев, католики были еще более непопулярны, чем протестанты, поскольку эрцгерцог Альберт пожаловался, что сельские жители проявляют больше враждебности к его солдатам, чем к голландцам, и ему сказали, что люди обычно больше всего ненавидят тех, кто причинил им больше вреда. Сам принц Эрнест с горечью отзывался о том, каким образом вымогались деньги для поддержки испанских гарнизонов в Арденнах.

РОМАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ, ХАСТЬЕР

Только после заключения Двенадцатилетнего перемирия между "эрцгерцогами" Альбертом и Изабеллой и Генеральными штатами княжество было освобождено от вторжений иностранных войск. Это было в 1609 году. Три года спустя Эрнест Баварский умер, и ему наследовал епископские престолы Льежа и Кельна его племянник Фердинанд.

Сноски

[60] Отцом Эрарда был Роберт, принц Седан, граф Аренберг, ла Марк и Клеве, брат Уильяма де ла Марка, Арденнского Вепря.

[61] Возможно, будет удобно напомнить некоторым читателям, что отцом Карла V. был Филипп, сын Максимилиана и герцогини Марии, дочери Карла Смелого, и что его матерью была Джоанна, дочь Фердинанда Испанского. После смерти Филиппа он унаследовал Нидерланды, после смерти Фердинанда - Испанию, а после смерти Максимилиана курфюрсты Германии сделали его императором.

ГЛАВА XXIV

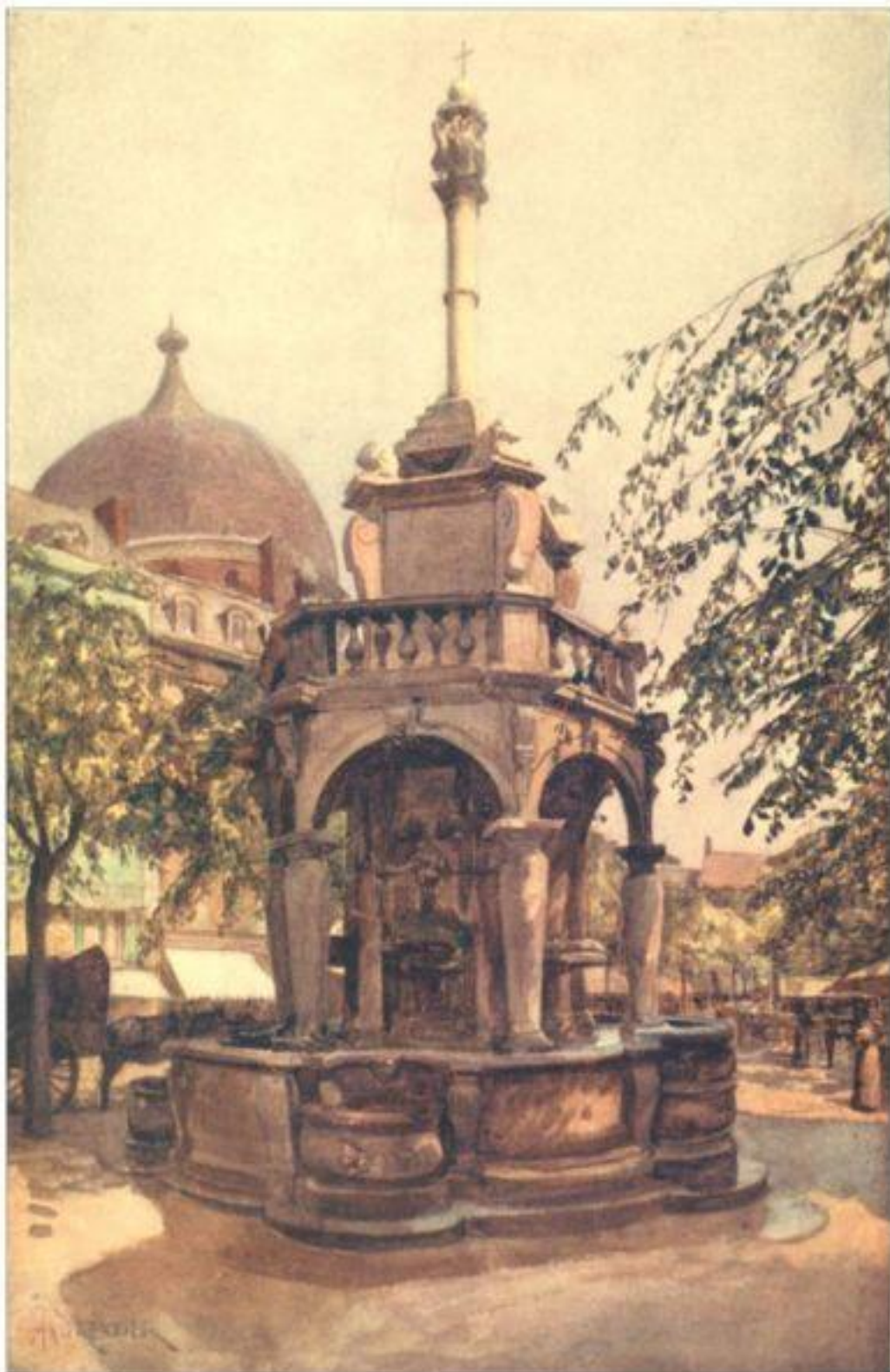
ШИРУ И ГРИНЬЮ — ТРАГИЧЕСКИЙ БАНКЕТ В ВАРФУЗЕ

Правление Фердинанда Баварского было одной долгой ссорой с магистратами Льежа. Вскоре он обнаружил, что во время частых отлучек его дяди в Германию бургомистры узурпировали многие полномочия, которые до сих пор принадлежали епископу. Они издавали свои собственные указы без его ведома, а иногда и отменяли его приказы, не посоветовавшись с ним. Они взяли на себя ответственность назначать должностных лиц, призывать граждан к оружию и посылать представителей при иностранных дворах. Короче говоря, их притязания возросли настолько, что стало очевидно, что они стремятся ни к чему иному, как к верховной власти.

Наконец наступил момент, когда ситуация дошла до кризиса из-за избрания бургомистрами двух популярных кандидатов, Уильяма Бикмана и Себастьяна Ла Рюэля, на выборе которых народ настаивал вопреки воле Фердинанда, который разозлил льежан, введя немецкие и испанские войска в княжество для поддержки его прав. Бикманн скоростижно скончался. Слух о том, что он был отравлен друзьями епископа, разожгли страсти толпы, которая жадно слушала Ла Рюэля, когда он говорил им, что интимные отношения их принца с Австрией и Испанией опасны для независимости страны.

В то время в Льеже существовало две группировки — "Ширу" и "Гринью". Оказывается, несколько знатных молодых людей вернулись из поездки в Париж, одетые по последней моде, в белых чулках и ботинках, доходящих до икр, из-за чего городские острословы говорили, что они похожи на породу ласточек, известную как "Ширу". Однажды в церкви Святого Ламбера кто-то из горожан, увидев компанию этих щеголей, крикнул: "Ширу! Чиру!" — остальные ответили криками "Гринью", то есть *гронгарды*, или недовольные. Отсюда и прозвища. Ширу поддерживали епископа, в то время как Гринью выступали против него. Первые, как и Фердинанд, выступали за поддержание тесных отношений с Германией, в то время как последние должны были добиваться дружбы с королем Франции. На данном этапе мы сталкиваемся с одним из самых любопытных эпизодов в истории Льежа.

LE PERRON LIÉGEOIS, LIÈGE

Некий барон де Пеше, живший в районе между реками Самбр и Маас, имея дело с судьями в Льеже, попросил одного из своих родственников, аббата де Музона, француза, вести это дело. Де Музон, проницательный человек с талантом политической интриги, в полной мере использовал свои возможности и вскоре знал все о вражде между Ширу и Гринью, о существовании немецкой и французской фракций и обо всем, что происходило в Льеже. Он проинформировал министров Людовика XIII. что жители Льежа в глубине души благосклонны

к Франции и что узы, связывающие их с Германией, могут быть легко разорваны, поскольку епископ очень редко бывал в княжестве и не имел реального влияния на своих подданных. Он сообщил французскому правительству, что подружился с самыми важными людьми в городе и может оказать большие услуги Франции при условии, что у него будут соответствующие полномочия. В результате он получил назначение в качестве французского резидента, или посланника, в Льеже. Затем он обратил внимание на Ла Рюэля и его партию, чтобы убедить их отстаивать интересы Франции и порвать с Германией, и сыграл свою роль так хорошо, что лидеры Ширу, встревожившись, отправили епископу послание, посоветовав ему быть настороже против интриг французского посланника и семьи Гринью.

Фердинанд, получив это предупреждение, отправил графа Людовика Нассауского в Льеж с письмом к магистратам, в котором он сурово отчитал их и обвинил в предательской переписке с Францией. Ла Рюэль ответил в резких выражениях, заявив, что страна разоряется немецкими солдатами, посланными туда епископом. На это Фердинанд ответил, что, поскольку льежцы не будут добровольно выполнять свой долг верноподданных, он найдет средства заставить их; и вскоре армия императорских войск вошла в княжество и встала лагерем близ Льежа.

И вот на сцену выходит новый актер. Граф Варфузе, который по очереди работал на Испанию и Голландию и предал их обоих, в это время жил в изгнании в Льеже. Выдавая себя за сторонника французской стороны, он заручился доверием Ла Рюэля и аббата де Музона, к обоим из которых он питал теплую дружбу; но на самом деле он состоял в переписке с брюссельским двором и пообещал, что, если в его распоряжение будет предоставлено несколько солдат, он сокрушит французскую партию в Льеже.

17 апреля 1637 года он устроил званый обед, на который были приглашены Ла Рюэль, аббат де Музон и другие гости. Когда Ла Рюэль прибыл в сопровождении молодого слуги по имени Жаспар, Варфузи весело поприветствовал его. Затем, заметив Жаспара, он воскликнул: "Ах! это мой хороший друг, я его хорошо знаю. - И, указав дорогу на кухню, сказал: - Развлекайтесь сегодня и выпейте за здоровье бургомистра Ла Рюэля.

Компания села ужинать в комнате на первом этаже, окна которой были забраны железными решетками и выходили во внутренний двор посреди здания. Граф Варфузе сидел у двери, рядом с ним был адвокат Маршан. Ла Рюэль и аббат сидели по другую сторону стола. Присутствовали барон де Сайзан, француз, и несколько других джентльменов, а также несколько дам, среди которых были баронесса де Сайзан и четыре дочери графа Варфузе. Все были в прекрасном расположении духа. Граф заявил, что чувствует себя настолько счастливым, что намеревается напиться, и пригласил всех остальных последовать его примеру. Заказав большие бокалы, он пригласил де Музона на пирушку. Аббат предложил выпить за здоровье самого христианского короля; и этот тост был должным образом произнесен, джентльмены встали и обнажили головы.

Во время первого блюда веселье гостей усилилось; но внезапно манеры графа изменились, и кто-то из компании стал подтрунивать над его серьезностью, когда слуги вносили второе блюдо, его камердинер подошел и что-то прошептал ему на ухо. Варфузи кивнул, и немедленно двадцать солдат, каждый с обнаженным мечом в одной руке и огнестрельным оружием в другой, вошли в комнату, поклонились и окружили стол. Гости предположили, что это была какая-то шутка, придуманная для их развлечения, и Ла Рюэль спросил хозяина, что это значит. - Ничего, - ответил Варфузе, - не двигайтесь. - Но пока он говорил, в окна появилась группа испанцев и направила свои мушкеты сквозь прутья решетки. Варфузе,

указав на Жаспара, который прислуживал своему хозяину, приказал солдатам увести его. Его схватили и выставили из комнаты. Затем граф крикнул: "Арестуйте бургомистра!"

- Что? Арестовать меня? - воскликнул Ла Рюэль, вставая и бросая салфетку на стол.

- Да, вы, - ответил Варфузе, - и аббат де Музон, и барон де Сейзан тоже.

Солдаты схватили Ла Рюэля и выволокли его вон, а Варфузе, крича во весь голос, заявил, что действует по приказу императора и Его Королевского Высочества епископа. Они, по его словам, достаточно долго терпели интриги французов, и власть принца должна быть восстановлена. Последовала сцена самого дикого замешательства. Варфузе ворвался во двор и осыпал Ла Рюэля оскорблениями. "Веревки, веревки для бургомистра!" - закричал он. "Ах! ты предатель! сегодня твое сердце в моих руках. Смотри, вот приказ принца"; и он вытащил какие-то бумаги из кармана. "Примиришься с Богом, ибо ты должен умереть". Джаспер, слуга, который стоял рядом, уже связанный, как говорят, воскликнул, услышав эти слова: "О, господин, разве я не всегда говорил, что произойдет?"

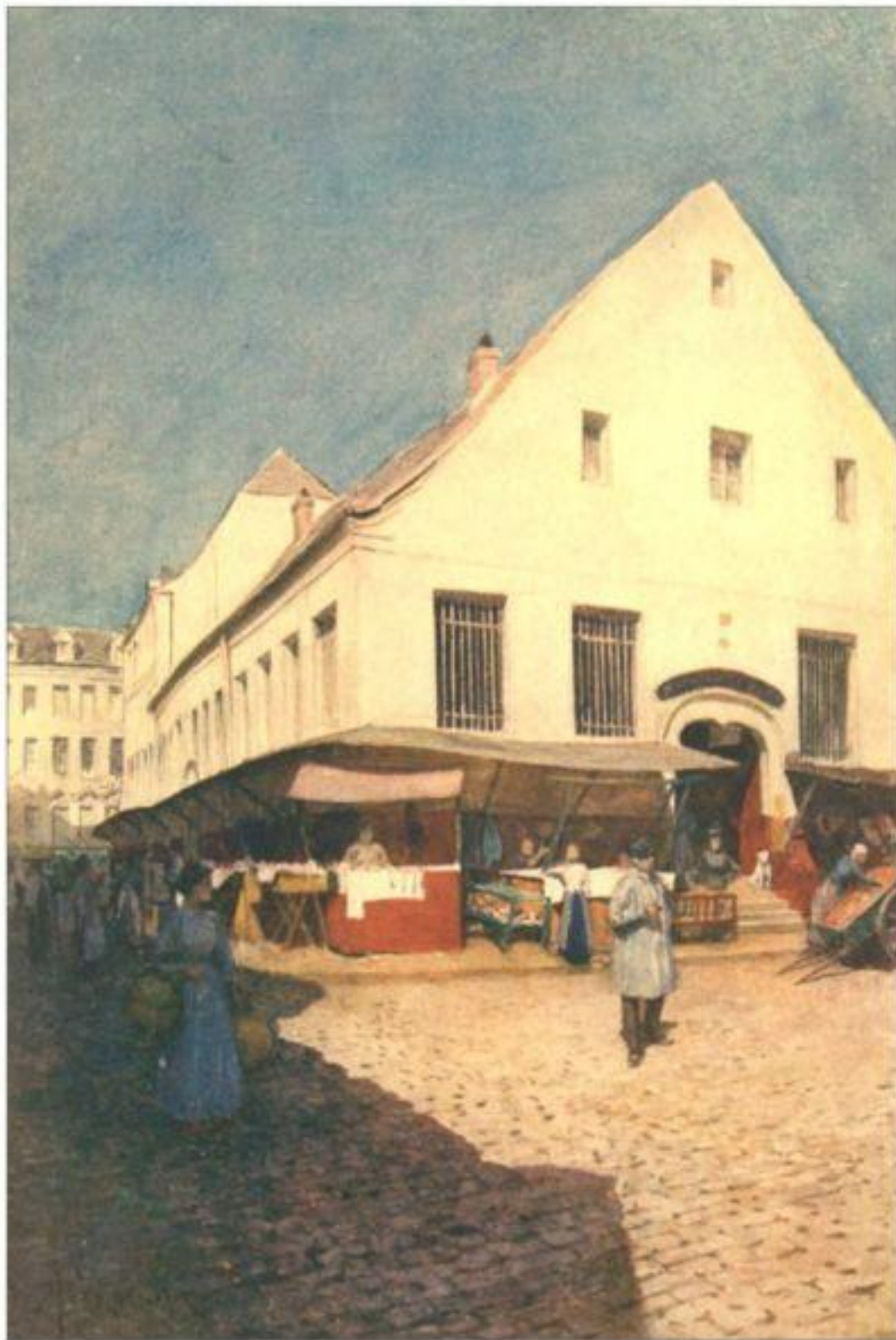
Напрасно Ла Рюэль молил о пощаде. Двое доминиканцев, посланных за жертвой, умоляли графа остановиться; но "Убейте его, убейте! Поторопитесь. Не теряйте больше времени", - таков был его ответ на их мольбы и на просьбы его собственных дочерей, которые со слезами умоляли его сохранить жизнь несчастному. Некоторые солдаты отказались прикоснуться к бургомистру и прямо в лицо сказали Варфузе, что они не убийцы. Но наконец трое испанцев выхватили кинжалы и несколько раз ударили Ла Рюэля, пока он не умер.

Его крики были слышны в комнате, где Де Музон, опасаясь, что настал его последний час, ждал вместе с другими гостями под охраной солдат. Доминиканцы вошли; и все столпились вокруг них, изливая свои признания и требуя отпущения грехов, когда Варфузе подошел к двери и сказал им, что бургомистр мертв и что он умер, рассказывая в своих злодеяниях и прося прощения у Бога, императора и епископа. Сказав это, он снова ушел.

Тем временем по городу распространился слух о том, что происходит нечто необычное. Говорили, что видели, как отряд испанских солдат переправился через Маас и направился к дому графа Варфузе, где, как было известно, в тот день обедал бургомистр; и все подозревали, что их послали арестовать Ла Рюэля, Де Музона, Варфузе и их друзей. Поэтому двоюродный брат бургомистра отправился выяснить, так ли это на самом деле. Когда он подошел к двери дома, то увидел толпу людей, которые рассказали ему, что слышали крики изнутри и лязг оружия, и что прошел слух, что бургомистр был убит.

Услышав это, он постучал в дверь, которую открыл граф, впустивший его с несколькими своими друзьями.

LA VIEILLE BOUCHERIE, LIÉGE

- Скажите мне, джентльмены, - спросил Варфузе, - вы хотите быть испанцем, французом или голландцем?

"Нет, — ответили они, - мы хотим оставаться теми, кто мы есть, - нейтралами и истинными льежуа".

- Что бы вы подумали, - спросил их граф, - если бы услышали, что Ла Рюэль продал вашу страну Франции?

"Мы бы в это не поверили", - ответили все они.

- Вы знаете его подпись? - спросил Варфузе, показывая им какие-то документы.

"Это подделки", - сказали ему.

- Неважно! - воскликнул граф. - У меня был приказ убить Ла Рюэль. Он уже мертв, а я держу в плену аббата де Музона и барона де Саизана. Хотите взглянуть на тело Ла Рюэль?

На это они ответили "Нет" и попросили разрешения покинуть дом.

К этому времени весть о смерти бургомистра разнеслась по городу, и перед домом собралась огромная толпа, кричавшая "К оружию!" и требовавшая впуска. Граф отважился открыть дверь и позволил двоюродному брату бургомистра и его друзьям скрыться. Шум усилился, так как люди громко стучали в дверь и изрекали угрозы отомстить графу. Варфузе, теперь дрожащий всем телом, бледный и охваченный ужасом, бегал взад и вперед между двором и садом и, наконец, спрятался в комнате на верхнем этаже, как раз в тот момент, когда вооруженная толпа горожан ворвалась туда и прорвалась туда, где солдаты охраняли аббата де Музона и других заключенных. Барон де Сайзан немедленно призвал испанцев сложить оружие и пообещал им пощаду. Они позволили разоружить себя, но горожане немедленно напали на них. Завязалась короткая, но отчаянная борьба, во время которой дамы, съежившись на полу, защищались, как могли, от летавших повсюду мушкетных пуль и ударов шпагами, которые разъяренные горожане наносили во всех направлениях. Через несколько минут испанцы были перебиты до последнего человека; и тогда несколько горожан, движимых жалостью, увели дочерей Варфузе из залитого кровью дома в Ратушу, где они нашли убежище.

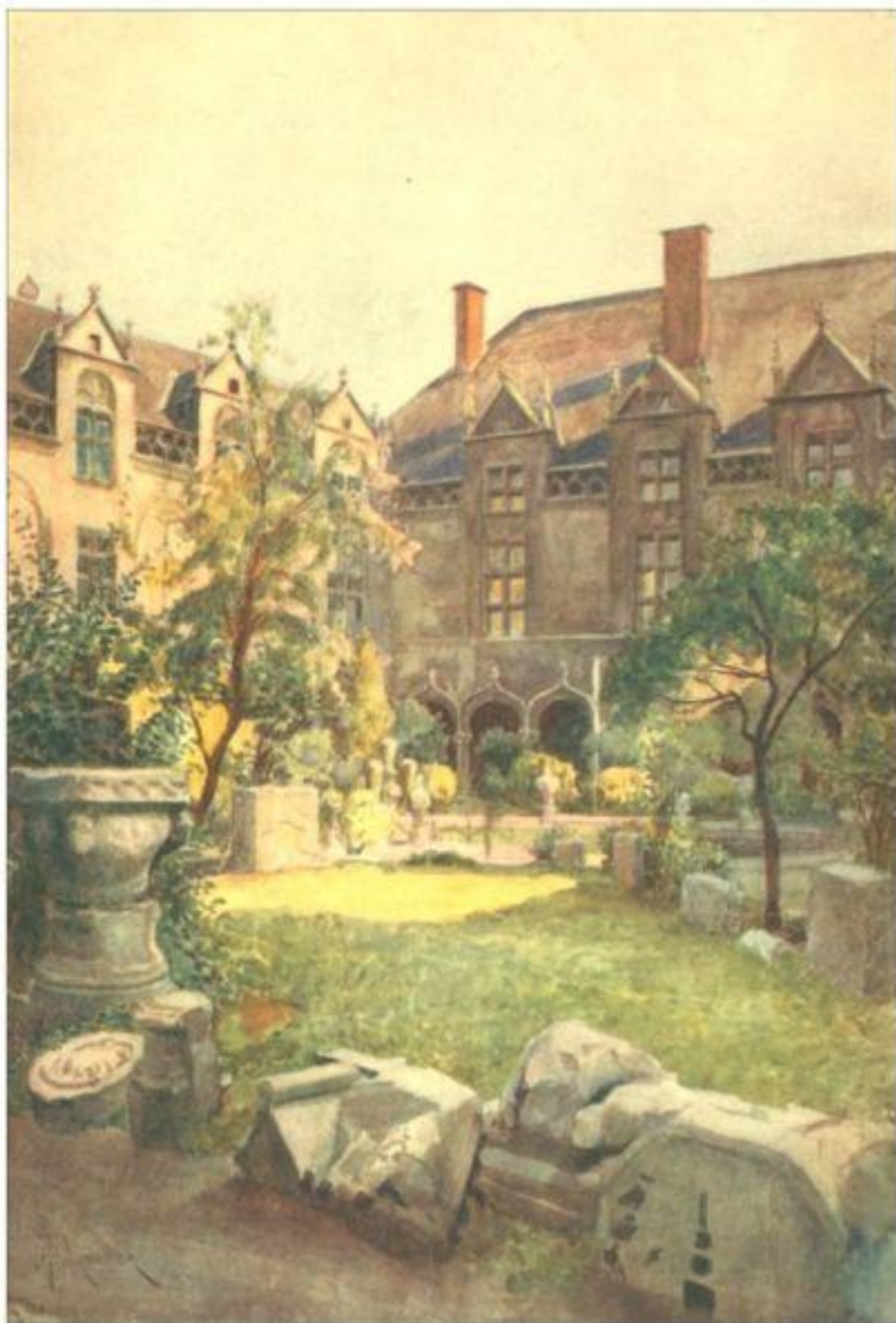
Их отец в это время лежал на кровати наверху, где его вскоре обнаружили вернувшийся кузен Ла Рюэль и несколько бюргеров, которые подтащили его к двери дома и выбросили на улицу. Толпа набросилась на него, ударила ножом и забила до смерти дубинками, сорвала с него одежду, вытащила за ноги на рыночную площадь, подвесила головой вниз на виселице и, наконец, разорвала мертвое тело на куски. Был разожжен костер, его останки сожжены, а пепел выброшен в реку Маас.

Даже эта месть не утолила жажды крови, охватившей жителей Льежа. Адвокат Маршан, который был одним из гостей Варфузе, и еще один выдающийся гражданин, Теодор Флерон, попали под подозрение и были убиты. Говорят, что один из тех, кто убил Флерона, был настолько вне себя от ярости, что бросился на труп убитого, разорвал его зубами, как дикий зверь, и высосал кровь. Церковь кармелиток, которых также подозревали в том, что они знали о заговоре Варфузе, была разграблена. Ректор ордена иезуитов был убит, а члены этого общества изгнаны из города. Толпа прошла по улицам, выкрикивая: "Смерть Ширу! Смерть священникам!" Был составлен список подозреваемых лиц, которые были осуждены без суда по обвинению в заговоре против государства; и многие из фракции Ширу были повешены на виселице.

Такова ужасная история "Трагического банкета в Варфузе", как его называют в местной истории. Мотивом преступления, столь же глупого, сколь и жестокого, очевидно, было желание Варфузе любой ценой завоевать авторитет у императора, хотя, по-видимому, нет доказательств того, что император или Фердинанд действительно санкционировали убийство бургомистра. Нет также свидетельств того, что Ла Рюэль замыслил передачу

княжества Франции. Единственным объяснением необычайной глупости Варфузе, по-видимому, является то, что он совершенно неправильно понял настроения льежцев и недооценил популярность Ла Рюэль и силу фракции Гринью. В противном случае, каким бы отчаянным негодяем он ни был, он вряд ли отважился бы совершить такое преступление без поддержки, кроме нескольких солдат.

ЕПИСКОПАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ—ВНУТРЕННИЙ ДВОР, ЛЬЕЖ

Последовало подобие мира; но вскоре вражда между ширу и Гринью вспыхнула снова. Гринью снова одержали верх. Епископский дворец был захвачен толпой. Двумстам гражданам высшего сословия было приказано отправиться в изгнание; и когда епископ направлялся в Льеж, надеясь восстановить порядок мирными средствами, его встретило известие, что ворота перед ним закрыты. Поэтому он послал своего племянника, принца Генриха Максимилиана Баварского, с армией взять город. В стычке близ Жюпиля был убит один из бургомистров. Гринью пали духом и открыли ворота. Затем последовал массовый арест популярных лидеров, четверо из которых были казнены. Способ избрания магистратов был изменен, епископ оставил за собой право назначать половину из них. Лоялисты, которые были изгнаны, были отозваны. Чтобы устроить народ, на высоком хребте над городом была построена цитадель; и когда Фердинанд умер в 1650 году, в княжестве царил такой покой, какого не было уже много лет.

ГЛАВА XXV

ИГОРНЫЕ СТОЛЫ В СПА-ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ— АННЕКСИЯ КНЯЖЕСТВА

Уже два принца Баварии были епископами Льежа, и теперь им наследовал третий, принц Максимилиан Генрих, который занимал этот непростой трон с 1650 по 1688 год.

В течение большей части того времени армии почти всех европейских стран наводняли княжество, но самым важным событием правления Максимилиана было установление новой системы выборов магистратов. Эта система, вступившая в силу в ноябре 1684 года и известная как "Правительство Максимилиана Баварского", лишила низшие классы прямой избирательной власти, которой они так долго злоупотребляли, и разделила ее между епископами и средним классом. Результатом этой меры стало то, что на следующие сто лет в стенах Льежа воцарилась тишина, если не гармония. В течение этого периода, с 1684 по 1784 год, долина Мааса часто была ареной боевых действий в различных кампаниях семнадцатого и восемнадцатого веков.

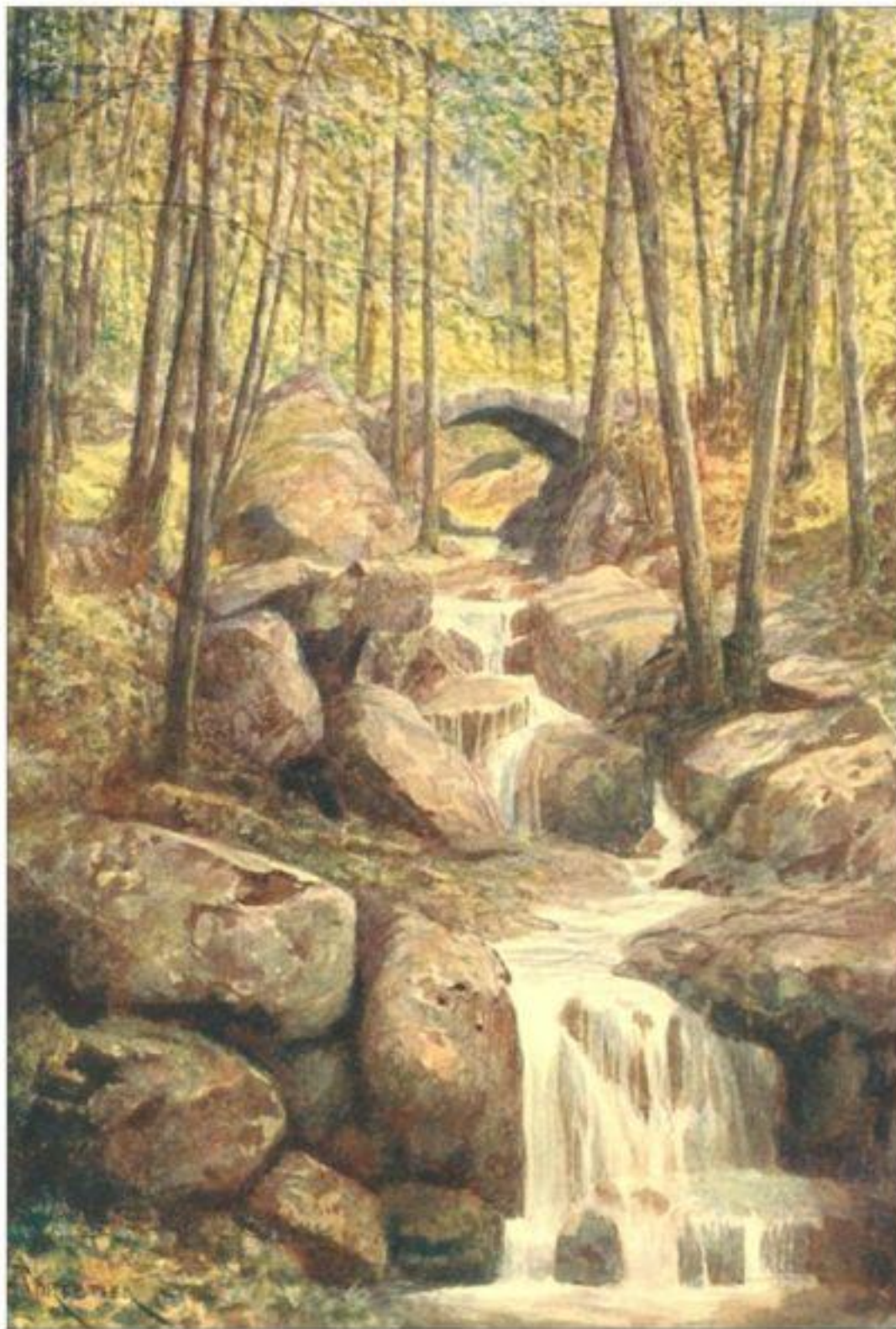
Более спокойные времена наступили с заключением Экс-ла-Шапельского мира в 1748 году, когда Австрийские Нидерланды были возвращены императрице Марии Терезии. Действительно, это было всего лишь затишье между двумя штормами. Но в течение нескольких лет в долине Мааса процветало мирное искусство, и наряду с замечательным прогрессом промышленности и торговли возрастала интеллектуальная активность народа. Была создана ассоциация, получившая название "Общество подражания", главным образом для изучения французской литературы; и вскоре произведения Вольтера, Дидро и д'Аламбера были прочитаны всеми классами общества. Духовенство пыталось запретить покупку таких книг, но тщетно. Среди рабочего класса любимыми авторами были те, кто нападал на духовенство; а сочинения Вольтера стали настолько популярными, что во многих деревнях страны проводились тайные собрания с целью послушать их чтение вслух. Таким образом, подспудно воспитывался дух исследования и свободной мысли. Уже во Франции слышались первые предвестники надвигающейся бури; и в Льеже люди начали говорить о "правах человека", подвергать сомнению догмы Церкви и высмеивать священников, у ног которых их предки преклоняли колени столько сотен лет.

Пока эти новые силы набирались сил, Сезар де Хоэнсбрук, один из каноников святого Ламберта, стал епископом 21 июля 1784 года. Пустяковый спор, с которого началось его правление, был прелюдией к очень серьезным событиям. В течение многих лет компания под названием "Сосьете Дело" обладала монополией на игорные столы в Спа на средства епископов Льежа, которым выплачивалась треть прибыли. В 1785 году некто Левоз, гражданин Льежа, открыл новый игорный дом, который он назвал "Клубом". Société Deleau протестовало против этого нарушения его монополии. Левоз и его друзья ответили, что по закону епископы не имеют права предоставлять монополию без санкции сословий; и в конце концов дело было передано в Имперскую палату Германской империи.

Эта мелкая ссора, столь тривиальная по своему происхождению, продолжалась более двух лет, когда внезапно она переросла в серьезную полемику с одним из сторонников Левоза, Николасом Бассендже, опубликовавшим серию писем, в которых он заявлял, что на карту поставлены свободы страны. "Это не просто вопрос об азартной игре", - сказал он, - "что должно быть главенствующим". - спросил он, - принц или народ? Кто имеет право издавать законы или предоставлять монополии? Глава государства - это не его хозяин, а всего лишь инструмент национальной воли. Другие последовали примеру Бассенджа в том же духе; и новые письма, новые взаимные обвинения, горячие слова и гневные ответы подлили масла в огонь.

Левоз, устав ждать решения Императорской палаты, сдал свой клуб в аренду менеджеру Полю Редуте, который открыл его танцами, дополненными игрой в кости и карты. Епископ послал в Спа 200 солдат, которые закрыли клубные столы и запретили все азартные игры, за исключением тех залов, которым он предоставил монополию. Был выдан ордер на арест Редуте и м. Рансонне, которые участвовали в американской войне за независимость, а теперь были лидером недовольной партии в Льеже. Последний бежал в Брюссель, где в Брабанте произошла революция против Иосифа II. приближался к своему апогею, и он отправил письма в Льеж, в которых сообщал, что разрабатывается план создания республики, состоящей из Брабанта и княжества Льеж. Не было бы, спросил он, славным делом ограничить епископов их апостольской миссией, как во времена святого Губерта? Подобные слова произвели глубокое впечатление в то время, когда старое влияние традиций и обычаев начало терять свою силу.

ПОН-ДЮ-ПРОФЕТ, НАБЕРЕЖНАЯ МЕЙЕРБЕРА, СПА-ВУДС

Весной и летом 1789 года бедняки сильно страдали из-за плохого сезона; и епископ устроил празднование 21 июля, годовщины своего избрания, раздачей хлеба неимущим. Но еще до наступления 21 июля по долине Мааса галопом проскакали всадники с известиями о

чудесных событиях, произошедших во Франции. "Творцы беззакония, - писал Бассенж, - узрите Париж и трепещите!"

14 июля пала Бастилия, а месяц спустя, почти в один день, 16 августа, началась революция в Льеже. В течение двух дней люди ничего не делали, только маршировали по улицам; но очень рано утром во вторник, 18-го, над городом зазвонил набат, и вскоре рыночная площадь заполнилась огромной толпой, все были в красных и желтых кокардах - национальных цветах. Барон де Каштре во главе 200 вооруженных людей вошел в ратушу и изгнал бургомистров. За этим последовали выборы в знаменитом Перроне новых бургомистров, одним из которых был барон де Каштре, который позже в тот же день отправился с несколькими повстанцами во дворец епископа в Серене и потребовал своего присутствия в городе и письменного одобрения того, что было сделано. Епископа, украшенного красно-желтой кокардой, поспешила увезти в Льеж толпа, которая столпилась вокруг его кареты, крича, трубя в трубы и барабаны в барабаны. Лошадей вывели, и бунтовщики отвели его в Ратушу и привели в комнату, где при свете единственной свечи было видно несколько человек, ожидавших его с мечами в руках. Из темноты донесся угрожающий голос, говоривший: "Нация требует вашей подписи. Поторопитесь!" и епископ немедленно подписал ряд документов, которые были положены перед ним, не дожидаясь прочтения содержания. На следующий день он вернулся в Серен, но через несколько дней тайно отбыл в Трев.

Почти два года Императорская палата была занята вопросом о Льеже; но наконец, когда революция в Брабанте была подавлена, австрийская армия вступила в княжество. Все, что революционная партия сделала с 18 августа 1789 года, было объявлено недействительным. Изгнанные бургомистры были восстановлены в должности. Бежавшие каноники святого Ламберта были возвращены, и сам епископ вернулся. Общество подражания, которое так много сделало для поощрения изучения Вольтера, было подавлено. Некоторым из тех, кто возглавлял восстание, были вынесены приговоры об изгнании и даже смертной казни; и нет никаких сомнений в том, что епископ Хоэнсбрук заслужил титул "кровавого претора", который был присвоен ему при дворах Берлина и Вены. Он умер в июне 1792 года, а в августе того же года его племянник, граф де Меан, был избран Капитулом. Но перед вступлением в должность нового епископа армия Французской Республики, только что одержавшая победу при Жемаппе, отбросив австрийцев за Маас, овладела Льежом. Это было 28 ноября 1792 года.

Дюмурье, вошедший в Брюссель без сопротивления, получил сердечный прием в Льеже, где народные настроения были в пользу союза с Францией; и во всех частях княжества были приняты резолюции о присоединении страны к Республике. Говорят, что незадолго до 18 августа 1789 года Мирабо обедал в Льеже с Бассендж и некоторыми революционными лидерами, когда разговор зашел о деле в Спа. Ему объяснили конституцию Льежа. "И вы этим недовольны?" - спросил он. - Джентльмены, позвольте мне сказать вам, что если бы во Франции мы пользовались хотя бы половиной ваших привилегий, мы считали бы себя счастливыми. Но в слове "Республика" для жителей Льежа всегда было какое-то очарование. "Жители Льежа, - сказал Николя Бассенж, когда Национальный конвент в Париже постановил аннексию Нидерландов, - наша судьба предрешена: мы французы. Жить или умереть французами - вот желание наших сердец, и никогда еще это желание не было таким чистым, таким искренним и таким единодушным".

Томас Бассенж, брат Николя, в то время был членом муниципального совета Льежа; и в феврале 1793 года он убедил магистратов отпраздновать революцию разрушением собора

Святого Ламбера, который стоял рядом с Епископским дворцом Эрарда де ла Марка. Фасад этой церкви, самого красивого церковного здания в княжестве, представлял собой массу искусной резьбы. Статуи ангелов и архангелов, патриархов и пророков, мучеников и святых возвышались одна над другой, и над ними бесчисленные шпили были переплетены лабиринтом тонких арок, пересекающих друг друга узором, таким тонким, что почти напоминал кружево. Под этим обилием каменных работ главный дверной проем был украшен мраморными статуями благотворителей церкви, выполненными резцом Ламберта Зутмана, скульптора из Льежа; а внутри здания, с его мраморными колоннами и окнами из старинных витражей, было множество картин, гробницы епископов, богатые гобелены, украшенный драгоценными камнями бюст Ламберта и множество ценных предметов, среди которых были две золотые статуи, присланные Карлом Смелым в усыпальницу святого покровителя в качестве акта искупления после того, как он разрушил город. Это здание, пережившее великую катастрофу пятнадцатого века, теперь было полностью разрушено. Статуи и монументы были сброшены. Мавзолей Эрарда де ла Марка был продан и разобран. Могилы были вскрыты, кости выброшены, а свинец из гробов использован для изготовления пуль. Часы были отправлены вверх по Маасу на баржах во Францию и там превращены в медные деньги. Все ценное было вывезено, и вскоре не осталось ничего, кроме голых стен, которые через несколько лет превратились в руины. Таким образом, длинная линия князей-епископов Льежа и место, в котором на протяжении веков они были торжественно открыты, сошлись воедино.

ГЛАВА XXVI

ЛЬЕЖ И ДОЛИНА МААСА В НАШЕ ВРЕМЯ—БУЛЬОН

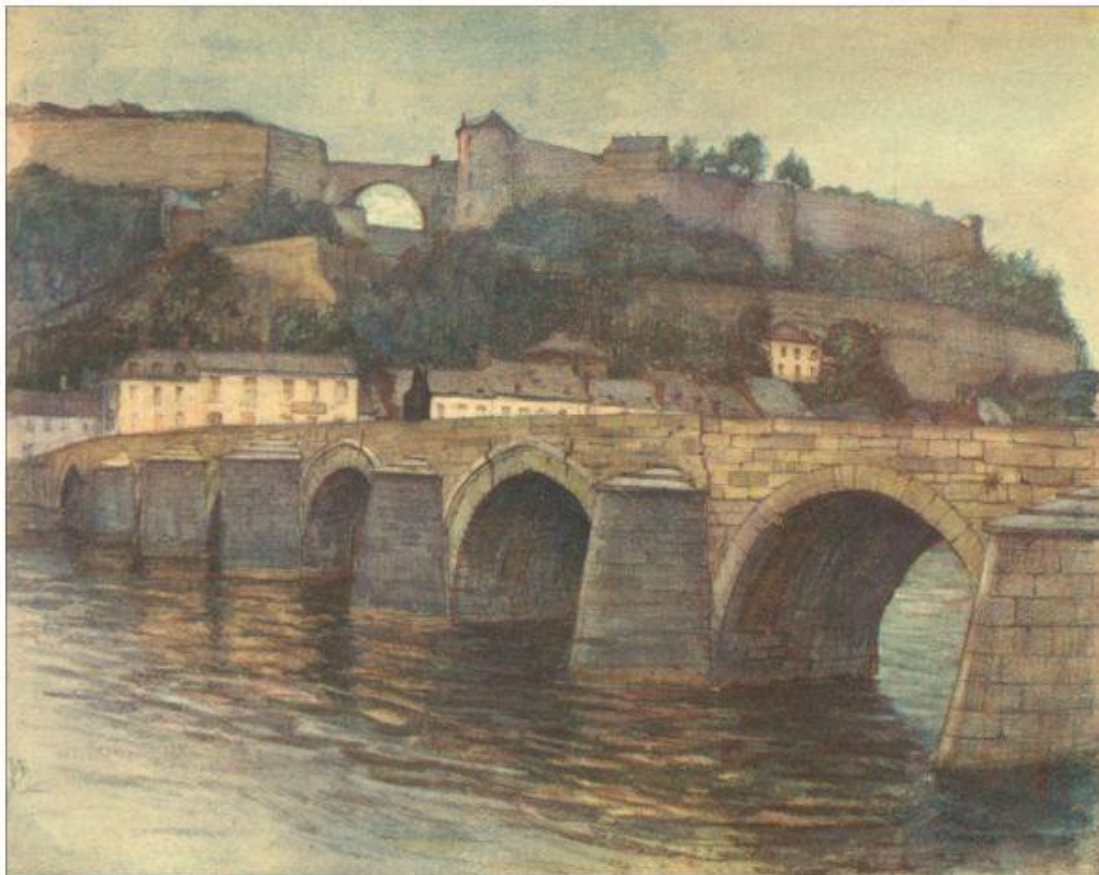
Территория, которой управляли епископы, теперь была объединена в четыре из девяти департаментов, на которые Национальный конвент разделил аннексированные Австрийские Нидерланды. Департамент Форет со столицей в Люксембурге включал в себя Арденны. Западная часть старой епархии была погружена в "Самбр и Маас", главным городом которого был Намюр. "Урт" - так назывался район, в котором находился Льеж. К востоку лежал департамент Мез-Инферьер, со столицей в Маэстрихте. Таким образом, старые границы княжества были полностью стерты с лица земли. Конвенция наделила жителей этих округов правами французских граждан, и из Парижа были направлены уполномоченные для разделения страны на кантоны и создания новой системы местного управления по французской модели.

Департаменты Форет, Самбр и Маас, Урт и Маас-Инферьер находились в том же состоянии, что и остальная часть Бельгии в последние годы восемнадцатого века и вплоть до падения Наполеона. После этого они вошли в состав "Королевства Нидерландов" при Доме Оранских-Нассау и стали называться провинциями Люксембург, Намюр, Льеж и Лимбург.

Когда Королевство Нидерландов, главная конструктивная работа, проделанная Венским конгрессом, развалилось на куски в 1830 году, льежцы вместе с остальной Бельгией участвовали в революции против Вильгельма I. Как только жители Льежа услышали о восстании в Брюсселе, они, как и в старые времена, собрались на рыночной площади, надели национальные цвета и приобрели оружие в лавках оружейников. Рота из 300 добровольцев с двумя пушками прошла маршем через Брабант в Брюссель и приняла видное участие в уличных боях, которые закончились отступлением голландских войск и

триумфом революции, приведшей к отделению католических Нидерландов от Голландии и избранию Леопольда I. королем Бельгии.

PONT DE JAMBES ET CITADELLE, NAMUR

Давным-давно, во времена принца Максимилиана Баварского, на единственном мосту, который в то время пересекал Маас в Льеже, была построена крепость. Эта крепость, вооруженная пушками, которые могли простреливать оба берега реки, оставляла только один узкий водный путь, прозванный "Дарданеллами", по которому лодки могли проходить вверх и вниз по течению. Он давным-давно исчез, и нынешний Арочный мост теперь занимает вид старого моста. Неправильные очертания домов на берегу Мааса с серыми, белыми и красными фасадами, церковные башни, выступающие над крышами города позади, и гребень цитадели, возвышающийся высоко на заднем плане, лучше всего видны с моста Арки, от которого современная улица Леопольд ведет прямо в самое сердце Льежа, к месту, на котором стоял собор Святого Ламбера. Прошло всего столетие с тех пор, как были вывезены последние камни старой церкви; и теперь площадь Сен-Ламбер, как и площадь Верте, которая выходит на нее с запада, и рыночная площадь, которая находится в нескольких ярдах к востоку, с ее магазинами и кафе, имеет яркий деловой и процветающий вид.

Епископальный дворец, ныне Дворец правосудия, на возведение которого в начале шестнадцатого века ушло тридцать лет, претерпел множество изменений со времен Эрарда де ла Марка. Через двести лет после того, как он был закончен, пожар уничтожил первоначальный фасад, который пришлось перестраивать, а остальная часть огромного сооружения была восстановлена в девятнадцатом веке. Примитивный фасад был заменен

фасадом, выполненным в строгих классических линиях; но внутренние площади с их живописными галереями странно богаты типами всех стилей, смесью готики, ренессанса, мавританского, словно символизирующей превратности судьбы, пережитые князьями-епископами, населявшими это огромное здание. Большая часть гротескной резьбы, демоны в камне и фантастические фигуры, окружающие эти дворы, были созданы богатым воображением Франсиса Борсе, скульптора из Льежа.

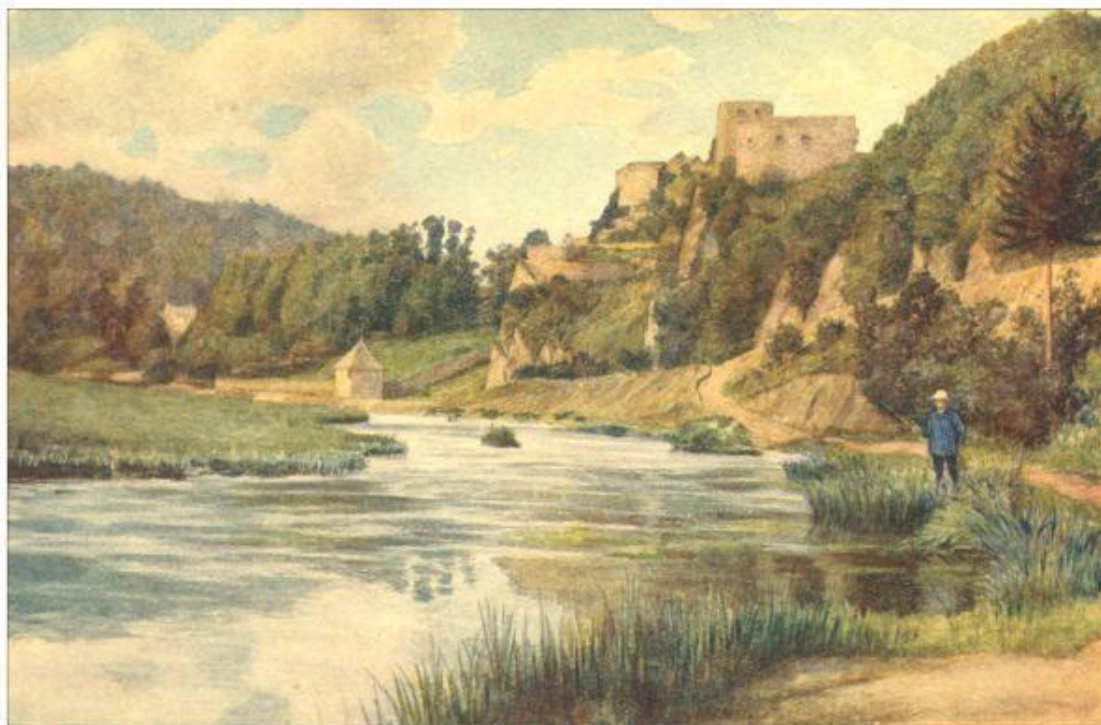
Рядом с Епископским дворцом находится рыночная площадь, где происходило так много сцен, описанных на этих страницах, и где сейчас стоит современный Перрон, спроектированный Делькурром в конце семнадцатого века взамен старой колонны, у подножия которой раньше провозглашались законы княжества, мира или войны. В нем нет ничего, что напоминало бы историю бурных времен, когда Карл Смелый унес его во Фландрию; но традиция древнего Перрона все еще жива.

В Брюсселе, Генте, Брюгге, Лувене дома де Виль сохраняют свой облик средневековья, когда они были центрами той страстной гражданской жизни, которая пульсирует на протяжении всей истории Нидерландов. Но Льежский отель-де-Виль современный, восемнадцатого века. Из него получился бы просторный частный особняк, но он не имеет ничего общего с архитектурными жемчужинами, украшающими великие города Фландрии и Брабанта.

Это отсутствие архитектурного своеобразия характерно для современного Льежа. Молоты Французской революции, разрушившие собор Святого Ламбера, довершили то, что начали пожары Карла Смелого, и от действительно старого Льежа почти ничего не осталось. Но пламенный дух, который когда-то привел к стольким войнам и революциям, теперь находит выход в полезной работе. Трудолюбивый характер валлонов, пожалуй, наиболее сильно развит в других валлонских частях Бельгии — на ковровых фабриках Турне, металлургических заводах Шарлеруа, льнозаводах Куртре и в угольных шахтах Боринажа, которые затемняют ландшафт на многие мили вокруг Монса. Но жители Льежа всегда славились своим мастерством в обработке стали и чугуна. В старые времена они ковали военное оружие, которым так часто пользовались; и в настоящее время в городе много процветающих компаний, выпускающих большое количество пушек, двигателей и механизмов, в то время как выше по Маасу есть угольные шахты, печи и фабрики, где валлоны трудятся так же усердно, как в Эно.

Через год после Ватерлоо Вильгельм I и англичанин Джон Кокерилл основали металлургический завод в Серене, в нескольких милях от Льежа. В 1830 году, когда Королевство Нидерландов распалось, Кокерилл стал владельцем предприятия, которое с тех пор росло, пока в настоящее время это одно из крупнейших металлургических предприятий в Европе, на угольных шахтах и машиностроительных заводах которого постоянно занято около двенадцати тысяч рабочих. Дворец в Серене, из которого революционная толпа перевезла епископа Хоэнсбрука в Отель-де-Вилль в Льеже летом 1789 года, сейчас является офисом известной фирмы "Джон Кокерилл и компания".

CHÂTEAU DE BOUILLON, IN THE SEMOIS VALLEY

За Сереном долина Мааса проходит через центр того, что когда-то было княжеством Льеж, и на каждом повороте есть что-то, напоминающее о былых временах. Белый замок Эгрмон, где раньше обитал Арденнский кабан, смело возвышается на вершине холма на левом берегу реки. Пройдя немного дальше, мы попадаем в страну Кондроз с ее столицей Чини, печально известной безумной "Войной Коров", и Хай с могилой Питера Отшельника и его долгой историей страданий. Сейчас вся долина такая мирная, полная тихих деревень, садов, сенокосов и хорошо возделанной земли, что трудно осознать, что на протяжении веков это было не что иное, как поле битвы, и что в этих регионах люди страдали почти так же сильно от грабежей своих друзей, как и от врагов, даже спустя много времени после того, как варварство бургундского периода ушло в прошлое. "У нас есть, - говорит фельдмаршал де Мерод во время кампаний Людовика XIV, - восемнадцать жалких пехотных полков и четырнадцать кавалерийских и драгунских, которые представляют собой всего лишь шесть тысяч нищих или воров, ибо у них нет ни денег, ни одежды, и они живут грабежом на больших дорогах, останавливая общественные и частные кареты, грабя путешественников или с пистолетом в руке требуя по крайней мере *налить себе вина*. Никто не может переехать из одного места в другое, не встретившись с ними, что разрушает бизнес и всю страну".

Положение Намюра, расположенного на слиянии рек Самбр и Маас, делало его местом, имевшим огромное значение в любой войне, не только в средние века, но и в более поздние времена. Когда был сформирован Великий союз против Франции, именно в Брабанте собрались основные силы союзников; но вскоре волна войны докатилась до долины Мааса. Льеж в течение пяти дней подвергался бомбардировке маршала Буффлера, и епископ из своего убежища в цитадели видел, как Ратуша и половина города были подожжены снарядами, которые перелетали через реку с французских батарей на Шартрезе. По мере продолжения борьбы Гюи был разрушен маршалом Виллеруа, Намюр перешел в руки Людовика XIV, и в отдалении казалось, что ни один город, каким бы сильным он ни был, не выдержит осады гения Вобана, в то время как победы при Стейнкерке и Ландене сделали

оружие Франции непобедимым. Но наконец, в 1695 году, началась осада и взятие Вильгельмом III Намюра. Взятие Намюра стало поворотным пунктом той войны и привело к Рисвикскому мирному договору, по которому Испания вернула себе Люксембург и все завоевания, которые король Франции совершил в Нидерландах.

Опять же, когда началась война за испанское наследство, английская армия, направлявшаяся в Германию, вошла в Льежское княжество, взяла город и цитадель Льеж, прогнала французов через реку Маас и довела войну до Бленхейма на Дунае. Но хотя первая из главных побед Мальборо была одержана таким образом в Баварии, вторая из четырех его великих битв была разыграна за то, чтобы получить контроль над дорогой в Намюр. Целью маршала Виллеруа при сражении при Рамийе была защита этого города, который он считал ключом к долине Мааса; но удача отвернулась от Франции, и сражение 23 мая 1706 года решило судьбу не только Льежского княжества, но и всей Бельгии, хотя война продолжалась после резни при Ауденарде и Мальплаке до заключения Утрехтского мира.

Даже сейчас тень возможной войны нависает над этой частью Европы; и если правы те, кто думает, что рано или поздно нейтралитет Бельгии будет нарушен, то весьма вероятно, что линия Мааса с его судоходным течением, железной дорогой и шоссейными дорогами, так хорошо приспособленная для военных целей, будет использована. Именно ввиду этой опасности сохраняются укрепления вдоль долины. В радиусе шести миль вокруг Льежа расположено двенадцать фортов. Цитадель Хай, спроектированная Вильгельмом I. вскоре после кампании при Ватерлоо, была расширена и укреплена совсем недавно, в 1892 году. Намюр окружен девятью фортами на расстоянии примерно шести миль от города; цитадель Динана образует форпост на юго-западе.

Последний раз, когда какая-либо часть Бельгии, столь долго являвшаяся "Центром Европы", имела представление о войне, это было осенью 1870 года. Битва при Седане разыгралась в нескольких милях от южных склонов Арденн, и в течение 3 сентября тысячи раненых и пленных из разбитой армии были скоплены в Буйоне, маленьком городке, расположенном в ущелье Семуа, сразу за бельгийской границей.

Когда-то это место было столицей герцогства. На высокой скале, почти окруженной темно-коричневыми водами извилистого Семуа, стоит разрушенный замок герцогов Бульонских, большое нагромождение серых стен и башен, которое дает некоторое представление об огромной мощи крепостей, которые даже в отдаленной лесной местности Арденн феодалы построили для себя. Возраст этой крепости неизвестен, но, по-видимому, есть основания полагать, что форт был возведен на этой скале князьями Арденн еще в седьмом веке. В одиннадцатом веке он был передан Льежскому княжеству знаменитым крестоносцем Годфри Бульонским; но эта часть Арденн, на границе Франции и Люксембурга, была своего рода "Спорной землей", и между епископами Льежа и семьей де ла Марк часто происходила борьба за герцогство. Арденнский Вепрь овладел им, и его сын узурпировал титул герцога Бульонского; но один из его потомков навлек на себя гнев Карла V. Замок был взят, город разграблен, а герцогство возвращено епископам Льежским. Они хранили его до тех пор, пока он не попал в руки Людовика XIV, который передал его семье Ла Тур д'Овернь, представителям рода де ла Марк. После Французской революции он стал небольшой республикой, но с 1815 по 1830 год был включен в состав Королевства Нидерландов. С тех пор он стал частью бельгийского Люксембурга.

Бульон с его горами, лесами и романтическими руинами, будучи одним из самых красивых мест в Арденнах, вскоре стал излюбленным местом отдыха и долгие годы жил спокойно, пока совсем рядом с ним в том богатом событиях 1870 году не разразилась буря. "Я был там, -

рассказывает месье Камиль Лемонье, - в разгар *кризиса*, и с болью в сердце, охваченный ужасом тех дней, написал эти слова: "Яростное движение людей заполнило улицы. Мы обнаружили, что *Площадь* переполнена горожанами, крестьянами, уланами, пленными и ранеными, которые барахтались под копытами лошадей, колесами повозок и ногами носильщиков. Ужасный шум поднялся в вечерней темноте от этой буйной толпы, которая бесцельно бродила с вытаращенными глазами, затерянная в агонии и едва ли сознававшая, что делает. Оцепенение, казалось, овладело каждым мозгом; и повсюду, глядя вниз на бурлящую массу, в окнах домов мерцали огни. За белыми жалюзи одного дома, "Отель де ла Пост", на углу слева от моста, всю ночь напролет двигалась беспокойная тень. Это была тень последнего Бонапарта, наблюдающего и пленного, в то время как рядом с ним неистовые крики, вырвавшиеся из-за поражения из обломков французской армии, затихли в рыданиях и судорогах".

На следующее утро Наполеон III, проводивший ночь в Почтовом отеле, покинул его в сопровождении охраны из прусских офицеров и поднялся по дороге через леса, лежащие между долинами Семуа и Лесс, в Либрамон, откуда поездом отправился в Вильгельмсхое.

С тех пор Бульон вернулся к спокойным временам, предшествовавшим франко-германской войне; но у того, кто изучает историю, должно быть, очень тупое воображение, если ему не о чем думать в этой узкой долине, на границе Бельгии и Франции, где встречаются прошлое и настоящее, о дне, когда герцог Годфри уехал, чтобы водрузить свой штандарт на стенах Иерусалима, и о дне, когда его замок свысока взирал на унижение правителя, который начал свое правление с войны за Святые места Палестины.

BILLING And SONS, LTD., ТИПОГРАФИЯ, ГИЛФОРД

Эскиз карты БЕЛЬГИИ и части ГОЛЛАНДИИ

СОПРОВОЖДАЮЩАЯ "БЕЛЬГИЯ" А. ФОРЕСТЬЕ И Г. В. Т. ОМОНД (А. И К. БЛЭК)

ПРЕКРАСНЫЕ КНИГИ БЛЭКА

ВСЕ С ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

THE 20-е ГОДЫ. ЧИСТАЯ СЕРИЯ *бесплатно, 20s. 6d.*

В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ, Размер 9 × 6 ¼ дюйма.

Нарисовано и описано

Фрэнсис Э. Несбитт

Алжир и Тунис

70 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Описан сэром Мартином Конвеем

Нарисован А. Д. Мак'Кормиком

Альпы

70 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина А. Форестье

Описано Г. В. Т. Омондом

Бельгия

77 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Дж. Льюис Бонот, М.А., F.L.S., F.Z.S.

Птицы Британии

100 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Выбран его превосходительством Дрессером

Х. М. Кэндалл, I.S.O., F.S.A.

Биркет Фостер

100 ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ (БОЛЕЕ 70 ЦВЕТНЫХ) И МНОЖЕСТВО НАБРОСКОВ В ТЕКСТЕ

Автор: Мортимер Менпес, R.I., R.E.

Текст Дороти Менпес

Бретань

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисовано и описано

Р. Тэлбот Келли, Р.Б.А.

Бирма

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

М. А. Р. Тукер

Картина Уильяма Мэттисона

кембридж

77 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Т. Мауэр Мартин, R.C.A.

Описан Уилфредом Кэмпбеллом

Канада

76 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Генри Б. Уимбуша

Описано Эдит Ф. Кэри

Нормандские острова

76 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Мэри Й. Хантер и Дж. Янг Хантер

Описано Нилом Манро

Клайд

67 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Уорика Гобла

Описано профессором. Александер ван Миллинген, доктор медицинских наук

Константинополь

63 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Джон Келман, магистр, доктор философии

Картина Маргарет Томас

Из Дамаска в Пальмиру

70 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисовано и описано

Р. Тэлбот Келли, Р.Б.А.

Египет

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Хелен Аллингем, R.W.S.

Текст Маркуса Б. Хьюиша

Счастливая Англия

80 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор : Дион Клейтон Кэлтроп

Английский костюм

73 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ НАБРОСКИ В ТЕКСТЕ

Картина А. Хитона Купера

Описан Уильямом Т. Палмером

Английские озера

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован полковником Р. К. Гоффом

Описано миссис Гофф

Флоренция и некоторые города Тосканы

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Джон Фуллейлав, Р.И.

Описано Дж. А. Макклимонтом, магистром медицины, доктором медицинских наук

Греция

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

М. Х. Шпильманн, Ф.С.А.,
и Г. С. Лейард

Кейт Гринуэй

75 ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ (51 ЦВЕТНАЯ) И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ
В ТЕКСТЕ

Нико Юнгман

Текст Беатрикс Юнгман

Голландия

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Джон Фуллейлав, Р.И.

Описано преподобным Джоном Келманом, магистром медицины

Святая Земля

93 ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ, В ОСНОВНОМ ЦВЕТНЫЕ

Автор: Мортимер Менпес, R.I.

Текст Флоры А. Стил

Индия

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Фрэнсиса С. Уокера, R.H.A.

Описано Фрэнком Мэтью

Ирландия

77 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор : Элла Дю Кане

Описано Ричардом Бэготом

Итальянские озера

69 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Мортимер Менпес, R.I., R.E.

Расшифровано Дороти Менпес

Япония

100 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

У. Тейнмут Шор

Картина У. Бискомба Гарднера

Кент

73 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Роза Бартон, A.R.W.S.

Знакомый Лондон

61 ЦВЕТНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисовано и описано

У. Л. Уилли, A.P.A. И Мэриан Эми Уилли

От Лондона до Нора

60 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисовано и описано

Филип Норман, Ф.С.А.

Лондон Исчез и продолжает Исчезать

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисовано

Герберт М. Маршалл, R.W.S.

Описан Г. Э. Миттоном

Лондонский пейзаж

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: сэр Уолтер Гилби, британец

Джордж Морланд

50 ЦВЕТНЫХ РЕПРОДУКЦИЙ ЛУЧШИХ РАБОТ ХУДОЖНИКА НА ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован А. С. Форрестом

Описано С. Л. Бенсузаном

Марокко

74 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Августин Фицджеральд

Описано Сибил Фицджеральд

Неаполь

80 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Нормана Уилкинсона

Описан Х. Лоуренсом Суинберном

Королевский военно - морской флот

61 ЦВЕТНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нико Юнгман

Текст Беатрикс Юнгман

Норвегия

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Джон Фуллейлав, Р.И.

Описано Эдвардом Томасом

Оксфорд

60 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован и описан Уильямом Скоттом

Ривьера

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Альберто Пизы

Текст М. А. Р. Тукера и Хоуп Маллесон

Рим

70 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор картины Саттон Палмер

Описано А. Р. Хоуп Монкрифф

Бонни Скотланд

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Нормана Х. Харди

Описано Э. Уэй Элкингтоном, F.R.G.S.

Дикие Южные моря

68 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован и описан Эдгаром Т. А. Уигрэмом

Северная Испания

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор картины Саттон Палмер

Описано А. Р. Хоуп Монкрифф

СURREY

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Уилфрид Болл, Р.Э.

Сассекс

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Мортимер Менпес, R.I., R.E.

Текст Дж. Э. Миттона

Темза

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Мортимер Менпес, R.I., R.E.

Текст Дороти Менпес

Венеция

100 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Роберт Фаулер, Р.И.

Описано Эдвардом Томасом

Прекрасный Уэльс

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Мортимер Менпес, R.I., R.E.

Расшифровано Дороти Менпес

Военные впечатления

99 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован Фредом. Уайтхед, Р.Б.А.

Описано Клайвом Холландом

Уорикшир

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Уолтера Тиндейла

Описано Клайвом Холландом

Уэссекс

75 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Мортимер Менпес, R.I., R.E.

Текст Дороти Менпес

Дети мира

100 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован и описан Гордоном Хоумом

Йоркшир

71 ЦВЕТНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

THE **10-е ГОДЫ. ЧИСТАЯ** СЕРИЯ *бесплатно, 10s. 6d.*

ВСЕ С ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Размер 9 × 6 ¼ дюйма

Картина Уильяма Смита, июнь.

Описано А. Р. Хоуп Монкрифф

Высокогорье и острова Шотландии

40 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина А. Форестье

Описано Г. В. Т. Омондом

Брюгге и Западная Фландрия

37 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нико Юнгман

Текст Дж. Э. Миттона

Нормандия

40 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

А ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТ, содержащий табличку с образцом, любого тома из этого Списка будет отправлен Издателям по заявке.

THE **7s. 6d. ЧИСТАЯ** СЕРИЯ *бесплатно, 7с. 11д.,*

ВСЕ С ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Размер 9 × 6 ¼ дюйма

Картина Уильяма Смита, июнь.

Описано преподобным У. С. Крокеттом

Эбботсфорд

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

К. Льюис Хинд

Приключения среди картинок

На 24 ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ (8 ЦВЕТНЫХ И 16 ЧЕРНО-БЕЛЫХ)

Автор: Гертруда Демейн Хэммонд, R.I.

Прекрасная Книга на День Рождения

12 ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ В ЦВЕТНЫХ ДЕКОРАТИВНЫХ РАМКАХ ОТ А. А. ТУРБЕЙНА

Картина А. Форестье

Текст Г. В. Т. Омонда

Брабант и Восточная Фландрия

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

А. Крокстон Смит

Картина Г. Вернона Стокса

Британские собаки на работе

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

У. Тригнмут Шор

Картина У. Бискомба Гарднера

Кентербери

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Миссис Уиллингем Ронсли

Деревенские зарисовки для городских жителей

16 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Джон Фуллейлав, Р.И.

Описано Розалин Массон

Эдинбург

21 ЦВЕТНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован и описан Бидионом Клейтоном Кэлтропом

Английский костюм

В четырех разделах, каждый из которых содержит от 18 до 20 цветных иллюстраций на всю страницу и множество иллюстраций в тексте:

Раздел I. Раннеанглийский

" II. Средние века

" III. Тюдор и Стюарт

" IV. Георгианский и др.

Цена 7 шилл. 6долларов нетто за штуку.

Картина Беатрис Парсонс

Описано Э. Т. Куком

Сады Англии

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Альфред Остин, *Поэт-лауреат*

Автор: Джордж С. Элгуд, Р.И.

Сад, который я люблю

16 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Альфред Остин, *Поэт-лауреат*

Автор: Джордж С. Элгуд, Р.И.

Зимнее жилище Ламии

16 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ И 13 ФРАГМЕНТОВ ГОЛОВЫ И ХВОСТА УИЛЬЯМА СКОТТА

Леди Батлер

Художник "Переклички"

Письма из Святой Земли

16 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ ОТ ЛЕДИ БАТЛЕР

Картина А. Форестье

Описано Г. В. Т. Омондом

Льеж и Арденны

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Джон Фуллейлав, Р.И.

Описано Артуром Пойзером

Лондонский тауэр

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Джон Фуллейлав, Р.И.

Описано А. Р. Хоуп Монкрифф

Мидлсекс

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Дж . Хардвика Льюиса

Описан Фрэнсисом Х. Грибблом

Montreux

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисована и описана миссис Уиллингем Ронсли

Нью - Форест

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Артура Джорджа Белла

Описано миссис А. Г. Белл

Нюрнберг

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Х. Дж. Добсон, R.S.W., A.R.C.A.

Описано Уильямом Сандерсоном

Шотландская жизнь и характер

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Джон Аддингтон Саймондс и его дочь Маргарет

Картина Дж . Хардвика Льюиса

С предисловием миссис Воан (Маргарет Саймондс)

Наша жизнь на Швейцарском нагорье

22 ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ (20 ЦВЕТНЫХ)

Автор: Хелен Аллингем, R.W.S.

Описано Артуром Х. Патерсоном

Дома Теннисона

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

К. Льюис Хинд

Дни с Веласкесом

24 ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ (8 ЦВЕТНЫХ И 16 ЧЕРНО-БЕЛЫХ)

Оливер Голдсмит

Викарий из Уэйкфилда

13 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ, ВЫПОЛНЕННЫХ ХУДОЖНИКОМ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Автор: Джон Фуллейлав, Р.И.

Описано миссис А. Мюррей Смит

Вестминстерское аббатство

21 ЦВЕТНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Джорджа М. Хентона

Описано сэром Ричардом Ривингтоном Холмсом, К.К.В.О.

Виндзор

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Гордон Хоум

Сцены Побережья Йоркшира и Вересковых пустошей

32 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован и описан Гордоном Хоумом

Йоркширские долины и сопки

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован и описан Гордоном Хоумом

Йоркширские долины и вольды

20 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

THE 6-й. ЧИСТАЯ СЕРИЯ *бесплатно, 6s. 4d.*

ВСЕ С ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Размер 7½ × 5 ¼ дюйма

Картина Г. Ф. Николлса

Описан Фрэнсисом Даквортом

Котсуолдс

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Описан Ф. Дж . Снеллом

Северный Девон

26 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина К. Э. Ханнафорда

Описано Ч. Р. Роу, М.Дж.И.

Южный Девон

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Дж . Хардвика Льюиса

Описан Спенсером К. Муссоном

Верхний Энгадин

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован Джеймсом Фаэдом, июнь.

Описано Дж . М. Слоуном

Гэллоуэй

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Фрэнсиса С. Уокера, R.H.A.

Описано Фрэнком Мэтью

Ирландия

32 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован А. С. Форрестом

Описано Джоном Хендерсоном

Ямайка

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Т. Мауэр Мартин, R.C.A.

Описано А. Р. Хоуп Монкрифф

Сады Кью

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Дж . Гамильтона Хэя

Описан Вальтером Скоттом

ливерпуль

25 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Нарисован и описан А. Хитоном Купером

Норвежские фьорды

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Мортимер Менпес, R.I., R.E.

Текст Дороти Менпес

Париж

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ЛИНЕЙНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

Картина У. Бискомба Гарднера

Описано А. Р. Хоуп Монкрифф

Страна Вершин

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Картина Э. Харрисона Комптона

Описано У. А. Бейли-Громаном

Тироль

24 ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

ПРИМЕЧАНИЕ: ОПУБЛИКОВАНО А. И К. БЛЭКОМ · СОХО-СКВЕР · ЛОНДОН · У.

И ДОСТУПЕН ЧЕРЕЗ ЛЮБОГО КНИГОТОРГОВЦА В СТРАНЕ ИЛИ ЗА РУБЕЖОМ

КНИГИ ДЛЯ РЫБОЛОВОВ

Цена 7 шилл. 6долларов нетто за штуку; бесплатная доставка - 7 шилл.

11долларов. Размер 8 × 5½ дюйма.

Под редакцией Ф. Г. Афлало

Погода для рыбаков

Мнения и опыт 100 известных рыболовов

СОДЕРЖИТ 8 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ По РИСУНКАМ ЧАРЛЬЗА УИМПЕРА, Ф.З.С.

У. Эрл Ходжсон

Ловля форели

(Второе издание)

С ФРОНТИСПИСОМ И ЦВЕТНЫМ СБОРНИКОМ МОДЕЛЕЙ МУХ

У. Эрл Ходжсон

Ловля лосося

СОДЕРЖИТ 8 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ВСЮ СТРАНИЦУ, ВКЛЮЧАЯ МАКЕТЫ 74
РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЛОСОСЕВЫХ МУШЕК,
И 10 РЕПРОДУКЦИЙ НА ВСЮ СТРАНИЦУ ИЗ КНИГ "ФОТОГРАФИИ РАЗНОЕ"

ВСЕ С ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

РАЗНЫЕ КНИГИ

ВСЕ С ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ВСЮ СТРАНИЦУ

Автор: Мортимер Менпес, R.I., R.E.

Рембрандт

С Эссе К. Льюиса Хинда о жизни и творчестве Рембрандта

ДЕМИ кварто, ткань, позолоченный верх (11 × 8 ¼ дюйма). **ЦЕНА 12,6 долларов нетто;
бесплатная отправка - 13 долларов.**

16 ПРИМЕРОВ РАБОТ МАСТЕРА, ВОСПРОИЗВЕДЕННЫХ ЦВЕТНЫМ ФАКСИМИЛЬНЫМ
СПОСОБОМ С ПОМОЩЬЮ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Сэра Вальтера Скотта

Владычица озера

ОКТАВО С БОЛЬШОЙ ЗАВОДНОЙ ГОЛОВКОЙ, ТКАНЕВЫЙ, ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ВЕРХ

ЦЕНА 5 долларов НЕТТО

Отправка бесплатно, 5s. 5d.

50 ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ (8 ИЗ НИХ ЦВЕТНЫЕ, С КАРТИН САТТОНА ПАЛМЕРА)

У. К. Стюарта

Практичный Рыболов

или Искусство ловли форели, особенно применяемое в Чистой воде

БОЛЬШАЯ ЗАВОДНАЯ ГОЛОВКА ОСТАВО, ТКАНЕВАЯ

ЦЕНА 3s. 6d. НЕТТО

Бесплатная отправка по почте, 3s. 10d.

СОДЕРЖИТ ЦВЕТНЫЕ ФАКСИМИЛЕ МУХ, КОТОРЫМИ ПОЛЬЗОВАЛСЯ МИСТЕР СТЮАРТ
(6 ТАРЕЛОК)

СЕРИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ.

Размер 6 ¼ × 4 дюйма

Автор : Мортимер и Дороти Менпес

Сэр Генри Ирвинг

СОДЕРЖИТ 8 ЦВЕТНЫХ ПОРТРЕТОВ ИРВИНГА

ЦЕНА 2с. НЕТТО

Публикация бесплатная, 2с. 3д.

КНИГИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК

Все С ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

ЦЕНА 6 долларов. КАЖДЫЙ

Размер 8 ¼ × 6 дюймов.

Автор : С. Р. Крокетт

Сказки о Красной Шапочке

Украдено из Сундука с сокровищами Волшебника Севера

16 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

САЙМОН ХАРМОН ВЕДДЕР

Под редакцией Г. Э. Миттона

Швейцарская семья Робинзонов

12 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

ГАРРИ РАУНТРИ

Автор : Аскотт Р. Хоуп

Приключения Панча

12 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

СТИВЕН БАГОТ ДЕ ЛА БЕР

АВТОБИОГРАФИИ ЖИВОТНЫХ

Черный медведь. Г. Перри Робинсона

Кот. Автор Вайолет Хант

Собака Вайолет Хант. Г. Э. Миттон

Лиса. Дж. К. Трегартен

Крыса. Г. М. А. Хьюитт

Белка. Т. К. Бриджес

КАЖДАЯ СОДЕРЖИТ 12 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

Другие в стадии подготовки.

Переведено и сокращено Домиником Дейли

Приключения

Дон Кихот

12 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

СТИВЕН БАГОТ ДЕ ЛА БЕР

Путешествия Гулливера

16 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

СТИВЕН БАГОТ ДЕ ЛА БЕР

Автор : Джон Баньян

Путешествие пилигрима

8 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

АВТОР: ГЕРТРУДА ДЕМЕЙН ХЭММОНД, R.I.

Автор П. Г. Вудхаус

Вильгельм Телль Снова Рассказал

16 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

АВТОР ФИЛИП ДАДД

Дж . Э. Миттон

Детская книга Лондона

12 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

ДЖОН УИЛЬЯМСОН , Дж . Э. Миттон

Детская книга звезд

С предисловием сэра Дэвида Гилла, К.К.Б.

16 ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ (12 ЦВЕТНЫХ) И 12 ДИАГРАММ В ТЕКСТЕ

Элизабет У. Гирсон

Эдинбургская детская книга

12 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

АВТОР : АЛЛАН СТЮАРТ

Элизабет У. Гирсон

Детские сказки из шотландских баллад

12 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ

АВТОР : АЛЛАН СТЮАРТ

Преподобным Р. К. Джилли

Родственники и друзья Иисуса

16 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ, ВЫПОЛНЕННЫХ СЕПИЕЙ

Автор : Харриет Бичер - Стоу

Хижина дяди Тома

8 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ВО ВСЮ СТРАНИЦУ И МНОГИЕ ДРУГИЕ В ТЕКСТЕ

ЗАГЛЯДЫВАЕТ ВО МНОГИЕ ЗЕМЛИ

КАЖДАЯ СОДЕРЖИТ 12 ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ВСЮ СТРАНИЦУ. КВАДРАТНАЯ
КОРОНА ОСТАВО, ТКАНЬ

*Цена **1 6долларов** нетто за штуку; Бесплатно по почте, **1 10долларов**.*

ФРАНЦИЯ | ГОЛЛАНДИЯ | ИНДИЯ | ИТАЛИЯ | ЯПОНИЯ | ШОТЛАНДИЯ

*Пожалуйста, обратитесь к издателям Адаму и Чарльзу Блэкам, Сохо-сквер, Лондон, W.,
за подробным проспектом любого тома из этого списка.*

Сами книги можно приобрести у любого книготорговца в стране или за рубежом.

ОПУБЛИКОВАНО А. И К. БЛЭКОМ · СОХО-СКВЕР · ЛОНДОН · W.

Примечание переписчика

Было приложено все усилия, чтобы эта электронная книга была как можно ближе к оригиналу.

Расположение иллюстраций было слегка скорректировано, чтобы они не располагались в середине строк текста.

Сноскам присвоены номера, и они приведены в конце каждой главы.